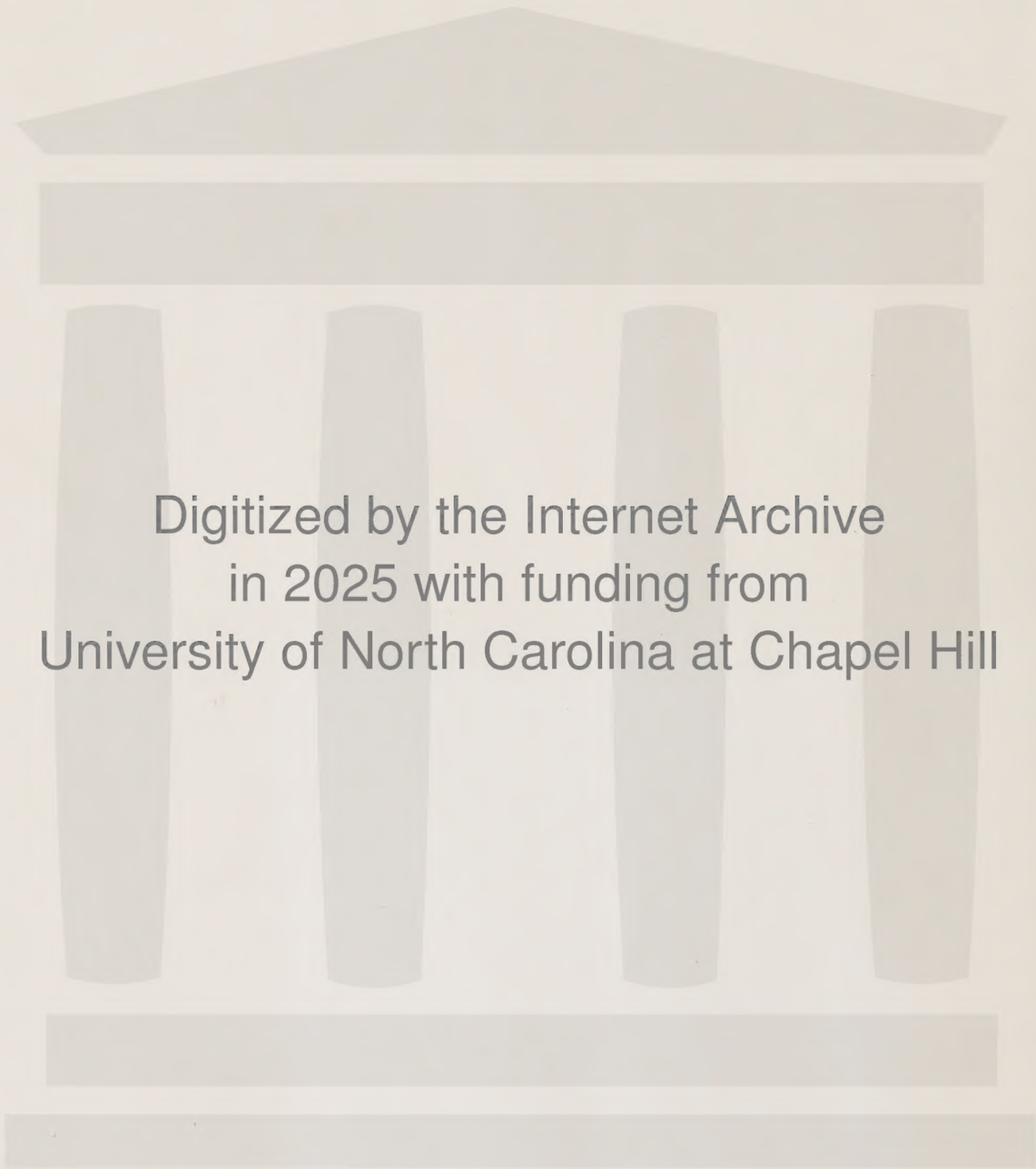
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Folio
PN2728
.S3, P7
1900

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/mariagavrilovnas00prot

Марія Гавріиловна

САВИНА.

Folio
PN2728
.S3
P7
1900

MARIIA GAVRILOVNA SAVINA

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА. БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ В. В. ПРОТОПОПОВА.

СЪ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ М. Г. САВИНОЙ — АВТОГРАФАМИ: Д. В. АВЕРКІЕВА, П. Д. БОБОРЫКИНА, П. И. ВЕЙНБЕРГА, П. П. ГНѢДИЧА, А. А. ПОТѢХИНА.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

Выпускъ I.

(Періодъ до поступленія на Императорскую сцену).

1900

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „ТРУДЪ“. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Января 1900 года.

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. Дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Отъ Автора.

Я назвалъ составленный мною очеркъ о М. Г. Савиной «біографическимъ». На это названіе я усиленно обращаю вниманіе каждаго, кто заинтересуется сценической карьерой нашей несравненной артистки, — каждаго, кто захочетъ увидѣть передъ собой болѣе или менѣе рельефную картину ея постепенныхъ сценическихъ успѣховъ, начиная первыми, робкими шагами «дѣвицы Стремляновой» и кончая прогремѣвшими на весь міръ берлинскими тріумфами: «der berühmten russischen Hofschauspielerin Savina.»

Здѣсь, передъ читателями, очеркъ исключительно біографическій, безъ малѣйшихъ слѣдовъ критики. Сценическая дѣятельность Маріи Гавріиловны Савиной — блестящая страница исторіи русскаго театра, которую, конечно, можно критиковать, обсуждать, анализировать, но которую, прежде всего, необходимо прочесть.

Я взялъ на себя скромную задачу написать эту страницу — и только. Поэтому мой очеркъ «біографическій», а не «критико-біографическій»: роль, которую сыграла и до сихъ поръ играетъ въ исторіи русскаго сценическаго искусства Марія Гавріиловна Савина, пусть опредѣляютъ другіе.

Въ моихъ рукахъ было огромное количество матеріала, любезно предоставленнаго мнѣ всѣми театральными дѣятелями, къ которымъ я обращался... Приношу имъ за это глубокую, искреннюю благодарность. Я старался разработать этотъ матеріалъ насколько возможно полнѣе, не пренебрегая ни одной замѣткой, ни одной строчкой, подвергая каждую изъ нихъ спокойному, строго объективному изслѣдованію добросовѣстнаго біографа.

Это все, что я сдѣлалъ, — что написалъ...

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ поблагодарить также Д. В. Аверкіева, П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, П. П. Гнѣдича и А. А. Потѣхина, любезно сдѣлавшихъ, по моей просьбѣ, свои характеристики артистки, создавшей цѣлую галлерею типовъ въ ихъ пьесахъ, иногда годами не сходившихъ съ репертуара Императорской сцены.

В. Протопоповъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Вслѣдствіе обширности матеріала, настоящее изданіе раздѣлено на три выпуска. Второй выпускъ, содержаніе котораго посвящено двадцатилѣтію дѣятельности Маріи Гавріиловны Савиной, приготовляется къ печати и появится въ концѣ текущаго Января. Третій же выпускъ, обнимающій послѣднія пять лѣтъ, заграничные тріумфы высокодаровитой артистки и описаніе празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея, появится въ срединѣ Февраля. Въ этихъ выпускахъ мы дадимъ еще нѣсколько обѣщанныхъ намъ извѣстными современными беллетристами и драматургами автографовъ-характеристикъ, которые въ общемъ составятъ достойный вѣнокъ къ юбилею нашей великой артистки. Заготовлено болѣе сотни художественно исполненныхъ заграницею клише съ портретовъ, рисунковъ, каррикатуръ.

СПБ. ТОВАРИЩЕСТВО ПЕЧАТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „ТРУДЪ“.

М. Г. Савина принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ актрисъ когда-либо мною видѣнныхъ. Я живо помню какъ по переѣздѣ изъ Москвы лѣтъ двадцать тому, я былъ пораженъ ея талантомъ; до нея въ теченіе многихъ лѣтъ въ Александринскомъ театрѣ подвизались только второстепенныя артистки. Діапазонъ таланта Савиной весьма значителенъ. Я былъ чуть ли не первымъ авторомъ, рѣшившимся поручить ей драматическую роль, именно Зорицы въ „Трогарскомъ Воеводѣ". Помнится тогда нѣкоторые рецензенты, ставившіе М. Г. за чистую ingénue, упрекали меня за тогда якобы ~~пошлованіе~~ ея таланта; но Савина затѣмъ сыграла съ успѣхомъ не одну драматическую роль. Ея талантъ нисколько не [illegible]. Недавно, какъ въ концѣ прошлаго года мнѣ довелось видѣть ее въ роли Евлаліи (если не ошибаюсь) въ Невольницахъ Островскаго, и она играла великолѣпно. Кажется, за эту роль ее упрекали въ недостаточной драматичности. Но, по моему, въ роли нѣтъ и мѣста драматическаго, и при исполненіи Савиной пьеса Островскаго становится болѣе поэтической и ~~[illegible]~~ [illegible].

7/I/1900

Д. Аверкіевъ

М. Г. Савину природа очень щедро надѣлила крупнымъ и вполнѣ самостоятельнымъ талантомъ; это именно одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые, какъ истинные поэты — по извѣстному латинскому выраженію — не «образуются» (fiunt), а «рождаются» (nascuntur). Савина вся, по своей натурѣ, есть сценическій „темпераментъ"; отличительное свойство этого дарованія и составляетъ то, что нѣмцы называютъ „packend", т. е. захватывающее, подчиняющее себѣ зрителя и сознательно и инстинктивно. Въ этомъ захватываніи одну изъ главныхъ, если не самую главную роль играетъ присущее въ талантѣ Савиной — лучше сказать, господство въ немъ — „женственности", въ лучшемъ значеніи этого качества и въ самыхъ разнообразныхъ его оттѣнкахъ; Гетевское das ewig Weibliche, конечно по примѣненію его къ сценѣ, всегда приходитъ на память, когда проводишь передъ собой роли громаднаго репертуара нашей Савиной — отъ шаловливой дѣвочки до глубокой страдалицы, отъ легкой комедіи женскаго сердца до его самой потрясающей драмы... На меня лично игра Савиной часто производила неотразимое впечатлѣніе именно въ силу этихъ достоинствъ...

Петръ Вейнбергъ

Истинная артистка не подлаживается подъ вкусъ публики — она сама ведетъ публику за собою; истинная артистка играетъ не роль, а ту часть пьесы, которая включена въ ея роль авторомъ; для истинной артистки нѣтъ плохихъ ролей: она своимъ талантомъ дорисовываетъ то, что намѣчено только авторомъ; истинная артистка не боится соперницъ: ихъ у нея нѣтъ; для истинной артистки всё легко и просто на сценѣ, и нѣтъ никакихъ трудностей; она — примѣръ аккуратности; при первой репетиціи первая, уходитъ послѣднею. — Такая артистка — Марія Гавриловна Савина. Это огромной художникъ: живой, впечатлительный, отзывчивый, своеобразный, тонкій, красочный и жизнерадостный. Она играла въ пяти моихъ пьесахъ — и воспоминанія о ея исполненіи — яркіе солнечные просвѣты на моемъ тернистомъ пути драматическаго автора.

П. Гнѣдичъ

10 Января 1900 г.
С. П. Бургъ

Еще Лессингъ сказалъ, что искусство актера — мимолетно. Это — правда; но безъ него и творческая работа драматурговъ не доходила бы до пониманія и сочувствія залы. Эту связь убить легко и убійственнѣе всего — нечуткой — исполнительницѣ. На душѣ М. Г. Савиной врядъ-ли есть хоть одинъ такой грѣхъ. Авторъ „Старыхъ счетовъ", „Доктора Мошкова", „Клейма" — знаетъ это, помнитъ и говоритъ свое писательское спасибо!

8/I 1900

П. Боборыкинъ

М. Г. Савина — большой, самобытный, вполне оригинальный талантъ.

Обладая большимъ умомъ, художественнымъ инстинктомъ, чуткимъ сердцемъ и необыкновенно счастливыми внѣшними сценическими данными, она поставила идеаломъ своего творчества на сценѣ только правду жизни; реальность, искренность, правдивость сценическаго исполненія всегда были ея главнѣйшею задачею. Она никогда не прибѣгала къ искусственности, преувеличеніямъ, аффектаціи. Въ области обыденной жизни она умѣла постигать и искренно, правдиво изображать самыя разнообразныя, самыя тонкія, сложныя и глубокія душевныя движенія; въ бытовой драмѣ и комедіи, и въ комедіи нравовъ, знакомая съ весьма сложными общества, она умѣла создавать такіе цѣльные, типичные образы, которые навсегда оставались живыми и неизгладимыми въ памяти зрителя. Не было роли, въ которую она не старалась бы вложить жизнь, и часто фальшивый и мертвый матеріалъ въ ея обработкѣ превращался въ живую правду. Заслуги Савиной предъ сценой и искусствомъ за 25-лѣтнюю ея дѣятельность неисчислимы, но она далеко еще не все исчерпала изъ богатаго запаса данныхъ ей Богомъ силъ, и общество имѣетъ всѣ основанія ожидать отъ нея еще большой службы искусству въ будущемъ: она не остановилась, не устала, но хочетъ идти и идетъ впередъ.

Алексѣй Потѣхинъ

о вторникъ 30-го марта 1854 года въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ у преподавателя рисованія и надзирателя въ мѣстной гимназіи Гавріила Николаевича Подраменцева родилась дочь, названная при крещеніи Маріей.

У молодого учителя рисованія была страсть, неотвязчивая, снѣдающая страсть къ театральнымъ подмосткамъ, гдѣ онъ часто выступалъ въ качествѣ актера-любителя. Благодаря этой страсти, онъ могъ легко сносить жизненныя неудачи, а улыбавшаяся ему издали сценическая слава заставляла его порой отрѣшаться отъ дѣйствительности и уноситься въ міръ фантазіи.

Крымская кампанія 1854 года сыграла въ его судьбѣ большую роль.

Въ это время по всѣмъ городамъ давались благотворительные или, какъ ихъ называли тогда, „благородные“ спектакли въ пользу раненыхъ, и молодой Подраменцевъ могъ блеснуть здѣсь своимъ дарованіемъ.

О немъ заговорили, ему сулили хорошую сценическую будущность и всѣ эти разговоры до того взволновали молодого любителя, что онъ не на шутку сталъ подумывать о перемѣнѣ службы.

Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшилъ, наконецъ, оставить гимназію и всецѣло посвятить себя сценѣ. Сыгравъ съ успѣхомъ нѣсколько ролей лѣтомъ въ Кіевѣ, онъ заключилъ на зиму условіе въ Одессу, въ Городской театръ, антрепренеромъ котораго былъ тогда И. К. Фолетти.

Семья послѣдовала за нимъ, причемъ на сцену поступила и его жена.

Одесса славилась тогда, какъ одинъ изъ самыхъ театральныхъ городовъ. Публика тамъ была взыскательная и очень чуткая къ истиннымъ талантамъ. Фолетти зналъ, что на югѣ любятъ все яркое и необыкновенное и въ одинъ сезонъ показалъ въ своемъ театрѣ двухъ большихъ артистовъ, Е. А. Фабіанскую и П. А. Никитина. Кромѣ того въ труппѣ было много молодыхъ начинающихъ актеровъ, которые сообщали всему дѣлу веселое, свѣжее настроеніе. Въ числѣ ихъ мы видимъ и молодого актера Гавріила Николаевича Подраменцева, принявъ-

Елена и Марія Подраменцевы (1861 г.).

шаго при вступленіи на сцену фамилію Стремлянова. Къ этому времени у супруговъ Подраменцевыхъ были уже двѣ дочери: Марія и Елена, впослѣдствіи извѣстная артистка Императорскихъ театровъ Стремлянова.

Такъ прошло три года. Старшей дочери Подраменцевыхъ исполнилось восемь лѣтъ и наступила пора подумать о ея образованіи. Крошку Маню отдали въ пансіонъ Нейманъ, гдѣ Гавріилъ Николаевичъ давалъ уроки рисованія.

Пансіонъ Нейманъ считался тогда лучшимъ въ Одессѣ: онъ носилъ чисто семейный характеръ, и давалъ настолько солидную научную подготовку, что воспитанницы, оканчивавшія въ немъ курсъ, держали выпускной экзаменъ въ Ришельевскомъ лицеѣ.

Манѣ Подраменцевой пришлось пробыть въ этомъ пансіонѣ недолго: черезъ три года послѣ ея поступленія г-жа Нейманъ прекратила свою педагогическую дѣятельность и большинство ея ученицъ, а между ними и Маня Подраменцева, перешли въ только что открывшуюся, первую въ Одессѣ, женскую гимназію фонъ-Огліо.

Съ этого времени начинается сознательная сценическая дѣятельность молодой артистки „дѣвицы Стремляновой“, будущей Маріи Гавріиловны Савиной. Слово „сознательная“ здѣсь необходимо потому, что Маня Подраменцева или „дѣвица Стремлянова“, какъ значилось на афишахъ, выступала на театральныхъ подмосткахъ и раньше, еще въ періодъ своего пребыванія у г-жи Нейманъ, играя незначительныя дѣтскія роли, первой изъ которыхъ была Флоретта (Эсмеральда) въ драмѣ „Эсмеральда или алый башмачекъ“.

Теперь заглянемъ въ „Воспоминанія“ самой артистки. Вотъ что мы читаемъ въ нихъ:

„Я помню себя съ трехлѣтняго возраста... Это, конечно, не значитъ, что безусловно вся моя дѣтская жизнь въ настоящее время живо рисуется моему воображенію — далеко нѣтъ: воспоминанія ранняго дѣтства сохранились въ моей памяти отдѣльными эпизодами, безъ всякой послѣдовательности, безъ всякой логической связи между ними: одни прекрасно, ярко, рельефно, отчетливо, другіе гораздо хуже, какъ-то блѣдно, бѣзцвѣтно...

Къ трехлѣтнему возрасту относится первый случай, въ которомъ я помню себя: здѣсь впервые мое личное „я“ вступило на почву настолько сознательнаго существованія, что уже могло воспринимать извѣстныя, наружныя впечатлѣнія и сохранять ихъ въ мозгу, правда, пока еще безъ всякой самостоятельной переработки.

Почему мое мозговое пробужденіе произошло такъ рано — я не знаю... Можетъ быть, оттого, что у меня была слишкомъ нервная натура, можетъ быть этому имѣлись какія нибудь другія причины, но во всякомъ случаѣ достовѣрно

Марія Подраменцева съ шифромъ пансіона Нейманъ (1863 г.).

только одно: удержавшійся въ моей памяти фактъ самъ по себѣ едва-ли могъ бы заставить меня такъ долго не забывать его — онъ не отличался рѣзко ничѣмъ особеннымъ и былъ напротивъ самаго обыкновеннаго, будничнаго свойства: я помню, напримѣръ, какъ нанимали няньку моей сестрѣ, младшей меня на три года.

Нянька эта прожила у насъ 26 лѣтъ, вынянчила, кромѣ сестры, еще и нашего брата и умерла въ нашемъ семействѣ.

Мы жили въ то время въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ, моей родинѣ, и занимали казенную квартиру въ мѣстной гимназіи, гдѣ мой отецъ былъ учителемъ рисованія и надзирателемъ. Изъ этого періода моей дѣтской жизни я достаточно ясно помню еще одинъ весьма грустный для меня эпизодъ.

Отецъ писалъ по заказу большой поясной портретъ Государя Императора Александра II. Онъ съ удовольствіемъ проводилъ время за этой работой, трудился надъ ней съ большимъ жаромъ и позволяя мнѣ постоянно присутствовать въ его кабинетѣ, поражалъ меня необыкновеннымъ искусствомъ, съ которымъ каждый взмахъ его кисти наносилъ на полотно болѣе или менѣе яркіе штрихи.

Насмотрѣвшись на художественные труды отца въ теченіе нѣсколькихъ дней, а можетъ быть и недѣль, я вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе попробовать на этомъ поприщѣ и свои собственныя силы. Сдѣлать это оказалось не особенно трудно... Кабинетъ отца никогда не запирался, я знала мѣсто, куда онъ клалъ свои кисти и краски, и, воспользовавшись однажды утромъ его отсутствіемъ, вошла въ комнату.

Взять первую попавшуюся подъ руку кисть, вскарабкаться на стулъ, стоявшій передъ мольбертомъ съ почти готовымъ портретомъ было дѣломъ одной минуты. Я съ удовольстіемъ замѣтила, что картина не очень высоко, взмахнула рукой... и все лицо Монарха оказалось густо вымазаннымъ темно-зеленой краской.

Я помню, что краска была именно темно-зеленая (цвѣта мундира), помню это прекрасно, ибо какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я любовалась на свое произведеніе, дверь отворилась и на порогѣ ея показался отецъ...

Я нисколько не испугалась... Мнѣ кажется, что тогда я ожидала даже нѣкотораго одобренія отца за свое искусство—теперь, когда въ памяти моей воскресаетъ его лицо въ моментъ появленія въ кабинетѣ, я ясно вижу, что оно сразу исказилось не гнѣвомъ, — какъ это можно было бы думать—нѣтъ, чѣмъ-то болѣе сильнымъ, скорѣе отчаяніемъ или ужасомъ. Онъ только могъ спросить меня: „ты что здѣсь дѣлаешь?“ На что я, поднявъ къ верху руку съ кистью, съ большою гордостью отвѣчала: „какъ папа!“ Конечно, за этотъ художественный подвигъ мнѣ пришлось понести и должное возмездіе.

Къ этому же періоду нашей жизни въ Каменецъ-Подольскѣ относится и мое первое знакомство съ театральными представленіями. Я присутствовала на „собачьей комедіи“, которую изображалъ дрессированный бѣлый пудель, вечеромъ въ актовой залѣ нашей гимназіи, и „участвовала“ въ благородномъ спектаклѣ, устроенномъ моимъ отцомъ и матерью.

На представленіи дрессированнаго пуделя присутствовали только „свои“: ученики, начальство, служащіе... Я сидѣла у стѣны на ступеняхъ пьедестала большого портрета Императора Николая Павловича и находилась въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ прыжковъ черезъ обручи, маршировки на заднихъ лапахъ и тому подобныхъ хитрыхъ штукъ пуделя...

Бѣлый пудель доставилъ мнѣ игрою первое сознательное удовольствіе въ жизни.

Благородный спектакль сохранился въ моей памяти не такъ ясно: я помню только, что меня проносили черезъ сцену на рукахъ, помню, что мнѣ давали конфектъ и уговаривали не плакать. Однако, все это въ концѣ концовъ, оказалось лишнимъ: мой „выходъ“ затянулся до одиннадцати часовъ и на сценѣ я фигурировала уже полусонной—ярко освѣщенный залъ и большое количество зрителей не произвели на меня рѣшительно никакого впечатлѣнія.

Дальнѣйшія воспоминанія моего дѣтства уже дѣлаются туманными и неясными на нѣсколько лѣтъ...

Мы прожили въ Каменецъ-Подольскѣ еще года три, затѣмъ отецъ уѣхалъ въ Кіевъ по дѣламъ службы, потерпѣлъ тамъ какія-то неудачи и рѣшилъ бросить свою педагогическую карьеру, сдѣлавшись актеромъ.

Онъ поступилъ въ Кіевскій городской театръ, дебютировалъ въ „Ревизорѣ“, исполняя роль Городничаго и имѣлъ большой успѣхъ.

Въ Кіевѣ отецъ жилъ холостякомъ—мы оставались въ Каменецъ-Подольскѣ—и пробылъ тамъ всего одно лѣто, получивъ ангажементъ въ Одессу, принялъ его и выписалъ насъ. Мы пріѣхали въ Одессу, когда мнѣ шелъ шестой годъ.

„Мои одесскія воспо
полны и разнообразны, въ
театръ, сначала зрительни
Здѣсь совершилось мое по
затѣмъ постоянно замѣняло
торому я отдалась всѣмъ су
зомъ, цѣлью моего существо
моя жизнь".
на сцену робкими, дѣтскими
ее... на цѣлую жизнь!
торый я видѣла, былъ ба
въ одесскомъ городскомъ
мѣ драмъ ставились также
во являться въ театръ, ко
нимать одну изъ ложъ на
зовался этимъ правомъ
а затѣмъ однажды взялъ
строй.
впечатлѣнія этого вечера...
маленькую дверь, прямо на
за руку меня, а мать—се
вершенно темно. Едва мы
нѣсколько шаговъ, какъ

Маня Подраменцеза въ Одессѣ.

минанія, — конечно, болѣе
Одессѣ я впервые вошла въ
цей, а затѣмъ и актрисой.
священіе искусству, которое
мнѣ путеводную звѣзду, ко-
ществомъ, выбравъ девиз-
ванія три слова: „Сцена —

Въ Одессѣ я вступила
шагами и горячо полюбила

Первый спектакль, ко-
летный... Отецъ, служившій
театрѣ у Фолетти, гдѣ кро-
оперы и балеты, имѣлъ пра-
гда ему было угодно, и за-
сценѣ. Сначала онъ поль-
только вдвоемъ съ матерью,
на спектакль и меня съ се-

Я отлично помню всѣ
Мы вошли въ театръ черезъ
сцену, причемъ отецъ велъ
стру. Въ кулисахъ было со-
успѣли сдѣлать по сценѣ
вдругъ около самаго уха раз-
дался громкій крикъ: „мѣсто... мѣсто..." а затѣмъ мимо насъ быстро промчалась какая-то огромная стѣна. Я вскрикнула и обѣими руками уцѣпилась за отца... Стѣна пропала въ темнотѣ, отецъ двинулся впередъ и я замѣтила, что мы остались съ нимъ одни — мать и сестра куда-то исчезли... Издали до меня доносился какой-то странный шумъ, топотъ человѣческихъ ногъ, грубые и, какъ мнѣ казалось, сердитые мужскіе голоса. Все это вмѣстѣ взятое произвело на меня такое впечатлѣніе, что одно только присутствіе отца не позволяло мнѣ заплакать. Я шла за нимъ въ какомъ-то туманѣ, буквально дрожа отъ страха. Крики не прекращались... Нѣсколько разъ намъ приходилось останавливаться, давая дорогу такимъ же стѣнамъ, какъ испугавшая меня при входѣ на сцену...

Однако черезъ нѣсколько минутъ мои опасенія окончились—отецъ ввелъ меня въ какую-то крошечную комнатку, гдѣ я увидала мать и сестру. Сестра, сидя на деревянной скамейкѣ, съ весьма довольнымъ видомъ ѣла яблоко, а мать разговаривала съ какой-то незнакомой мнѣ дамой..

Въ этотъ вечеръ давали балетъ „Зефиръ и Флора", при участіи довольно извѣстной въ свое время танцовщицы Мими. Балетъ буквально поразилъ меня... Мими, летавшая по сценѣ съ одного ея конца до другого, казалась мнѣ какимъ-то неземнымъ, идеальнымъ существомъ, заслуживающимъ всеобщаго поклоненія *).

Я дрожала отъ восторга, слѣдя за ея дѣйствительно граціозными танцами, и со слезами на глазахъ покинула театръ послѣ конца спектакля.

Съ этихъ поръ Мими заняла все мое воображеніе: днемъ я по цѣлымъ часамъ простаивала передъ зеркаломъ, педражая ей всевозможными прыжками и тѣлодвиженіями, ночью лежа въ постелѣ съ открытыми глазами, я видѣла ее носящейся передо мной въ воздухѣ, въ ея обыкновенномъ костюмѣ: трико, коротенькой юбочкѣ и сильно вырѣзанномъ лифѣ.

Увлеченіе Мими продолжалось довольно долго—въ теченіи нѣсколькихъ недѣль мнѣ казалось, что она несомнѣнно можетъ считаться счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, подражать которому обязаны всѣ, желающіе достичь такого-же счастья...

Видѣла я ее почти каждый балетный спектакль. Отецъ и мать брали насъ въ театръ очень часто: сестра, сидя въ ложѣ на сценѣ, обыкновенно спала, а я пожирала глазами свой идеалъ.

Приблизительно въ это время случилась моя первая и послѣдняя встрѣча со знаменитымъ трагикомъ-негромъ Ольриджемъ. Я шла по сценѣ съ матерью—мы только что явились въ театръ и пробирались въ ложу, откуда обыкновенно смотрѣли спектакль. По дорогѣ мать съ кѣмъ-то заговорилась и остановилась—я этого не замѣтила и спокойно шествовала впередъ до тѣхъ поръ,

*) Судьба этой дѣйствительно талантливой артистки очень трагична: она умерла 3 сен. 1864 года 17 лѣтъ отъ роду отъ разрыва сердца. *В. П.*

пока не увидала направляющагося на меня какого-то ужаснаго, совершенно чернаго человѣка.

Я оглянулась—матери не было... Черный человѣкъ приближался, страшно сверкая глазами, сжимая кулаки и отрывисто произносилъ какія-то слова. Черезъ нѣсколько секундъ я могла даже разобрать, что́ онъ говорилъ: черный человѣкъ говорилъ одно и то же слово: „колюбіе... колюбіе... колюбіе...“

Фигура его (я въ первый разъ въ жизни видѣла негра) показалась мнѣ до такой степени страшной, что я моментально присѣла на полъ, закрыла лицо руками и начала кричать самымъ отчаяннымъ голосомъ...

Конечно, ко мнѣ сейчасъ подбѣжала мать, увела въ ложу... и наградила по заслугамъ. Гораздо позднѣе я узнала значеніе этого „колюбіе“. Въ „Отелло“ имѣется какая-то реплика мавру, оканчивающаяся словомъ „человѣколюбіе“.

Конецъ этого слова онъ и твердилъ въ тотъ моментъ, когда я ему попалась на встрѣчу.

Флоретта. („Эсмеральда или алый башмачекъ“). 1863 г.

Въ скоромъ времени я сама выступила на сцену въ качествѣ болѣе или менѣе „сознательной“ актрисы въ драмѣ „Эсмеральда или алый башмачекъ“, причемъ, изображая Эсмеральду-ребенка, произносила въ прологѣ пьесы нѣсколько словъ по адресу извѣстной актрисы Фабіанской, игравшей мою мать.

О своихъ дебютахъ въ этой пьесѣ я помню только то, что величайшее наслажденіе мнѣ доставили въ ней алые башмаки,—гордилась я ими необыкновенно.

Послѣ „Эсмеральды“ я изображала мальчика въ „Уголино или башня голода“, причемъ — помню это до сихъ поръ—произнесла слѣдующіе стихи:

Я выберу себѣ женой красавицу такую,
Какой на свѣтѣ лучше нѣтъ...

Въ „Уголино“ со мною случился траги-комическій эпизодъ, причиною котораго было мое необыкновенное уваженіе къ сценѣ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи, когда двое мальчиковъ, изъ которыхъ одного изображала я, умираютъ въ башнѣ отъ голода, дѣвочка, игравшая второго ребенка и лежавшая рядомъ со мною на соломѣ, вдругъ начала уничтожать какой-то пирогъ съ вареньемъ, данный ей за то, чтобы она не плакала и лежала по возможности смирно...

Это обстоятельство повергло меня въ ужасъ: „мы умираемъ отъ недостатка пищи“, мелькнуло у меня въ головѣ, „а она хладнокровнѣйшимъ образомъ насыщается пирогомъ, да еще при поднятомъ занавѣсѣ“.

Я не понимала тогда, что мы лежимъ въ полутьмѣ, въ глубинѣ сцены, что публика занята игрою артиста на аванъ-сценѣ: мнѣ казалось, будто всѣ смотрятъ именно на насъ, и только на насъ.

— Не смѣй ѣсть! грознымъ шопотомъ сообщила я дѣвочкѣ.

Та не послушалась.

— Не смѣй! повторила я еще болѣе угрожающимъ тономъ,—вѣдь мы умираемъ съ голоду.

Увидавъ, что слова не дѣйствуютъ, я безъ церемоніи вырвала злосчастный пирогъ у нея изъ рукъ и спрятала въ солому...

Дѣвочка начала плакать и кричать настолько громко, что изъ-за кулисы (мы лежали на лѣвой сторонѣ сцены) протянулась рука режиссера, сначала зажала ей ротъ, а затѣмъ и совершенно утащила ее со сцены.

Долежала я всю остальную часть акта уже одна и, конечно, никакого одобренія за свой поступокъ не получила.

„Въ 63 или 64 году — не помню — пріѣхалъ на гастроли въ Одессу В. В. Самойловъ. Любимой пьесой въ его репертуарѣ была „Испорченная жизнь“, гдѣ есть большая роль, игранная мною уже нѣсколько разъ съ Никитинымъ и Фабіанской... Когда пріѣхалъ Василій Васильевичъ, меня взяли изъ пансіона на недѣлю для репетицій.

Въ спектакляхъ я имѣла огромный успѣхъ и Самойловъ два раза вынесъ меня на рукахъ на вызовы.

Пьесу пришлось повторить, а такъ какъ я вообще въ этотъ сезонъ много играла, то антрепренеръ вздумалъ вознаградить меня бенефисомъ, изъ котораго одна четверть сбора пришлась бы на мою долю.

Имя мое настолько было популярно у публики, посѣщавшей театръ, что отецъ рѣшилъ поставить ту же „Испорченную жизнь“ въ мой бенефисъ *). Сборъ меня не интересовалъ, но кромѣ массы конфектъ я получила (какъ большая) три букета: одинъ изъ нихъ мамаша велѣла отнести А. Е. Быстровой, игравшей роль жены. Приказаніе это я исполнила съ большимъ огорченіемъ, боясь, что няня и сестра не повѣрятъ моимъ разсказамъ о количествѣ подарковъ безъ доказательствъ.

Позже мнѣ пришлось играть Русалку въ оперѣ (въ родѣ фееріи) „Леста, днѣпровская русалка“, гдѣ я должна была пѣть куплеты: „Мужчины на свѣтѣ, какъ мухи, къ намъ льнутъ“, переодѣваться четыре раза и выѣзжать въ раковинѣ на лебедѣ.

Восхищенію моему не было границъ, когда на меня надѣли трико и газовыя юбки, а когда на первой репетиціи мы съ Лестой спустились въ люкъ, т. е. провалились подъ полъ, оставляя князя на сушѣ въ недоумѣніи, я думала, что улетаю на небо. Въ это время все, что касалось моей роли, не производило на меня никакого впечатлѣнія, мечтала я только о танцовальныхъ, тѣлеснаго цвѣта башмакахъ, воображая, что я достигла своего кумира Мими и холодѣла отъ ужаса при мысли, что башмачникъ опоздаетъ. О томъ, что башмаки будутъ велики (мамаша просила почему-то сдѣлать ихъ побольше) я не думала — тогда я еще не знала кокетства“...

Чтобы закончить періодъ дѣтской артистической дѣятельности Маріи Гавріиловны, необходимо упомянуть еще слѣдующее.

Въ 1866 году Гавріилъ Николаевичъ былъ приглашенъ на лѣтній сезонъ въ Кіевъ, гдѣ въ то время директорствовали полковники Познанскій и Кумме, а режиссеромъ былъ извѣстный драматургъ Н. А. Потѣхинъ.

Здѣсь въ то время гастролировалъ знаменитый П. В. Васильевъ, съ которымъ „дѣвица Стремлянова“ сыграла роль Егорушки въ комедіи „Бѣдность не порокъ“. П. В. Васильевъ былъ такъ доволенъ ея исполненіемъ этой роли, что послѣ третьяго акта расцѣловалъ ее.

*) Объ этомъ спектаклѣ былъ данъ слѣдующій отзывъ въ журналѣ „Русская Сцена“. (1864 г. № 6. Стр. 151—152): „3-го Іюня на сценѣ Одесскаго театра дана была любителями драма покойнаго Чернышева „Испорченная жизнь“ въ пользу малолѣтней дѣвицы Стремляновой, которая года три тому назадъ, когда ей было 7 лѣтъ, дебютировала на одесской сценѣ. Спустя годъ послѣ дебюта, она участвовала въ представленіи г. Самойлова въ бытность его въ Одессѣ“. *В. П.*

16-е августа 1869 года играетъ важную роль въ жизни М. Г. Савиной: съ этого дня начинается профессіональная сценическая дѣятельность высокодаровитой артистки.

Первый ангажементъ былъ предложенъ Маріи Гавріиловнѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, въ труппу Минскаго городскаго театра, на вторыя водевильныя роли, съ жалованіемъ въ 30 рублей.

По этому поводу М. Г. Савина вспоминаетъ слѣдующее:

Театръ въ Минскѣ помѣщался въ такъ называемомъ „дворянскомъ домѣ“ (домъ существуетъ и теперь), который былъ невеликъ, но очень уютенъ и изящно отдѣлкѣ. Городъ давалъ театру субсидію и директоромъ его состоялъ губернскій архитекторъ А. Л. Штраухъ, режиссеромъ былъ М. П. Каратыгинъ, занимавшій такое-же мѣсто въ Императорской русской оперѣ и вышедшій на пенсію.

На первомъ планѣ въ труппѣ была Ирина Семеновна Сандунова — Кони (бывшая артистка Императорскихъ театровъ), прекрасная комическая старуха, имѣвшая большой успѣхъ; драматическая актриса Новогребельская; актеры: Яковлевъ-Фляммъ, Костровскій, мой отецъ, Блажевъ, Раевскій съ женой, Далматовъ, тогда начинающій актеръ.

Офелія. („Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишна“) 1869 г.

Дебютировала я въ роли Глашеньки въ водевилѣ „Бѣдовая бабушка“ (бабушку играла И. С. Сандунова, а Глова—мой отецъ). Ирина Семеновна похвалила меня, посовѣтовавъ однако „не воображать о талантѣ, такъ какъ смазливая рожица не есть еще талантъ“.

Я скромно созналась въ справедливости ея словъ, потому что таланта въ себѣ не замѣчала, а на счетъ „рожицы“ сомнѣнія не было...

Роль Глашеньки была единственною въ моемъ репертуарѣ, а остальныя играла первая водевильная актриса, которую публика не любила.

Выдвинулась я благодаря водевилю „Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишна“. Костровскій очень любилъ роль Гамлета и настоялъ, чтобы роль Офеліи дали мнѣ.

Много слезъ пролила я изъ-за куплетовъ, которыхъ пѣть не умѣла и изъ-за маскараднаго костюма турчанки, стоившаго мнѣ мѣсячнаго жалованья. Однако успѣхъ заставилъ забыть всѣ огорченія—водевиль сталъ репертуарнымъ и по настоянію губернатора директоръ прибавилъ мнѣ жалованья 10 рублей и назначилъ полу-бенефисъ“...

Въ „Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1869 годъ находимъ слѣдующую замѣтку:

„Д-ца Стремлянова недурно сыграла роль воспитанницы въ пьесѣ „На хлѣбъ и на воду“ но здѣшняя публика видѣла въ этой роли образцовую игру г-жи Карпенко (младшей), далеко превосходящей молодую дебютантку и по таланту и по сценической опытности, и потому сравненіе было бы не въ пользу послѣдней. Но это еще не бѣда и пусть наши слова не обезкураживаютъ молодую артистку: на ея сторонѣ зато преимущество молодости и болѣе счастливой наружности, а сценическая опытность придетъ сама собою. Могутъ развиться и задатки таланта, которые несомнѣнно есть у г-жи Стремляновой,—могутъ, если только она не будетъ увлекаться пустыми комплиментами и неумѣстными похвалами небольшого кружка, а, напротивъ, будетъ прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться совѣтами и указаніями товарищей-артистовъ, болѣе ея опытныхъ и болѣе понимающихъ дѣло“.

Это была первая болѣе или менѣе серьезная рецензія объ игрѣ М. Г. Савиной, имѣвшая несомнѣнно большое значеніе для развитія ея артистическаго дарованія. Написанная мягкимъ, доброжелательнымъ тономъ, она не только не обезкуражила молодую артистку, а напротивъ придала ей силы для новой, энергичной работы на поприщѣ, которое открывалось передъ нею все шире и шире, все привлекательнѣе и привлекательнѣе.

Вотъ для образца содержаніе афиши того времени и притомъ одного изъ наиболѣе удачныхъ спектаклей, о которомъ сообщалось заблаговременно:

„Въ непродолжительномъ времени въ Минскомъ театрѣ представлено будетъ въ пользу режиссера Каратыгина

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

РУССКАЯ СВАДЬБА

въ исходѣ XVI вѣка

драматическое представленіе, съ хорами, пляскою, новыми декораціями и аксессуарными вещами, соч. Сухонина.

БУДУТЪ ИГРАТЬ РОЛИ:

Боярина Гвоздева . . . . . **г. Стремляновъ.**
Владиміра . . . . . **г. Раевскій.**
Князя Солнцева . . . . . **г. Яковлевъ.**
Шута Еремки . . . . . **г. Блажевъ.**
Хрущова . . . . . **г-жа Раевская.**
Кондратьевны . . . . . **г-жа Сандунова.**
Боярышни Маріи . . . . . **г-жа Орлова.**
Ольги . . . . . **г-жа Стремлянова.**

и друг.

ДѢВУШКА ГУСАРЪ

водевиль въ 1-мъ дѣйст. соч. Кони.

БУДУТЪ ИГРАТЬ РОЛИ:

Роланда . . . . . **г. Раевскій.**
Лермана . . . . . **г. Стремляновъ.**
Фрейтана . . . . . **г. Яковлевъ.**
Габріеля . . . . . **г-жа Стремлянова.**

и друг.

Г. ЯКОВЛЕВЪ исполнитъ еврейскую сцену съ пѣніемъ.

Оркестръ въ 1-ый разъ исполнитъ изъ оперы „Жизнь за царя“ соч. Глинки: антрактъ передъ 3-мъ дѣйст. изъ той-же оперы арію Антониды:—„Не о томъ скорблю, подруженьки“.

Такъ развлекались жители города Минска, такъ развивалась и получала свое первое сценическое образованіе молодая артистка Стремлянова.

Несмотря на скромность ея положенія въ труппѣ публика любила эту пятнадцатилѣтнюю артистку и въ день ея бенефиса театръ былъ полонъ. На этотъ разъ она впервые выступила въ отвѣтственной роли Полины („Доходное мѣсто“), а затѣмъ въ водевилѣ „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“.

Успѣхъ былъ несомнѣнный.

Бенефиціанткѣ поднесли золотые часы — первый подарокъ, полученный ею отъ публики.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились всѣ эти восторги, и безъ того уже навлекавшіе на молодую артистку нападки со стороны товарищей, если бы зимній сезонъ не подошелъ къ концу. Поневолѣ пришлось покинуть гостепріимный Минскъ, гдѣ она впервые вкусила сценической славы, гдѣ узнала всѣ радости и все горе, которое

Д-ца Стремлянова въ Минскѣ.

доставляетъ актерамъ жизнь и гдѣ будущее сулило ей большую извѣстность. Одной изъ послѣднихъ ролей ея въ Минскѣ была роль Сонечки въ комедіи „Капризница".

Изъ Минска М. Г. Стремлянова отправилась на лѣтнюю побывку въ Смоленскъ, гдѣ жили въ то время ея мать и младшая сестра. Послѣ трудовой зимы, два мѣсяца отдыха показались ей раемъ. Она пользовалась своей свободой и, казалось, совсѣмъ позабыла о сценѣ, которая рисовалась ей какимъ-то далекимъ смутнымъ сномъ, изрѣдка тревожившимъ ея спокойствіе.

Но достаточно было одной случайной встрѣчи, одного упоминанія о театрѣ, чтобы снова заговорила въ ней театральная кровь и ее снова потянуло на сцену, къ актерамъ, къ ярко освѣщенной рампѣ, къ пестрымъ кулисамъ...

Дѣло въ томъ, что въ Смоленскѣ она случайно встрѣтилась съ извѣстнымъ провинціальнымъ актеромъ Шатиловымъ, и получила ангажементъ на лѣтній сезонъ въ Харьковъ, гдѣ тогда антрепренеромъ былъ Н. Н. Дюковъ. Послѣдній предложилъ Стремляновой 50 рублей мѣсячнаго оклада и она отправилась въ Харьковъ, съ радостью принявъ эти условія.

Здѣсь, на первыхъ же шагахъ, ее встрѣтили неудачи. Прежде всего ей не давали ролей. Въ труппѣ было много извѣстныхъ „именъ" и всѣ они отстаивали свое первенство. Тутъ были Фанни-Козловская, Большаковъ, Акинфіева, Любскій, Дрееръ, М. В. Лентовскій, А. А. Мартыновъ и др. Въ виду переполненной труппы Стремляновой, занимавшей передъ тѣмъ въ Минскѣ положеніе первой актрисы, пришлось ограничиться положеніемъ чуть-ли не хористки.

Мы видимъ ее въ первомъ дѣйствіи „Прекрасной Елены" въ числѣ гречанокъ, приносящихъ жертву Венерѣ. Вся роль ея заключалась въ четырехъ строкахъ, которыя она пѣла подъ акомпаниментъ оркестра:

Прими мои корзины —
Онѣ изъ тростника,
Въ нихъ фунта три малины
И ножка индюка!..

Затѣмъ она являлась одной изъ гризетокъ въ послѣднемъ дѣйствіи гремѣвшей тогда оперетки „Всѣ мы жаждемъ любви" въ костюмѣ дебардера. Вмѣстѣ съ другими она пѣла:

Поѣдемте въ Россію,
Поѣдемте туда,
Тамъ можно понажиться
Безъ всякаго труда!..

Вотъ и все. Разумѣется, этого было слишкомъ мало для актрисы, жаждавшей дѣятельности, уже избалованной минскими успѣхами.

Нѣкоторые изъ актеровъ видѣли ее въ Минскѣ, другіе слышали о тамошнихъ ея успѣхахъ и вотъ режиссеръ М. В. Лентовскій рѣшилъ исполнить ея просьбу и далъ ей играть роль Сонечки въ Комедіи „Капризница".

Первые персонажи труппы собрались на этотъ спектакль, чтобы посмотрѣть молодую дебютантку.

Сказать ли по правдѣ: она потерпѣла въ этотъ вечеръ полное фіаско... Волновалась ли она, была ли дѣйствительно слаба или же, напротивъ, въ игрѣ ея не чувствовалось той рутины, которой требовалось по старымъ театральнымъ традиціямъ, но ея не оцѣнили и не поняли. Послѣ неудачнаго дебюта, артисткѣ снова пришлось приняться за свое старое амплуа.

Впрочемъ, успѣхъ, въ смыслѣ апплодисментовъ, Стремлянова пожинала уже и тогда въ извѣстной пьесѣ „Ямщики или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ",

Н. Н. Савинъ и М. Г. Савина.

гдѣ она изображала Парашу и въ заключеніе танцовала вмѣстѣ съ М. В. Лентовскимъ (Василіемъ Горюномъ) „русскую".

Не смотря на многія неудачи въ сценической карьерѣ, Харьковъ имѣлъ большое значеніе въ жизни молодой артистки: пробывъ здѣсь всего только одинъ мѣсяцъ, она вышла замужъ за артиста труппы Н. Н. Савина, игравшаго роли первыхъ любовниковъ. Въ скоромъ времени обоихъ супруговъ пригласили въ Калугу на 150 рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ актриса Савина получала двадцать пять.

М. Г. Савина въ своихъ „Воспоминаніяхъ" отводитъ себѣ въ труппѣ калужскаго театра очень скромное мѣсто:

„Мы пріѣхали въ Калугу въ іюнѣ 1870 года, приблизительно черезъ недѣлю послѣ свадьбы. Труппа была плохая, театръ очень скверный. Антрепренерствовала Марія Людвиговна Молодковская, а режиссировалъ нѣкто Воронинъ. Я была придаткомъ къ мужу, получала маленькое жалованіе и на меня обращали вниманіе только какъ на жену перваго актера. Въ августѣ явились въ труппу два новыхъ лица: Бураковскій и Кузьминъ: послѣдній былъ очень талантливъ на роли стариковъ, но вскорѣ спился и умеръ. Оба они дебютировали съ большимъ успѣхомъ и вскорѣ сдѣлались любимцами публики.

„Играла я кое-что и кое-какъ, большею частью водевили съ Бураковскимъ и вторыя роли въ опереткахъ. Какъ я вспоминала минскій сезонъ!..

„На постъ труппа разъѣхалась, а мы остались до іюня, такъ какъ должны были ѣхать въ Мещовскъ на ярмарку, а зиму опять служить въ Калугѣ. Въ Мещовскѣ я случайно попала на первыя опереточныя роли, такъ какъ первая актриса съ мужемъ дирижеромъ совершенно неожиданно нарушили контрактъ и поставили труппу въ почти безвыходное положеніе. Этимъ воспользовался мой мужъ, заставилъ прибавить мнѣ жалованье и меня повезли въ Мещовскъ въ качествѣ опереточной примадонны. Лихорадка ярмарки продолжалась двѣ недѣли и мы переиграли всѣ оперетки, я учила роли чрезвычайно быстро, тѣмъ болѣе, что все у меня было по слуху, сама шила всѣ костюмы и не знала ни минуты отдыха.

„Возвратясь въ Калугу, мужъ поссорился съ Ворониным и рѣшилъ искать на зимній сезонъ мѣсто въ другомъ городѣ".

Мнѣ кажется, однако, что М. Г. Савина слишкомъ умаляетъ то значеніе, которое имѣлъ этотъ калужскій сезонъ для всей ея будущей блестящей сценической карьеры. Я, напротивъ, назвалъ-бы Калугу фундаментомъ славнаго памятника, созданнаго себѣ М. Г. Савиной въ исторіи русскаго театра. М. Г. Савина начала интересовать публику именно съ Калуги. Этотъ интересъ былъ, конечно, не великъ, не серьезенъ, но онъ существовалъ—фактъ несомнѣнный. Пересматривая „Калужскія Губернскія Вѣдомости" за 1870 г. я нашелъ въ № 44 отъ 31 октября слѣдующее объявленіе:

4 ноября 1870 г., въ Залѣ благороднаго собранія, данъ будетъ музыкально-литературный вечеръ съ участіемъ любителей.

Распорядительница **М. САВИНА.**

М. Г. Савина въ Калугѣ.

Очевидно, если-бы имя „М. Савина“ не производило извѣстнаго впечатлѣнія на публику, оно не фигурировало-бы въ газетномъ объявленіи.

Въ „Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ не имѣется никакихъ отзывовъ объ игрѣ г-жи Савиной въ мѣстной труппѣ, да и вообще нѣтъ театральныхъ рецензій. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что бенефисъ Савиной въ Калугѣ былъ удаченъ въ смыслѣ сбора, и что она получила отъ публики подарокъ: золотой браслетъ съ изумрудомъ.

Съ этимъ браслетомъ Марія Гавріиловна изображена на калужской фотографіи.

Послѣ Калуги М. Г. Савина отправилась съ мужемъ въ Нижній-Новгородъ.

М. Г. Савина въ Казани.

„Нижегородская ярмарка,—говоритъ она въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, — служила въ то время съѣздомъ для антрепренеровъ и мужъ отправился туда въ надеждѣ найти мѣсто на зимній сезонъ (1870—71 года). Черезъ двѣ недѣли онъ выписалъ меня, такъ какъ Смольковъ, тогдашній антрепренеръ нижегородскаго театра, нуждался въ актрисѣ на мое амплуа и, узнавъ, что я могу, между прочимъ, сыграть Купидона въ „Орфеѣ въ аду“, предложилъ мнѣ за двѣ недѣли 100 рублей.

Начались репетиціи „Орфея“ и я познакомилась съ труппой, въ которой въ то время гастролировалъ артистъ петербургскихъ Императорскихъ театровъ А. А. Алексѣевъ и помогалъ режиссеру въ постановкѣ оперетты на столичный ладѣ. Въ труппѣ былъ К. А. Варламовъ и М. И. Петипа, (послѣдній только что начиналъ свою карьеру). Алексѣевъ сказалъ, что въ Петербургѣ въ четвертомъ актѣ есть балетъ, въ которомъ купидонъ танцуетъ цѣлое па и предложилъ меня выучить. Я охотно согласилась, такъ какъ танцы всегда были моей страстью. Въ спектаклѣ я бисировала это па. Послѣ „Орфея“ я сыграла съ Алексѣевымъ комедію „Несчастье особаго рода“, и вторую роль въ водевилѣ „Женщины арестанты“. Послѣдняя пьеса рѣшила мою участь: меня увидѣлъ казанскій антрепренеръ П. М. Медвѣдевъ и угадалъ, какъ онъ потомъ говорилъ „талантъ по двумъ, тремъ фразамъ“. На другой день послѣ этого спектакля мы заключили условіе съ Медвѣдевымъ на 225 р. въ мѣсяцъ и два полубенефиса. Черезъ недѣлю мы выѣхали въ Казань“.

Казанская труппа П. М. Медвѣдева считалась въ то время едва-ли не самой лучшей во всей провинціи. Тамъ были Н. К. Милославскій, А. П. Ленскій, В. А. Макшеевъ, Е. Г. Піунова-Шмитгофъ, П. А. Стрепетова, А. А. Разсказова, Н. Н. Кубрина, В. Н. Давыдовъ, А. И. Погонинъ, Н. П. Новиковъ-Ивановъ, А. И. Шубертъ и др. Все имена, которыя прославили провинцію и сами прославились.

Марія Гавріиловна должна была дебютировать 30-го августа 1871 г. въ роли Мери („Пансіонерка“), но заболѣла и дебютъ былъ отложенъ до 20-го сентября.

Въ этотъ день шла переводная пьеса „Романъ свѣтской женщины“, въ которой она исполняла роль Лизы, а затѣмъ въ тотъ же вечеръ сыграла Глашу въ водевилѣ „Бѣдовая бабушка“. Всѣ были въ восторгѣ отъ молодой дебютантки и сулили ей славное будущее.

Упрочившись на казанской сценѣ, М. Г. быстро овладѣла симпатіями мѣстной публики. Вотъ что пишетъ по этому поводу въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ г. В. Андреевъ-Рубцовъ.

„Савина и Стрепетова въ то время были молодыми артистками, но тѣмъ не менѣе талантъ ихъ обрисовывался съ такой рельефностью, что публика съ неослабѣвающимъ, можно сказать, громаднымъ интересомъ слѣдила за правдивою, полной жизни и глубокаго реализма игрою этихъ артистокъ.

Рѣдкій талантъ ихъ и тогда уже проявлялъ довольно существенную разницу.

Савина, игравшая нѣкоторыя драматическія роли, главнымъ образомъ была на амплуа ingénue comique; изящная, тонкая игра ея, отличавшаяся художественною граціей, вполнѣ гармонировала съ ея красивою сценической внѣшностью.

Простота игры ея была поразительна: на сценѣ зритель видѣлъ совершенно живаго человѣка, съ большою правдивостью передававшаго всѣ душевныя волненія исполняемаго ею лица.

Въ ея игрѣ чувствовалось что-то свѣжее, новое, не похожее на условную и рутинную игру прежнихъ корифеевъ, придерживавшихся еще старой школы, отъ которой многіе не могли отрѣшиться до конца своей артистической карьеры".

Изъ ролей, сыгранныхъ М. Г. въ этомъ сезонѣ, ей болѣе другихъ удалась роль Сашеньки въ драмѣ „Свѣтскія ширмы". Это была тѣмъ болѣе славная побѣда, что въ этой роли казанская публика всегда восторженно принимала предшественницу г-жи Савиной — г-жу Барышеву.

Кромѣ ролей драматическихъ и водевильныхъ она выступала также въ опереткѣ, гдѣ ея постояннымъ партнеромъ былъ нынѣшній премьеръ казенной драматической труппы В. Н. Давыдовъ. Ляньсинъ и секретарь На-фу-фу, въ „Чайномъ цвѣткѣ", принцъ Сапфиръ и принцесса Гермія въ „Синей бородѣ", считались въ то время „созданіями" М. Г. Савиной и В. Н. Давыдова.

Шумный бенефисъ, на которомъ она получила много подарковъ, закончилъ этотъ сезонъ.

Казанскій сезонъ создалъ М. Г. Савиной вполнѣ прочное, солидное положеніе. Лѣто послѣ Казани она играла въ труппѣ того-же П. Н. Медвѣдева въ Саратовѣ, выступая въ „Мишурѣ" (Дашенька), „Каширской Старинѣ" (Глаша), „По духовному завѣщанію" (Катя), „Пріемышъ" (Наташа), „Перемелется — мука будетъ" (Княжна), „Не первый, не послѣдній" (Надинька).

На зимній сезонъ М. Г. снова приняла приглашеніе П. М. Медвѣдева и явилась во главѣ его труппы въ Орелъ. Для перваго знакомства съ орловской публикой М. Г. выбрала опять роль Глашеньки („Бѣдовая бабушка") и, какъ всегда, имѣла въ ней огромный успѣхъ.

Вообще этотъ сезонъ былъ рядомъ самыхъ восторженныхъ овацій, которыми привѣтствовали орловцы всю труппу. Самъ П. М. Медвѣдевъ, вспоминая объ этомъ періодѣ своей антрепренерской дѣятельности, пишетъ: „Я нашелъ въ Орлѣ публику, которая серьезно взглянула на мою труппу, да и въ самомъ дѣлѣ она была прекрасна. Во-первыхъ, мы въ Казани сыгрались, во-вторыхъ, въ полной силѣ своихъ талантовъ, у меня были: М. Г. Савина, П. А. Стрепетова, Н. Н. Кудрина, А. И. Шубертъ, В. Н. Давыдовъ, А. И. Погонинъ, И. И. Александровскій. Вообще весь ансамбль удивительный"...

Не смотря на видимое благополучіе, внутри труппы происходили неурядицы и результатомъ одной изъ нихъ была размолвка М. Г. Савиной съ антрепренеромъ, окончившаяся тѣмъ, что молодая артистка, заплативъ г. Медвѣдеву неустойку, уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Саратовъ въ труппу П. И. Лихачева на 400 рублей жалованья.

Проводы были трогательные.

Вся орловская интеллигенція явилась на прощальный спектакль. Вызовамъ и апплодисментамъ не было конца. Артисткѣ была поднесена копилка, полная червонцевъ, „на дорогу", какъ значилось въ надписи.

Саратовцы встрѣтили М. Г., какъ старую знакомую. Она играла здѣсь много и всегда съ большимъ успѣхомъ, выступая въ драмѣ, комедіи и опереткѣ. Покинувъ Саратовъ на короткій срокъ лѣтнихъ каникулъ, М. Г. играла тамъ весь зимній сезонъ 1873—74 годовъ. Предыдущее лѣто, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, она сыграла на сценѣ Общедоступнаго театра роль Анны Львовны въ извѣстной пьесѣ Григорьева I-го „Андрей Степановичъ Бука".

Сезономъ 1873—74 гг. закончилась дѣятельность г-жи Савиной, какъ провинціальной актрисы.

Провинціальныя губернскія вѣдомости того времени абсолютно пренебрегали театромъ. Я не нашелъ ни въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, ни въ Орловскихъ, ни въ Саратовскихъ ни одной строчки, по которой можно-бы составить себѣ извѣстное представленіе, если не о постепенномъ развитіи дарованія М. Г. Савиной, то во всякомъ случаѣ объ отношеніи къ ней театральной критики.

Къ счастью въ Саратовѣ въ семидесятыхъ годахъ издавалась частная газета „Саратовскій Справочный Листокъ“, относившаяся къ театру далеко не такъ, какъ ея оффиціальный собратъ.

Въ „Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ“ я нашелъ, во-первыхъ, описаніе крайне интереснаго для сценической біографіи М. Г. Савиной инцидента, случившагося съ ней, а, во-вторыхъ—цѣлый рядъ отзывовъ объ ея игрѣ.

М. Г. Савина въ Саратовѣ.

Сначала—объ инцидентѣ. Онъ изложенъ въ „Саратовскомъ Справочномъ Листкѣ“ (№ 104 отъ 20 мая 1872 г.) такимъ образомъ:

„Шла пьеса 18 мая „Не первый и не послѣдній“ Дьяченко... Между супругами происходитъ тяжелая сцена... Молодая женщина чувствуетъ, что вокругъ нея раскрывается пропасть, но еще не знаетъ ея глубины и боится узнать. Этотъ моментъ неподражаемо переданъ былъ г-жею Савиною, игравшей роль Наденьки. Муженекъ, видя, что надо прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ—подбѣгаетъ и ломая руки молодой женщины, требуетъ письма.

Больше женской натурѣ выдержать было невозможно. Съ глухимъ надорваннымъ плачемъ падаетъ она и настоящія истерическія рыданія слышатся въ мертвой залѣ театра...

Изумленные зрители переглядываются—занавѣсъ опустился и режиссеръ объявилъ, что г-жа Савина не можетъ играть по болѣзни. Съ ней, дѣйствительно, случился истерическій припадокъ.

Похвалы здѣсь кажется будутъ лишними, и если ходячая фраза о томъ, что въ жертву искусству приносится здоровье и жизнь, справедлива,—то можно сказать, что они приносятся именно этимъ, а не другимъ путемъ“.

Я назвалъ этотъ инцидентъ крайне интереснымъ для сценической біографіи М. Г. Савиной потому, что онъ показываетъ, какъ много искренности вкладывала въ свою игру молодая артистка, и до какого высокаго увлеченія доходила на сценѣ. Очевидно, она уже тогда перевоплощалась въ свою роль, уже тогда выказывала эту драгоцѣнную способность натуръ, обладающихъ „искрой Божіей“.

Саратовская театральная критика поняла и оцѣнила по достоинству молодую артистку.

Вотъ рядъ отзывовъ объ игрѣ М. Г. Савиной „Саратовскаго Справочнаго Листка“:

9 мая 1872 г. № 95.

„Публика, очевидно, оцѣнила добрыя усилія антрепренера лѣтняго театра г-на Сервье... Г-жа Савина отличается миловидностью, бойкостью и симпатичностью“.

18 мая № 102.

„Г. Погонинъ выбралъ для своего бенефиса комедію „Бабушкина внучка“, переведенную съ французскаго П. Каратыгинымъ и оперетку „Любовное зелье“. Выборъ не совсѣмъ удачный, потому что „Бабушкина внучка“ пьеса ходульная; въ ней не ищите ни правды, ни художествен-

ности; выборъ неудачный и потому еще, что роль бенефиціанта въ ней безцвѣтна. Но къ счастью всю неестественность комедіи, всю малозначительность ролей гг. артистовъ, въ ней участвующихъ, выкупаетъ игра г-жи Савиной.

Мы до сихъ поръ удерживались говорить объ игрѣ г-жи Савиной, боясь впасть въ ошибку тѣмъ болѣе, что она, кажется, въ первый разъ выступаетъ на сцену въ значительной и вполнѣ соотвѣтствующей ея таланту роли. Капризная, но добрая бабушкина внучка была съ такою художественною истиною изображена г-жею Савиною, что рѣшительно удовлетворяетъ самой взыскательной критикѣ — ни одной фальшивой ноты въ болтовнѣ внучки, въ ея радости, въ слезахъ и гнѣвѣ, ни одной фальшивой ноты, хотя она не сходитъ со сцены; мимика, жесты вполнѣ правдивые, всегда кстати употребленные г-жею Савиною, придаютъ много живости и непринужденности ея игрѣ. Мы не обманулись въ ожиданіяхъ, потому что много слышали о г-жѣ Савиной отъ казанцевъ, которые отъ нея положительно въ восхищеніи; мы дали бы одинъ совѣтъ молодой артисткѣ — сдерживать нѣсколько интонацію, не грѣшить излишествомъ (ne pas pécher par l'excès)".

24 мая № 107.

„Въ „Чайномъ цвѣткѣ" роль Ляньсинъ исполняла г-жа Савина, съ обычной граціей и простотой, но... зачѣмъ убивать талантъ переходами отъ роли Надиньки (драма „Не первый и не послѣдній)" къ „Чайному цвѣтку", гдѣ она, впрочемъ, тоже неподражаемо хороша. Мы того мнѣнія, что у г-жи Савиной талантъ несомнѣнный, но талантъ не для каскада, который непремѣнно неблагопріятно повліяетъ на развитіе замѣчательнаго дарованія этой артистки. Что-нибудь одно: или оперетки Оффенбаха и братіи, или драмы и комедіи".

7 іюня № 117.

„Бенефисъ г-жи Савиной... Г-жа Савина выбрала сцены: „Орфея въ аду" и оперетку „Передъ свадьбой"... Г-жѣ Савиной поднесли огромный букетъ и подарокъ, которыхъ она какъ нельзя болѣе достойна".

22 іюня № 130.

„Въ бенефисъ г-жи Стрѣкаловой былъ поставленъ „Пріемышъ", старинное произведеніе.

О г-жѣ Савиной мы и не говоримъ—она возбуждала сочувствіе, потому что каждый видѣлъ не актрису, а въ самомъ дѣлѣ страдающую дѣвушку. Сцена послѣдняго дѣйствія съ матерью — верхъ совершенства".

Такіе-же отзывы даетъ „Саратовскій Справочный Листокъ" объ игрѣ М. Г. въ сезонѣ 1873—74 годовъ. Приводить ихъ всѣ нѣтъ возможности, да это едва-ли и нужно. Я ограничусь выдержкою только изъ одного номера, особенно интересною потому, что изъ нея видно существованіе въ то время въ саратовской труппѣ какихъ-то интригъ и неурядицъ, благодаря которымъ М. Г. едва не покинула Саратовъ раньше конца зимняго сезона.

6 января 1874 г. № 5.

„Въ нашемъ театрѣ произошли въ послѣднее время перемѣны, неутѣшительныя для любителей спектаклей. Одна изъ самыхъ лучшихъ актрисъ нашихъ М. М. Глѣбова оставила сцену; ея примѣру, говорятъ, скоро послѣдуютъ и еще нѣкоторые изъ артистовъ. Помѣщаемъ здѣсь статью одной дамы, по поводу ожидаемаго отъѣзда еще одной актрисы нашего театра:

„Мы слышали, что самая талантливая актриса нашей сцены — Марья Гавриловна Савина — уѣзжаетъ изъ Саратова въ Москву до окончанія зимняго сезона. Какъ ни велика будетъ эта потеря для нашего театра и для любителей сценическаго искусства, но мы отъ души желаемъ г-жѣ Савиной оставить провинціальную сцену. Губить такой сильный талантъ, каковымъ надѣлила природа нашу молодую артистку, — значитъ пренебрегать священнымъ даромъ, значитъ быть большимъ эгоистомъ, самообольщаться, думать, что талантъ находится на верху своего развитія, или, напротивъ, думать о себѣ очень мало, думать, что дальше настоящаго талантъ развиться уже не можетъ.

. . . . . .

Ея роль — роль драматическая, роль угнетенной, несчастной жертвы, молодой неудавшейся жизни и т. п. Обладая большою наблюдательною способностью, г-жа Савина необыкновенно вѣрно передаетъ своимъ голосомъ, манерою, выраженіемъ своего лица—страданія физическія и душевныя.

Кто хоть разъ видѣлъ ее въ роли Саши въ „Свѣтскихъ ширмахъ“ или Анеты въ „Семейныхъ расчетахъ“, тотъ согласится съ тѣмъ, что она способна своею игрою вызвать слезы у зрителя. Она, напр., неподражаемо хороша въ „Свѣтскихъ ширмахъ“, въ томъ мѣстѣ послѣдняго акта, гдѣ, не устоявъ въ тихой, затаенной борьбѣ съ чувствомъ сильной любви своей къ мужу, умирая, съ чахоточнымъ кашлемъ, безсильная, безжизненная, сидитъ у отвореннаго окна и, любуясь въ послѣдній разъ природою, прощается со своимъ отцомъ. Въ этомъ вы слышите не голосъ, а надтреснутые, болѣзненные, умоляющіе звуки умирающаго человѣка; ихъ воспроизводитъ г-жа Савина такъ, что у каждаго щемитъ сердце.

При такихъ блестящихъ условіяхъ закончилась провинціальная артистическая дѣятельность Маріи Гавріиловны Савиной.

Провинція создала эту великую артистку, а Петербургъ укрѣпилъ и широко развилъ ея рѣдкое оригинальное дарованіе.

М. Г. Савина пріѣхала въ Петербургъ, не имѣя въ виду дебютировать на Императорской сценѣ. Ея дебютъ состоялся совершенно случайно, благодаря спектаклю въ Благородномъ Собраніи, въ которомъ она участвовала, желая показать себя петербургскимъ родственникамъ.

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ М. Г. Савина говоритъ по этому поводу такъ:

„Пріѣхавъ въ Петербургъ постомъ въ 1874 году, я сыграла одинъ разъ въ Благородномъ собраніи, спеціально, чтобы доказать моимъ родственникамъ, что я дѣйствительно актриса, такъ какъ они не довѣряли моей „саратовской славѣ“.

Въ одну изъ субботъ мы отправились въ Благородное Собраніе, гдѣ познакомившись съ распорядителемъ Сосновскимъ (артистъ Императорскихъ театровъ), я просила дать мнѣ сыграть что-нибудь. Онъ вѣжливо, но холодно отвѣчалъ, что у него играютъ провинціальныя знаменитости: Глѣбова и Мельникова-Самойлова, всѣ спектакли назначены, но такъ какъ обо мнѣ слышалъ, то можетъ предложить какой-нибудь водевильчикъ, напримѣръ: „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“.

Я поблагодарила, но отказалась. Черезъ недѣлю мы опять были въ собраніи и въ одномъ изъ антрактовъ я увидѣла Сосновскаго, пробирающагося сквозь толпу по направленію къ намъ.

Сердце у меня замерло, я боялась ошибиться. Дѣйствительно, онъ подошелъ ко мнѣ и представляя слѣдовавшаго за нимъ мужчину, просилъ выручить послѣдняго изъ бѣды. Дѣло было вотъ въ чемъ: въ слѣдующую пятницу назначенъ былъ бенефисъ А. С. Полонскаго—извѣстнаго чтеца (только что мнѣ представленнаго), но по болѣзни Глѣбовой онъ состояться не могъ. За нее взялась играть Мельникова-Самойлова, а вторую роль играть оказалось некому. Сосновскій вспомнилъ обо мнѣ и Полонскій обрадовался случаю, лишь бы спектакль состоялся.

Пьеса была назначена и мнѣ пришлось выходить въ новой, совершенно неизвѣстной роли. Это немного меня смущало, но я играла не для того, чтобы поступить на сцену.

Дѣло было Великимъ постомъ и такъ какъ эта же пьеса должна была идти на Пасхѣ, въ бенефисъ Алексѣева, то представляла для артистовъ Императорскихъ театровъ большой интересъ и многіе собирались смотрѣть, во-первыхъ, на ея исполненіе, а во-вторыхъ Мельникову, ждавшую дебюта на Императорской сценѣ.

Обо мнѣ никто не зналъ, да и не интересовался...

Начались репетиціи... Я по обыкновенію говорила свою роль, провѣряя себя, насколько я ее знаю, и отмѣчала мѣ-

М. Г. Савина по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1874 году.

ста, строго придерживаясь назначенной mise en scène... Когда пьеса была слажена, я увидѣла, что многое мнѣ неудобно, но не смѣла ничего сказать, такъ какъ ясно сознавала полное недовѣріе къ моимъ силамъ. На послѣднихъ репетиціяхъ Сосновскій и Полонскій стали дѣлать мнѣ замѣчанія, а изъ-за кулисъ доносился голосъ Мельниковой, говорившей своему мужу (Н. В. Самойлову): „Она испортитъ всю роль! Какъ она ходитъ — пусть лучше вымараетъ эту сцену!“...

Авторъ Антроповъ былъ въ то время начинающій драматургъ и эта пьеса („Блуждающіе огни“) должна была сдѣлать ему имя. Отъ меня, правда, много зависѣло, такъ какъ моя роль была одна изъ главныхъ.

Приговоръ Мельниковой немного обезкуражилъ всѣхъ участвующихъ въ пьесѣ, но хотя я и знала, что вся завишу отъ настроенія и въ спектаклѣ будетъ совсѣмъ другое, тѣмъ не менѣе увѣрить ихъ въ этомъ я не могла.

Мельникова репетировала какъ слѣдуетъ, остальные тоже—одна я продолжала конфузиться и едва слышно подавала реплики.

На предпослѣдней репетиціи около суфлерской будки усѣлось нѣсколько человѣкъ публики (какъ я потомъ узнала, постоянные члены собранія). Это меня еще больше смутило, а къ довершенію мученія, одинъ изъ нихъ П. И. Р. тоже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе въ сценѣ объясненія въ любви, которая такъ смутила всѣхъ, а Мельникову особенно. Я не выдержала и обратясь къ Сосновскому, съ полными слезъ глазами, сказала: „Не требуйте отъ меня игры на репетиціи — я этого не умѣю. Я могу плохо сыграть, но никому не испорчу; я уже четыре года на сценѣ и стало быть не нуждаюсь, чтобы меня учили ходить по ней. Если же мною всѣ такъ недовольны, то можно меня замѣнить другою актрисой“...

Бенефиціантъ подбѣжалъ меня уговаривать, Сосновскій сталъ извиняться, П. И. Р. ушелъ и я поняла, что мой монологъ произвелъ впечатлѣніе—всѣ убѣдились, что я не такая рыба, какой кажусь. Я воспользовалась этимъ, чтобы поставить свои сцены по своему усмотрѣнію и сразу почувствовала себя совсѣмъ хорошо въ этой новой, трудной роли.

Я одѣвалась въ общей уборной—къ Мельниковой приходило много знакомыхъ, по разговорамъ которыхъ я узнала, что всѣ „александринскія“ будутъ смотрѣть насъ сегодня. Въ мою сторону косились и до моего слуха доносился шепотъ: „Это-то провинціальная? Она совсѣмъ дѣвчонка... Хорошо играетъ? Неужели это у ней свои волосы—не можетъ быть!“ и т. д.

Я одѣвалась, дрожа отъ холода и страха...

Спектакль начался... Я стояла, какъ каменная, ожидая своего выхода; мнѣ совѣтовали нарумяниться, такъ какъ я была страшно блѣдна. Судорожно ухватилась я за кулису и, еслибы кто-нибудь вздумалъ меня оттащить до выхода, то кусокъ кулисы навѣрное остался бы въ моей рукѣ—ощущеніе этого страха я до сихъ поръ испытываю въ каждой новой пьесѣ.

Когда режиссеръ наконецъ сказалъ: „вамъ выходить“, мнѣ показалось, что я окунулась въ холодную воду или кипятокъ и, понявъ инстинктивно, что выходить „надо“, моментально, сразу забравъ воздуху, буквально вылетѣла на сцену.

Я выходила съ бенефиціантомъ. Его встрѣтили апплодисментами и хотя это не относилось ко мнѣ, но-все таки ободрило меня и—главное—дало возможность немножко оправиться.

Первое дѣйствіе кончается моей сценой съ Полонскимъ и, когда раздались вызовы, то онъ выводилъ меня, но мнѣ казалось, что онъ дѣлаетъ это изъ любезности...

Тетушка уже ждала меня въ уборной и сказала, что всѣ находятъ мою игру чрезвычайно жизненной и правдивой, и что я очень симпатична.

Начался второй актъ, котораго всѣ, да и я сама, очень боялась и гдѣ именно находилась драматическая сцена съ фразой, которую мнѣ предлагали вымарать, и я чуть на это не согласилась.

Къ концу сцены я положительно не помнила себя. Я неслась въ монологѣ и очнулась при громѣ рукоплесканій, созданныхъ этой несчастной фразой, которую я, по словамъ Мельниковой, сказала въ совершенствѣ.

Послѣ конца акта меня окружили со всѣхъ сторонъ, представили различныхъ личностей и въ томъ числѣ нѣсколькихъ актеровъ казенной сцены... Среди общаго гула ясно слышалось: „талантъ, дебютъ, должны принять“ и пр., а голосъ Юлія Шрейера (короля репортеровъ) покрывалъ всѣхъ, крича: „у насъ только бездарностямъ дорога!“... А. А. Нильскій, стоявшій подлѣ меня, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, желаю-ли я поступить на Императорскую сцену. Я отвѣчала, что имѣю контрактъ съ Саратовомъ на очень выгодныхъ условіяхъ (500 руб. въ мѣсяцъ и два бенефиса), а главное не желаю навязываться дирекціи—если я нужна, то пусть меня пригласятъ...

Къ концу спектакля повсюду слышалось мое имя и я получила приглашеніе сыграть еще нѣсколько разъ.

Это было 17 марта 1874 года... Всю ночь послѣ спектакля я не могла уснуть отъ волненія и счастья...

Черезъ нѣсколько дней въ томъ же Благородномъ Собраніи я играла комедію въ одномъ актѣ „Она его ждетъ“ и была встрѣчена апплодисментами, а подъ конецъ мнѣ сдѣлали овацію...

Больше всего меня радовало, что дядя повѣрилъ моей „саратовской славѣ“.

Объ игрѣ М. Г. Савиной на сценѣ Благороднаго Собранія въ „Блуждающихъ огняхъ“ сохранился интересный отзывъ въ „Театральной хроникѣ“ А. И. Вольфа:

„17-го марта въ бенефисъ г. Полонскаго давали въ Благородномъ Собраніи еще не игранную на казенной сценѣ комедію Антропова „Блуждающіе огни“. Распорядитель спектаклей Собранія, г. Сосновскій пригласилъ г-жу Савину, провинціальную актрису, имя которой вовсе не было извѣстно большинству публики, хотя актриса эта пріобрѣла уже себѣ громкую репутацію въ Казани, Саратовѣ и Орлѣ... На спектаклѣ въ Благородномъ Собраніи присутствовали многіе Александринскіе артисты. Дебютантка играла въ комедіи Антропова Елену Григорьевну. Ей много апплодировали, что впрочемъ еще ничего не означаетъ, потому что снисходительная публика Благороднаго Собранія всѣмъ хлопаетъ и всѣхъ вызываетъ. Вѣрнѣе? было то, что опытные артисты въ ней замѣтили недюжинное дарованіе“.

Изъ всѣхъ артистовъ Александринскаго театра, видѣвшихъ М. Г. Савину въ Благородномъ Собраніи, она наиболѣе поразила А. А. Нильскаго.

„Нильскій опять былъ въ спектаклѣ“ говоритъ, М. Г. Савина въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „и настаивалъ на дебютѣ, увѣряя, что онъ уже сообщилъ о моемъ успѣхѣ начальнику репертуарной части П. С. Федорову и этотъ изъявилъ согласіе... При этомъ онъ далъ мнѣ свою визитную карточку и написалъ на ней „Среда, 12 часовъ дня“, прося быть у Федорова въ это время и ручаясь за хорошій пріемъ.

Елена, („Блуждающіе огни“).
Первый дебютъ М. Г. Савиной въ Петербургѣ. 17 Марта 1874 г.

Я не рѣшилась ѣхать безъ дяди и мы отправились въ назначенное время. Дѣйствительно, Федоровъ принялъ насъ, насколько мнѣ казалось, любезно, но, когда дѣло коснулось условій, то онъ замахалъ руками: „Помилуйте, у насъ тотъ-то, та-та не получаютъ бенефиса, а вы хотите сразу“.

На бенефисѣ я настаивала по совѣту Нильскаго, такъ какъ на большое жалованье, по его словамъ, разсчитывать было нельзя.

Дядя предложилъ не говорить объ условіяхъ до дебюта и на этомъ мы порѣшили. Отъ Федорова я должна была отправиться къ режиссеру и оставить тамъ свой репертуаръ. Для дебютовъ я назначила: „Блуждающіе огни“, „Свѣтскія ширмы“ и „Доходное мѣсто“.

Черезъ два дня я получила отвѣтъ, что ни въ одной изъ выбранныхъ пьесъ я играть не буду: „Блуждающіе огни“ идутъ въ бенефисъ Алексѣева, роли уже розданы и мою роль играетъ г-жа Дюжикова. „Свѣтскія ширмы“ — лучшая роль г-жи Струйской, а „Доходное мѣсто“ вышло изъ репертуара.

— Что же я могу выбрать?—спросила я.

— Если вы поступаете на мѣсто Яблочкиной 2-й, то и должны играть ея роли...

Кончилось тѣмъ, что меня принудили начать пьесой Крылова „По духовному завѣщанію“, которую я одинъ только разъ играла въ Саратовѣ, да въ добавокъ это была лучшая роль Яблочкиной.

На второй дебютъ мнѣ назначили „Воспитанницу“ Островскаго, какъ драматическую роль, и на третій—роль Зины въ комедіи „Ангелъ доброты и невинности“ Крылова же, не сходившей тогда съ афиши, благодаря безподобной игрѣ Самойлова. Только послѣдняя пьеса мнѣ улыбалась, такъ какъ роль Зины чрезвычайно подходила ко мнѣ, да и играть съ Самойловымъ очень хотѣлось. Зато первыя двѣ привели меня въ ужасъ“.

Первый дебютъ М. Г. Савиной на Александринской сценѣ былъ назначенъ на 9 апрѣля. Но до этого дебюта она сыграла еще разъ въ Благородномъ Собраніи въ субботу, 6 апрѣля.

Объ этомъ спектаклѣ помѣщенъ слѣдующій отзывъ въ „Петербурскомъ Листкѣ“ (7 апрѣля 1874 г. № 65).

„Вчера, на сценѣ клуба Благороднаго Собранія, г-жа Савина дополнила рядъ своихъ успѣховъ въ Петербургѣ: она сыграла роль Мери въ комедіи „Пансіонерка“ съ замѣчательною живостью и развязностью, давно уже отсутствующими на нашемъ бѣдномъ художественностью, „казенномъ“ театрѣ“.

Такимъ образомъ М. Г. Савина выступила 9 апрѣля въ Александринскомъ театрѣ, напутствуемая, какъ это видно изъ двухъ приведенныхъ рецензій, болѣе чѣмъ благосклонными отзывами петербургской театральной критики.

Эти отзывы не измѣнились и послѣ ея перваго дебюта.

Вотъ что мы читаемъ о ней въ газетахъ отъ 11 апрѣля:

„Наша русская драматическая сцена давно уже не радовала посѣтителей Александринскаго театра такимъ крупнымъ талантомъ, какъ дебютировавшая вчера въ спектаклѣ 9-го апрѣля г-жа Савина, извѣстная уже отчасти по отзывамъ корреспондентовъ изъ Саратова и по участію ея въ спектакляхъ, бывшихъ постомъ въ залѣ Благороднаго Собранія. Г-жа Савина выступила на оффиціальной сценѣ въ роли Кати, въ комедіи „По духовному завѣщанію“ и художественною простотою, естественною декламаціей и серьезнымъ отношеніемъ къ условіямъ сценическаго искусства произвела на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, вызвавъ громкія рукоплесканія, сопровождавшія каждый выходъ даровитой дебютантки. Г-жа Савина—молода, хороша собой и обладаетъ богатыми природными средствами—всѣми данными, необходимыми для той сценической иллюзіи, безъ которой художественное исполненіе невозможно. Читаетъ г-жа Савина внятно, раздѣльно, напоминая въ этомъ отношеніи московскую актрису г-жу Ѳедотову, каждое слово ея слышно и понятно, вслѣдствіе правильной интонаціи, соображенной съ даннымъ моментомъ сцены. Дебютантка держитъ себя непринужденно, не рисуется, не ломается, но никогда, ни въ своей логикѣ, ни въ репликахъ, не забываетъ, что она на сценѣ и твердо выдерживаетъ роль, сосредоточивая все вниманіе на ходѣ пьесы и не развлекаясь созерцаніемъ партера и ложъ даже въ тѣ моменты, когда она не принимаетъ непосредственнаго участія въ развитіи драмы. Всѣ эти, довольно азбучныя условія драматическаго искусства производятъ то цѣльное представленіе, безъ котораго невозможно достигнуть художественнаго впечатлѣнія, составляющаго главную цѣль актера. Г-жа Савина, какъ видно, хорошо знакома съ этими условіями сцены и серьезно изучила ея требованія; дебютантка доказала это не только въ комедіи, но и въ водевилѣ „Она его ждетъ“ (Madame attend monsieur). Если въ комедіи она заставила насъ забыть исполненіе роли Кати г-жей Яблочкиной 2-й, то въ водевилѣ, исполняя роль, такъ художественно воспроизводимую на французской сценѣ г-жею Лагранжъ, она по таланту напоминала намъ эту любимицу Михайловскаго театра, а по простотѣ и естественности игры явилась ея опасной соперницей“. („Голосъ“. 1874 г. № 99).

„Г-жа Савина—артистка еще очень молодая, средняго роста, съ пріятнымъ, подвижнымъ лицомъ и хорошимъ орга́номъ. Къ этимъ даннымъ мы должны прибавить замѣтное стараніе въ актрисѣ разработать роль, создать ее, воспользоваться своеобразно не только положеніемъ, но часто даже просто фразой, словомъ, жестомъ. Я не скажу, чтобы я былъ вполнѣ удовлетворенъ ея исполненіемъ роли Кати („По духовному завѣщанію“): многое въ ней было схвачено не вѣрно, многое не замѣчено, но самыя ошибки говорили въ пользу актрисы. Если она не все выражала

такъ, какъ слѣдуетъ, то все-таки выражала по своему и было замѣтно, что она думала, соображала, что сдѣланное явилось не безцѣльной случайной выходкой, а было результатомъ работы и мысли. Между зрителями, разумѣется, не обошлось безъ сравненій: вспоминали г-жу Яблочкину 2-ую, составившую себѣ нѣкотораго рода славу этою ролью; многіе отдавали г-жѣ Яблочкиной преимущество, но при этомъ забывали, что г-жа Яблочкина играла эту роль первая, что пьеса была тогда тщательно срепетована, что актриса получила самыя подробныя указанія на всевозможныя мелочи роли во время репетицій, тогда какъ г-жа Савина работала одна, самобытно. Лучше всего удались артисткѣ сцены второго дѣйствія, исполненныя иногда съ выдающейся граціей и мимикой. Слабѣе другихъ была финальная сценка въ третьемъ дѣйствіи. Одноактная сцена „Она его ждетъ", въ которой артистка исполнила роль, совершенно противоположную предъидущей, менѣе удалась ей, но и тутъ было нѣсколько моментовъ ловкой артистической отдѣлки. Г-жа Савина имѣла большой (быть можетъ, немножко и подогрѣтый) успѣхъ. (Намъ кажется очень неумѣстными и нелѣпыми встрѣчныя рукоплесканія актрисѣ, въ первый разъ дебютирующей). Артистка будетъ весьма хорошимъ пріобрѣтеніемъ для русской сцены, если не совсѣмъ ловкіе пріемы не вскружатъ ей голову и если она, помня, какъ легко у насъ развѣнчиваютъ того, кого легко вѣнчали, будетъ больше довѣрять своему художественному чутью и честной работѣ, чѣмъ апплодисментамъ". („СПБ. Вѣдомости" 1874 г. № 99).

Нѣкоторая сдержанность тона этой рецензіи, подписанной „В-ръ А-овъ" можетъ быть объяснена тѣмъ, что молодую артистку критиковалъ самъ авторъ пьесы. Но за то г-жа Савина была вполнѣ вознаграждена статьей, которую написалъ въ „Петербургскомъ Листкѣ" гроза актеровъ Александринской сцены того времени, „Театральный нигилистъ".

Вотъ эта статья:

„Съ нѣкоторыхъ поръ, на подмосткахъ клубныхъ любительскихъ сценъ, появилась молодая провинціальная актриса г-жа Савина и обратила на себя вниманіе публики и печати. Мы во всѣхъ почти газетахъ встрѣтили сочувственные отзывы о молодой артисткѣ и, наконецъ, увидали ее на Императорской сценѣ, во вторникъ, 9-го апрѣля. Г-жа Савина вышла въ комедіи „По духовному завѣщанію", въ роли Кати, исполнявшейся на нашей сценѣ г-жами Яблочкиною 2 и Хлѣбниковой, Первая этою ролью составила себѣ даже репутацію весьма талантливой актрисы, и послѣ этой роли овладѣла любовью публики.

Катя—простенькая дѣвочка, случайно попадающая въ притворно-любящія родственныя объятія, гдѣ, инстиктивно чувствуя эту нелюбовь, находится въ постоянномъ страхѣ и борьбѣ. Роль несложная по характеру, но весьма сложная по тѣмъ положеніямъ, въ которыя она ставится чуть не ежеминутно со стороны лицъ, ее окружающихъ.

Мы, конечно, не будемъ повторять содержанія комедіи, которую видѣлъ весь Петербургъ, и прямо обратимся къ г-жѣ Савиной.

Сценическія средства у г-жи Савиной весьма обширны, голосъ ея симпатиченъ и отлично поставленъ. Его слышно во всѣхъ мѣстахъ. Рѣчь чистая, ясная, безъ малѣйшаго проглатыванія окончаній фразы. Роста она нѣсколько болѣе средняго, сложена прекрасно. Дѣтски-симпатичное личико выразительно. Руки ей на сценѣ не мѣшаютъ. Такимъ образомъ она обладаетъ всѣмъ тѣмъ, что необходимо для актрисы во-вторыхъ, такъ какъ, во-первыхъ, все-таки нуженъ талантъ или дарованіе.

Намъ пріятно поэтому заявить, что сезонъ начинается появленіемъ на нашей сценѣ большаго таланта, какимъ обладаетъ г-жа Савина. Простота и естественность въ ней поразительная, и не смотря на эту поразительную простоту, вы, въ то-же время, чувствуете художественность этой простоты, что дается не всякому, а только большому дарованію. Она васъ одинаково схватитъ за сердце своими слезами и своимъ смѣхомъ; но то и другое она проявляетъ художественно-красиво и увлекательно-естественно.

Вы видите, напримѣръ, угловатость манеръ простенькой дѣвушки Кати, но въ угловатости этой нѣтъ рѣзкости, бьющей въ глаза для того, чтобы сказать: „посмотрите, молъ, какая я угловатая"! Повторяемъ, художественная простота—большая рѣдкость, и эта-то художественная простота составляетъ главное достоинство г-жи Савиной. Какъ рѣзкую противоположность ей мы поставимъ г-жу Дюжикову, обладающую тоже громаднымъ дарованіемъ; но разница между ними будетъ такая-же, какъ между двумя алмазами: шлифованнымъ и нешлифованнымъ. Конечно, отъ обѣихъ актрисъ зритель выноситъ хорошее впечатлѣніе,—цѣнность алмазовъ не измѣняется, но въ шлифованномъ болѣе блеска, болѣе игры, болѣе отраженія.

Во второй пьесѣ „Она его ждетъ“ г-жа Савина намъ не совсѣмъ понравилась, ибо слишкомъ однотонно читала свой огромный монологъ. Впрочемъ, эта однотонность отчасти оправдывается огромностію монолога. Здѣсь то обстоятельство не должно быть упущено изъ виду, что г-жа Савина явилась преображенною изъ простой дѣвушки Кати въ молоденькую, кокетливую и обозленную измѣною мужа барыню“.

Этого-же тона держался „Театральный нигилистъ“ и при слѣдующихъ дебютахъ М. Г. Савиной.

Въ „Петербургскомъ Листкѣ“ отъ 17 апрѣля 1874 г. (№ 72) онъ выражается еще восторженнѣе.

„Пишемъ нашу замѣтку о второмъ дебютѣ г-жи Савиной, состоявшемся вчера, пишемъ подъ самымъ свѣжимъ и глубокоотраднымъ впечатлѣніемъ. Дарованіе г-жи Савиной положительно громадно. Задушевность и простота поразительны. Тѣхъ нотъ, какія приходилось намъ слышать вчера, мы на нашей сценѣ, съ тѣхъ поръ, какъ взялись за перо, въ качествѣ рецензента,—а этому истекаетъ десять лѣтъ,—положительно не слышали. Роль Нади, исполненная г-жею Савиною въ сценахъ г. Островскаго „Воспитанница“, одно изъ первоклассныхъ сценическихъ созданій, и именно по своей простотѣ. Каждое слово идетъ изъ сердца, каждое движеніе соотвѣтствуетъ сердцу, и передъ вами въ цѣльности является типъ той дѣвушки, которая живетъ въ неволѣ, не чувствуя тяжести этой неволи до тѣхъ поръ, пока эта неволя вдругъ не наляжетъ на нее всею своею тяжестью, и когда она въ отчаянной рѣшимости,—„хоть день да мой“!—отдается первому встрѣчному, чтобы не отдаться пьяному мужу, за котораго ее отдадутъ, какъ-бы она не плакала, какъ-бы она не унижалась.

Повторяемъ еще разъ, что г-жа Савина имѣетъ громадное дарованіе“.

27 апрѣля 1874 года въ „Петербургскомъ Листкѣ“ (№ 79) „Театральный нигилистъ“, давая отчетъ о бенефисѣ г-жи Снѣтковой, пишетъ такъ:

„На этотъ разъ г-жа Савина не удовлетворила насъ исполненіемъ роли, хотя была чрезвычайно жива, мила, но отнюдь не наивна. Во всякомъ случаѣ, и подобныя роли далеко не на послѣднемъ планѣ въ ея репертуарѣ, такъ какъ въ настоящее время на это амплуа тоже никого не имѣется, то г-жа Савина является просто уже необходимостью для нашей бѣдной сцены.

„Будетъ-ли она принята?“ вотъ вопросъ, который рождается въ публикѣ. Отвѣтъ слишкомъ долго заставляетъ себя ждать, а, между тѣмъ, дѣло рѣшается очень просто: въ талантливости женскихъ персонажей русской драматической труппы слѣдуетъ сомнѣваться, въ талантливости г-жи Савиной сомнѣваться невозможно,—ясно, стало быть, что медлить никакъ не приходится и отвѣчать можно слишкомъ скоро“.

Приблизительно въ такомъ-же родѣ писали о слѣдующихъ дебютахъ г-жи Савиной и другія газеты. Для примѣра можно привести отзывъ „Голоса“ (1874 г. № 106).

„Талантливая провинціальная актриса г-жа Савина выбрала для своего второго дебюта, состоявшагося вчера, во вторникъ, 16 апрѣля, роль Нади въ „Воспитанницѣ“ г. Островскаго. Публика въ этотъ вечеръ отнеслась къ ней еще болѣе сочувственно, чѣмъ въ тотъ спектакль, когда она дебютировала въ первый разъ; это служило, конечно, яснымъ выраженіемъ всеобщаго желанія, чтобъ г-жа Савина вошла въ составъ нашей труппы.

Дѣйствительно, въ то время, какъ Петербургъ даетъ актеровъ и актрисъ то плохо подготовленныхъ, то совершенно бездарныхъ, провинція присылаетъ намъ живыя силы, способныя вывести петербургскій театръ изъ застоя, въ который онъ погруженъ ужъ такъ давно; необходимо только умѣть и, главное, хотѣть пользоваться этими силами разумно и безъ увлеченія, но съ строгимъ разборомъ. Въ настоящее время, какъ не разъ уже было заявлено въ газетахъ, русская сцена находится въ самомъ жалкомъ положеніи, потому что многіе весьма важные амплуа вовсе не имѣютъ на ней представителей, отчего конечно стройное исполненіе пьесъ становится совершенно невозможнымъ. Странно даже сказать, напримѣръ, что у насъ нѣтъ ни ingénue, ни „комической старухи“, тогда какъ замѣщеніе этихъ двухъ амплуа составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ всякаго, даже самаго скромнаго театральнаго антрепренера.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ публика не можетъ не интересоваться каждымъ появленіемъ свѣжаго таланта. То же замѣчается теперь относительно г-жи Савиной. Ее усердно поощряютъ, чтобы тѣмъ облегчить поступленіе ея на петербургскую сцену, чего и мы душевно

М. Г. Савина.

желаемъ. Въ „Воспитанницѣ“ г-жа Савина ясно показала намъ, что если „артисткой“ въ высшемъ значеніи этого слова она еще сдѣлаться не успѣла, то натура у нея весьма богатая задатками и артистическое чутье рѣдко ей измѣняетъ“.

Вопросъ о пріемѣ М. Г. Савиной на казенную сцену, который, по словамъ „Театральнаго нигилиста“, „рождался въ публикѣ“, разрѣшился косвенно, благодаря пріѣзду въ Петербургъ С. В. Шумскаго.

Объ этомъ М. Г. Савина говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“:

„Ожидали Шумскаго на гастроли и я, естественно, должна была отодвинуться на второй планъ, такъ какъ не смотря на удачное продолженіе дебютовъ, отвѣта не получила.

Шумскій пріѣхалъ и заявилъ для перваго дебюта „По духовному завѣщанію“. Мнѣ прислали повѣстку на репетицію и объяснили, что есть какое-то правило, по которому дирекція можетъ требовать повторенія дебюта... Я подчинилась этому правилу и имѣла успѣхъ наравнѣ съ Шумскимъ.

Пришлось еще два раза сыграть эту пьесу, и затѣмъ Шумскій просилъ выучить для его бенефиса комедію Достоевскаго „Старшая и меньшая“, гдѣ у него была безподобная роль, а моя заключалась въ однихъ репликахъ, но отъ нихъ зависѣла вся роль Шумскаго.

М. Г. Савина при поступленіи на Императорскую сцену.

Мнѣ самой роль страшно не нравилась, а пьеса казалась чрезвычайно сухой, не сценичной, но Сазоновъ совѣтовалъ играть, такъ какъ участвовать въ бенефисѣ Шумскаго для меня, по его словамъ, должно быть крайне интересно и въ такой именно роли мое дарованіе можетъ быть оцѣнено.

Скрѣпя сердце начала я учить роль и съ каждой репетиціей она мнѣ все больше и больше нравилась. Шумскій хотѣлъ выбросить послѣднюю сцену (очень выгодную для актрисы), находя ее крайне трудною и несуразною. Но я просила оставить и услыхала слѣдующее:

— Да вѣдь если вы испортите эту сцену, вся пьеса пропадетъ. Это—фактъ.

— Я попробую,—сказала я.

— Это очень похвально, но съ кѣмъ я ни игралъ, эта сцена не удавалась и ее вымарывали.

„Старшая и меньшая“ рѣшила мою участь. Меня сравнили съ Шумскимъ и пьеса шла пять разъ сряду. Наслѣдникъ Цесаревичъ пожелалъ смотрѣть Шумскаго и я чуть съ ума не сошла отъ радости, когда баронъ Кистеръ (тогдашній директоръ театровъ) передалъ мнѣ Высочайшую похвалу.

На другой день мой контрактъ былъ заключенъ: 900 рублей въ годъ, 15 рублей поспектакльной платы, бенефисъ и казенный гардеробъ. Контрактъ на три года съ прибавкой по 5 рублей разовыхъ каждый годъ“.

Марія Гавріиловна Савина сдѣлалась артисткой Императорскихъ театровъ.

Мк-53534

1/3-75

1/3

3 —
183562
8/75

Д 74/75

М. Г. Савина.

М. Г. Савина на репетиціи, въ ожиданіи своего выхода.

1874 - 1894.

Выпускъ II.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА. БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ В. В. ПРОТОПОПОВА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ СЪ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ М. Г. САВИНОЙ — АВТОГРАФАМИ: В. А. КРЫЛОВА, П. М. НЕВѢЖИНА, ВЛ. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО, КН. А. И. СУМБАТОВА (ЮЖИНА).

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

Выпускъ II.

1874 - 1894

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „ТРУДЪ“. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Января 1900 года.

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. Дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Мнѣ бы не хотѣлось повторять того, что многими уже сказано и повторено, и въ общихъ чертахъ я присоединяюсь къ мнѣнію другихъ о талантѣ Савиной. Прибавлю къ этому только слѣдующее: чтобъ еще болѣе оцѣнить дарованіе артистки и познать источникъ его творчества, надо видѣть Савину въ гостинной, когда она здорова, въ духѣ, — и съ увлеченіемъ разсказываетъ о какомъ нибудь событіи, о пьесѣ, объ авторѣ, о товарищахъ актерахъ. Это такой потокъ блестящей импровизаціи, что нельзя оторвать глазъ отъ артистки и боишься, что она кончитъ рѣчь и замолчитъ. Описываемыя лица встаютъ передъ вами, какъ живыя, лаконическіе эпитеты такъ и сыплятся, одной фразой иногда она такъ и нарисуетъ вамъ цѣлую картину, все разсказываемое ею вы словно видите воочію. И все это рвется наружу силой вдохновенія, безъ всякой подготовки и обдумыванія заранѣ. Тутъ доводъ громадной впечатлительности таланта и способности мгновенно, какъ въ зеркалѣ, отражать видѣнное. Изумляешься: какъ она успѣваетъ приглядываться къ типамъ, которые создаетъ. Но ей и не нужно приглядываться: ея впечатлительное дарованіе даетъ ей это, помимо ея самой. Вотъ, мнѣ кажется, главная особенность дарованія Савиной и потому она была права, сказавъ Германскому Императору, что нигдѣ играть не училась.

Викторъ Крылов

Мне немного остается сказать после вышеприведенных и блестящих характеристик, сделанных нашими знатоками театра в первом выпуске нашего издания. Я постараюсь только отметить две особенности яркого дарования М.Н. Ермоловой, лично мне наиболее дорогих в каждом художнике.

Первая особенность — это стремление и способность вносить элементы поэзии в самые реальные и правдивые замыслы своих созданий. Эта поэтическая струя, проникающая все образы, созданные Марией Николаевной, придает им неуловимую прелесть и яркую выразительность. Для русской женщины современного репертуара последних 25 лет она нашла столько мелочей и красочных бытовых подробностей, сколько и неуловимых, истинно поэтических оттенков настроений и душевных порывов. Ее громадному дарованию не потому ли и чужда величавая простота и пластический покой классических образов, что вся ее художественная природа полно поглощена первой вибрацией окружающей ее жизни? В чем ее главная сила, я не знаю: в яркости ли бытовых красок или в глубине поэтического проникновения. Мне кажется — в той гармонии этих двух элементов, которая необходима, чтобы цветок пахнул и придавал образу туманности очертаний, а цветок бытовых черт не лишал у нее поэтического аромата.—

Но самая удивительная особенность таланта артистки — ее неотразимая, самодовлеющая <u>сила личности</u>, ее резко определившийся индивидуализм, наложивший свою печать на весь склад одной из двух крупнейших сцен России в течение — страшно подумать! — целой четверти века! Она вся — "я". В этом "я" со всеми его особенностями, ошибками, увлечениями, порывами, со всеми отрицательными и положительными сторонами — секрет ее власти над театральной залой, даже над творчеством многих драматургов. Она никогда не боялась ошибок и всегда глубоко в себя верила — и заставляла верить других. Только так и можно что-нибудь создать. И она создала <u>свое</u>, личное — и несомненно крупное. Ее художественное "я" всегда горело незаимствованным, а идущим из глубины творческой души ярким блеском, в лучах которого меркнет и бледнеет всякая критика.

Кн. А. Сумбатов

21/I 1900.— Москва

Что М. Г. Савина, большой, выдающійся
и талантъ — ~~это~~ признано всѣми
и это признаніе закрѣпилось тѣми
рѣдкими оваціями, которыхъ она удо-
стоилась 19 Генваря. Но кромѣ таланта
она, какъ очень умная артистка вполнѣ
подчинила чутью искусства. Была очень ди-
рективная охотница, но изъ [illegible]
прекрасно, не блестяще, потому
что она не знала этой позы. Въ чемъ
же чудо было? А въ томъ, что М. Г. Савина
никогда не была сценически прямолиней-
а въ каждой роли старалась найти
нѣчто такое, чего другіе глазъ не видятъ.
Эти детали были иногда рискованны, но
чему-то и казались интересными, за-
ставлявшими о себѣ говорить публику
потому что оригинальные, подобно своимъ
оригинальнымъ неожиданно [illegible]
въ тайникѣ души зрителя, не такъ не-
вѣрнымъ [illegible] ~~[illegible]~~ Такое вни-
маніе къ внутренней жизни женщины и
сдѣлали Г-жу Савину общей любимицей, и ее
[illegible] обращенной въ [illegible] театръ. А если ко всему
сказанному мы добавимъ, что Марья Га-
вриловна, в обществѣ обаятельна, какъ
женщина, то станетъ понятно, съ ка-
кими чувствами шла публика на юби-
лейный спектакль Г-жи Савиной.

П. М. Невежинъ.

20 генваря
Спб.

Марья Гавриловна играла во всѣхъ моихъ пьесахъ того періода, съ котораго я считаю себя писателемъ.

На первыхъ репетиціяхъ, когда она еще совершенно не освоилась съ ролью, когда она еще не отдаетъ себѣ отчета, куда должна быть направлена ея художественная смѣлость и самостоятельность, — артистка съ дѣтской послушностью отдается указаніямъ режиссера или автора. Она слушаетъ ихъ замѣчанія, переходитъ съ мѣста на мѣсто и читаетъ слова роли съ сосредоточенностью, близкой къ безсознательности.

На слѣдующихъ репетиціяхъ начинается что-то въ родѣ нервнаго „метанія" артистка, по выраженію Тургенева, «ищетъ себя». Это тѣ мученія, которыя каждый истинный художникъ испытываетъ во второй фазѣ творчества, тѣ мученія, о которыхъ публика не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, наивно полагая, что дѣятельность художника безконечна радостна и свободна отъ всякихъ терзаній. Сколько я замѣчалъ, въ это время Марья Гавриловна ненавидитъ комплименты, обрываетъ на полу-словѣ всякую похвалу: ей нужно собственное удовлетвореніе, котораго еще нѣтъ, а поверхностнымъ похваламъ она хорошо знаетъ цѣну.

Потомъ вдругъ, на одну изъ репетицій, она приходитъ бодрая, напряженная. Ея замѣчательные глаза, способные каждый мигъ мѣнять выраженіе, горятъ энергіей, ея голосъ звучитъ увѣренно. Марья Гавриловна имѣетъ способность заражать окружающихъ своимъ настроеніемъ. Еще на предыдущей репетиціи около нея ходили на цыпочкахъ, а сегодня всѣ лица сіяютъ.... Артистка «нашла самое себя».

Ко времени перваго представленія Марья Гавриловна напоминаетъ человѣка, поставившаго на одну карту всю свою жизнь. Если бы ей сказали: „Экономьте ваши силы, иначе вы завтра умрете", она ни минуты не колебалась бы и выбрала бы смерть. Оттого ея игра на первомъ представленіи и поражаетъ такимъ трепетомъ.

Театральная публика безжалостна. Ей нѣтъ дѣла до того, что будетъ съ артисткой завтра, сегодня она хочетъ принадлежать ей безраздѣльно.

Что сказать мнѣ о Савиной, какъ объ артисткѣ? Какъ опредѣлить то, что принято называть общимъ словомъ «геніальность»? Геніальность даже въ то время, когда искусство артиста — въ дикціи и пріемахъ — можетъ быть не совершенно?

На меня лично игра Савиной всегда производила такое впечатлѣніе, точно наступаютъ моменты, когда мнѣ кажется, что я сообщаюсь съ Богомъ. Артистка поднимаетъ мой духъ на такую высоту, съ какой только высшая сила можетъ созерцать людскія радости и страданія.

Есть много прекрасныхъ артистокъ и Россія ими не обижена. Все у нихъ хорошо: и правдиво переданный образъ, и чудесная дикція, и вкусъ въ пріемахъ, и темпераментъ. Онѣ доставляютъ вамъ большое эстетическое удовольствіе. Но никогда, ни на одинъ мигъ, не озарятъ онѣ вашего міросозерцанія тѣмъ высшимъ свѣтомъ, который доставляетъ «радость познанія Творца». А этой-то способностью — одной смѣлой интонаціей и взглядомъ раскрыть всю сложную психологію изображаемой души — и обладаетъ Савина.

Вас. Немировичъ-Данченко

1874

1894

Служба Маріи Гавріиловны Савиной на Императорской сценѣ считается съ 16 августа 1874 года, а выступила она въ первый разъ артисткой Императорскихъ театровъ въ комедіи Каратыгина „Бабушкина внучка“ 18 августа того же года.

М. Г. Савина поступила, какъ уже упоминалось выше, на мѣсто г-жи Яблочкиной 2, и, естественно, должна была начать съ ея ролей въ пьесахъ, уже вошедшихъ въ репертуаръ. Кромѣ „Бабушкиной внучки“, такими пьесами были: комедія Куликова „Прежде маменька“, поставленная для второго выхода г-жи Савиной 19-го августа и „Пансіонерка“, комедія К. Тарновскаго—для третьяго ея выхода 30 сентября 1874 г.

М. Г. Савина въ драмѣ „Менахимъ-бенъ-Израиль".
Минскъ. 1869 г. *).

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о томъ впечатлѣніи, которое производила М. Г. Савина въ роляхъ Яблочкиной 2, артистки безусловно талантливой и любимой публикой, достаточно привести двѣ слѣдующія рецензіи „Голоса":

„Голосъ", 20 августа 1874 г., № 229.

18-го августа, въ воскресенье, дана была въ первый разъ по возобновленіи переводная комедія „Бабушкина внучка"... Роль Эмиліи представляетъ для хорошей актрисы на амплуа ingénue нѣсколько сценическихъ положеній, въ которыхъ таланту есть гдѣ развернуться. Это и побудило, вѣроятно, даровитую г-жу Савину, по принятіи ея въ составъ нашей труппы, выступить въ первый разъ въ устарѣвшей французской комедіи, заключающей въ себѣ благодарную роль. Къ сожалѣнію, интересъ трехъактной пьесы невозможно основать на одномъ только лицѣ, при отсутствіи въ исполненіи необходимаго ансамбля, и потому г-жѣ Савиной не удалось поддержать комедіи, разъигранной, въ общей сложности, чрезвычайно слабо... Г-жа Савина сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобъ оживить пьесу, и сцену, въ которой Эмилія примиряетъ своихъ родителей, едва не разлучившихся на всю жизнь, съиграла съ большою тонкостью и граціей. Мы желали-бы только, чтобъ артистка въ первыхъ двухъ актахъ менѣе впадала въ ребяческій тонъ, который, при частомъ повтореніи, легко можетъ сдѣлаться однообразнымъ и приторнымъ.

„Голосъ", 21 августа 1874 г., № 230.

...19 августа прелестная, высокохудожественная игра г-жи Савиной въ небольшой пьесѣ г. Куликова „Прежде маменька", въ которой роль симпатичной шалуньи, Софьи Орлицкой, задавшейся мыслью прежде выдать замужъ свою маменьку, а потомъ уже подумать о себѣ самой, не имѣла у насъ достойной исполнительницы послѣ г-жи Снѣтковой 3-й. Г-жа Савина въ высшей степени художественно передала всѣ душевныя движенія героини, въ основѣ характера которой лежитъ, по мысли автора, нѣжная любовь дочери, соединенная съ веселою шаловливостью наивной молодой дѣвушки. Г-жа Савина выставила впередъ именно эту внутреннюю сторону роли, а не ограничилась, подобно большинству исполнительницъ, одною только внѣшнею живостью, легко дающеюся актрисѣ съ пріятною наружностью. Софья, какъ представила намъ ее г-жа Савина — дѣвушка умная, энергическая, съ душою, невольно приковывающая вниманіе публики къ своему симпатическому характеру. Только при большомъ умѣ и тактѣ можно играть эту роль съ такою тонкостью отдѣлки и, въ то же время, жизненною простотою, какъ играла ее г-жа Савина. Даже скучную сцену Софьи съ полковникомъ, разсказывающимъ о своей прошлой любви, артистка съумѣла согрѣть и оживить своею мимикой и разнообразіемъ интонацій. Переходя отъ нетерпѣнія въ разговорѣ со старикомъ къ привѣтливости съ нимъ, когда Софья узнаетъ, что онъ любитъ не ее, а ея мать, какая-то особенно милая манера дразнить маменьку, съ любовью смотря ей въ глаза, наконецъ, теплота, съ которою Софья серьезно убѣждаетъ свою маменьку согласиться на бракъ съ полковникомъ—все это вышло у г-жи Савиной вполнѣ законченнымъ и дышало какою-то непосредственною свѣжестью, которая особенно отрадно дѣйствовала на душу въ храмѣ рутины, именуемомъ Александринскимъ театромъ.

Поставивъ себя съ первыхъ-же шаговъ на Александринской сценѣ такимъ блестящимъ образомъ, М. Г. Савина сразу въ томъ-же 1874 году поразила и публику, и прессу удивительнымъ разнообразіемъ своего дарованія.

Здѣсь я принужденъ сдѣлать маленькое отступленіе.

*) Эта фотографія помѣщена во второмъ выпускѣ потому, что я получилъ ее уже послѣ напечатанія перваго. Интересный портретъ „дѣвицы Стремляновой" мнѣ любезно прислалъ нѣкто г. Л-зе, изъ Минска, гдѣ, какъ онъ пишетъ, драма Менахимъ-бенъ-Израиль дѣлала большіе сборы, собирая въ театръ все мѣстное еврейское общество.

В. П.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось случайно столкнуться въ Парижѣ съ Селиною Монталанъ, и, также случайно, разговориться съ ней о Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

Г-жа Монталанъ разсказала мнѣ слѣдующій эпизодъ:

Въ то время, когда она играла въ Михайловскомъ театрѣ, въ Петербургъ пріѣхалъ Кокленъ-старшій. Знаменитый артистъ, конечно, пожелалъ сдѣлать визиты своимъ русскимъ confrèr'амъ и г-жа Монталанъ повезла его первымъ долгомъ къ М. Г. Савиной, съ которой была въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Кокленъ, въ разговорѣ съ г-жей Савиной, спросилъ, между прочимъ, играютъ-ли въ Петербургѣ французскія переводныя пьесы. „Конечно", отвѣтила Марія Гавріиловна: „всѣ ваши лучшія пьесы переведены на русскій языкъ: мы играемъ „La dame aux camelias" („Даму съ камеліями"), „Le monde ou l'on s'ennuit" („Въ царствѣ скуки") „Кто исполняетъ у васъ роль Маргариты Готье?" „Я". „А роль Сюзонъ?". „Тоже я". Кокленъ былъ до того пораженъ, что сначала не могъ вымолвить ни слова, а потомъ, наклонившись къ Селинѣ Монталанъ, прошепталъ: „est-ce qu'elle est folle?" („Что она — сумасшедшая?").

Нужно-ли объяснять, почему Кокленъ назвалъ М. Г. Савину „сумасшедшей"? Это достаточно ясно: Марія Гавріиловна назвала ему двѣ роли, такъ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга — одну сильно драматическую, другую чистѣйшую ingénue — что знаменитый артистъ не былъ въ состояніи представить себѣ возможности исполненія ихъ одной и той-же актрисой.

А между-тѣмъ это было такъ. Это удивительное разнообразіе своего дарованія Марія Гавріиловна, какъ я уже сказалъ, выказала съ перваго-же года поступленія на Императорскую сцену: въ 1874 году она играла одновременно, напримѣръ, водевиль П. Федорова „Утка и стаканъ воды" (12 сентября) и драму Н. Потѣхина „Злоба дня" (27 сентября).

Объ „Уткѣ и стаканѣ воды" имѣется слѣдующая рецензія въ „Голосѣ" (14 сентября 1874 года, № 254).

Елена Григорьевна. („Злоба дня" 1874 г.).

Вчера-же (12 сентября) возобновленъ съ участіемъ г-жи Савиной, заигранный до нельзя водевиль „Утка и стаканъ воды" („Embrassons-nous, Follerille!"), который давно пора было бы окончательно сдать въ архивъ. Хотя г-жа Савина очень мило играла въ немъ роль вспыльчивой молодой дѣвушки, однако мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что ее уже цѣлый мѣсяцъ выпускаютъ на сцену въ такой дребедени, какъ „Утка и стаканъ воды" или „Бѣдовая бабушка" и что сама она не считала необходимымъ тщательно заняться единственною серьезною ролью, выпавшею на ея долю въ послѣднее время — ролью Лизы въ „Горе отъ ума", которая ей, поэтому, совсѣмъ и не удалась. При такомъ отношеніи къ дѣлу, артистка скоро можетъ размѣнять свой крупный талантъ на мелочь, что, конечно, было-бы до крайности прискорбно, такъ какъ г-жа Савина, безспорно, въ настоящее время — лучшая надежда нашей осиротѣлой сцены, и всякій, кому дороги интересы искусства, не можетъ не желать, чтобъ дарованіе ея крѣпло и развивалось, а не тратилось безплоднымъ образомъ на изображеніе разныхъ Глашъ и Аннетъ, придуманныхъ какъ бы нарочно, чтобъ портить молодыхъ актрисъ разсчетомъ на дешевые эффекты, въ ущербъ жизненной правдѣ и даже нерѣдко человѣческому смыслу.

А вотъ что говоритъ про игру г-жи Савиной въ „Злобѣ дня“ А. Вольфъ въ своей театральной хроникѣ:

„...Публика ее принимала прекрасно, но все еще не было случая выказать свой талантъ во всей полнотѣ. Случай этотъ, наконецъ, представился; 27-го сентября для бенефиса Малышева поставили новое произведеніе Н. Потѣхина „Злоба дня“ и главную роль Елены Григорьевны отдали Савиной. Роль эта, лишенная всякаго характера, заключала однако въ себѣ много эффектныхъ моментовъ, которыми артистка воспользовалась съ необыкновеннымъ искусствомъ. Чудный мелодическій голосъ, выразительная мимика, глаза, полные огня, завоевали окончательно симпатію публики, и съ этого вечера не осталось сомнѣнія, что наша сцена пріобрѣла въ ней талантъ первоклассный, а не заурядную ingénue,—всѣ критики отозвались въ такомъ смыслѣ. Бенефиціанты стали ухаживать за восходящею звѣздою, добиваясь ея участія въ бенефисѣ, „Злоба дня“ сдѣлалась модною пьесою; она выдержала 28 представленій къ ряду въ первый сезонъ“.

1875 г. М. Г. Савина съ сестрой Еленой, Артисткой Импер. театровъ Стремляновой.

Для своего перваго бенефиса на Александринской сценѣ (7 октября) М. Г. Савина выбрала комедію А. Потѣхина „Мишура“.

Объ этомъ спектаклѣ А. Вольфъ даетъ такой отзывъ:

„Въ первый свой бенефисъ М. Г. Савина возобновила „Мишуру“; личность Даши предстала въ совершенно другомъ свѣтѣ при новомъ исполненіи. Образъ простенькой дѣвушки, всѣмъ жертвующей для милаго человѣка, вышелъ глубоко-поэтичнымъ. Авторъ остался вполнѣ довольнымъ новою Дашей и, говорятъ, сказалъ: „теперь можно опять писать для сцены“; я полагаю, что и другіе исполнители его удовлетворили. Въ первый разъ играли роли: Зайчикова-отца—Зубовъ, Зайчикова-сына—Сазоновъ, Побѣдинскаго—Виноградовъ; послѣдній, впрочемъ, былъ гораздо слабѣе Васильева 2-го“.

Невозможно, конечно, останавливаться подробно на каждой роли, созданной М. Г. Савиной въ теченіи первыхъ двадцати лѣтъ ея пребыванія на казенной сценѣ, составляющихъ предметъ настоящаго отдѣла: въ этотъ періодъ времени **она участвовала въ 191 спектакляхъ** и **сыграла 220 ролей,** изъ которыхъ на долю 1874 г. пришлись слѣдующія:

1) „Бабушкина внучка“ комедія Каратыгина. Эмилія.
2) „Прежде маменька“ комедія Куликова. Софья.
3) „Бѣдовая бабушка“ комедія Баженова. Глаша.
4) „Пансіонерка“ комедія Тарновскаго. Мери.
5) „Утка и стаканъ воды“ водевиль Федорова. Аннета.
6) „Несчастье особаго рода“ комедія Пенькова. Нилова.
7) „15-ти лѣтняя вдовушка“ водевиль Байкова. Артемиза.
8) „Злоба дня“ драма Н. Потѣхина. Елена Григорьевна.
9) „Мишура“ комедія А. Потѣхина. Дашенька. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
10) „Послѣ крушенія“ комедія. Вѣрочка. (Бенефисъ Монахова).
11) „Не въ свои сани не садись“ комедія Островскаго. Дуня.
12) „Завоеванное счастье“ комедія Крылова. Лиля. (Бенефисъ Левкѣевой).
13) „Парижскіе нищіе“ мелодрама. Антуанета. (Бенефисъ Бурдина).
14) „Подвигъ гражданки“ драма Дьяченко. Элиза.
15) „Трудовой хлѣбъ“ комедія Островскаго. Наталья Петровна. (Бенефисъ Горбунова).
16) „Милые бранятся, только тѣшатся“ водевиль Тарновскаго. Александра Ивановна.

1875 г. начался для М. Г. Савиной не особенно удачно: 31-го января она сыграла въ бенефисъ Нильскаго Офелію и не удовлетворила театральную критику.

„Какъ-то дѣдушка только... Коль-бы у него деньжонки-то!..."

„Эка невидаль: ленты да мыло!"

„Телушка еще у насъ пала."

„Вотъ дѣдушка! Да я еще и Ваньку-то переплясывала!"

(Ночное)
Соч. Стаховича.

Объ этомъ спектаклѣ въ „Петербургскомъ Листкѣ“ (2 февраля 1875 г., № 23) появилась слѣдующая рецензія за подписью „Театральный нигилистъ“:

„Г-жа Савина, хотя и не справилась съ ролью Офеліи, но была очень естественна и проста. Сцену сумасшествія провела безъ малѣйшаго эффекта; но одна-ли простота нужна для Офеліи, для дѣвушки, на которую придворная обстановка не могла не имѣть вліянія, и которая порывы искренняго сердца сдерживаетъ въ угоду этикету? Вотъ этой-то вліяющей обстановки въ ней и не было, и вышелъ образъ безъ лица, хотя и глубоко симпатичный по простотѣ. Въ этомъ случаѣ, однако, простота оказалась хуже воровства“.

Въ этомъ-же родѣ отзываются о Савиной — Офеліи и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (2 февраля 1875 г., № 33):

„Къ несчастью, мы не можемъ особенно похвалить игру г-жи Савиной въ роли Офеліи, хоть она и стяжала жаркіе аплодисменты и многократные вызовы. Передъ ея выходомъ мы были еще полны того впечатлѣнія, которое она оставила въ насъ на прошлой недѣлѣ „Царскою невѣстою“. Мы назвали ее тогда русскою Офеліею; оказалось, что и въ шекспировской Офеліи она осталась тою же царскою невѣстою драмы Мея, только гораздо слабѣе, гораздо блѣднѣе. Она положительно не вдумалась въ свою новую роль, богатую не внѣшнимъ блескомъ, а внутренней идеей, для пониманія и выраженія которой недостаточно одного таланта, а нужно серьезное и разумное изученіе. Если г-жа Савина станетъ пренебрегать этимъ изученіемъ и удовлетворится аплодисментами публики, забывая, что такіе-же аплодисменты встрѣчаютъ и провожаютъ каждую молодую, красивую и бойкую бездарность, то весь ея талантъ выдохнется, какъ выдыхались уже многіе таланты при подобныхъ обстоятельствахъ“.

Только одна „Петербургская Газета“ отозвалась объ Офеліи совершенно иначе (2 февраля 1875 г., № 19):

„Пальма первенства принадлежитъ г-жѣ Савиной (Офелія), которая исполнила сцену сумасшествія художественно. Фраза ея „тоска, тоска!“ глубоко тронула зрителей; мимическая сторона роли была до тонкости отдѣлана такими деталями, которыя свойственны только дѣйствительнымъ талантамъ“.

Однако, не смотря на этотъ лестный отзывъ, по свидѣтельству театральнаго хроникера А. И. Вольфа (стр. 55), „Савина осталась собою не довольна и вскорѣ отказалась отъ роли Офеліи“.

Для своего бенефиса въ этомъ году (8-го октября) Марія Гавріиловна выбрала комедію Опочинина „Гордіевъ узелъ“, которую также не одобрили.

„Петербургская Газета“ (9-го октября 1875 г., № 157) напечатала такую замѣтку о бенефисѣ г-жи Савиной:

„Гордіевъ узелъ“! Чортъ-бы побралъ этотъ „Гордіевъ узелъ“! — таковое впечатлѣніе публика вынесла изъ этой галиматьи, которою вздумалъ угостить ее юный авторъ г. Опочининъ. Никогда еще александринская сцена не видала болѣе безобразнаго произведенія. Ни сценичности, ни признака таланта, ничего хоть сколько нибудь заслуживающаго вниманія. Публика партера, какъ одинъ человѣкъ, негодовала на эксплоатацію ея долготерпѣнія. Пьеса торжественно провалилась, хотя „верхи“ и вызывали автора. Бенефиціантку встрѣчали восторженно“.

Впрочемъ, всѣ газеты единодушно удостовѣряютъ, что бенефисъ молодой талантливой артистки былъ безусловно удаченъ: ей много аплодировали, поднесли два букета и цѣнный подарокъ.

Кромѣ „Гамлета“ (17) и ком. „Гордіевъ узелъ“ (18), М. Г. Савина играла въ 1875 г. еще въ слѣдующихъ пьесахъ:

19) „Ночное“ ком. Стахѣева. Дуня. (40-лѣтній юбилей Самойлова).
20) „Царская невѣста“ драма Мея. Марфа. (Бенефисъ Каратыгина).
21) „Сверчокъ“ ком. Бирхъ-Пфейферъ. Фадетта. (Бенефисъ Жулевой).
22) „Капризница“ ком. Фролова. Софья Андреевна. (Бенефисъ Снѣтковой).
23) „Дѣдушка Назарій Андреевичъ“ ком. Федорова. Катенька.
24) „Кохинхинка“ ком. Кугушева. Березкина.
25) „Двѣ сиротки“ мелодрама. Луиза. (Бенефисъ Струйской).

Лиза. („Въ осадномъ положеніи". 1875 г.).

26) „Капитанская дочка" ком. Лобанова. Марія Ивановна. (Бенефисъ Малышева).
27) „Мертвая петля" ком. П. Потѣхина. Вѣра.
28) „Въ осадномъ положеніи" ком. В. Крылова. Лиза. (Бенефисъ Сазонова).
29) „И крылья есть" ком. Пальма. Жемчугова. (Бенефисъ Читау).
30) „Осторожнѣе съ огнемъ" ком. Карнѣева. Наденька. (Бенефисъ Пронскаго).
31) „Богатая невѣста" ком. Островскаго. Бѣлѣсова.
32) „Волки и овцы" ком. Островскаго. Глафира.

Въ ноябрѣ **1876 г.** А. Н. Островскій кончилъ свою комедію „Правда хорошо, а счастье лучше", прочелъ ее артистамъ и назначилъ М. Г. Савиной Поликсену, а К. А. Варламову Грознова, какъ извѣстно, одну изъ лучшихъ его ролей и въ настоящее время. Островскій читалъ великолѣпно: Поликсена и Грозновъ произвели въ его чтеніи такое сильное впечатлѣніе на молодую артистку и молодого артиста, что они рѣшили идти къ начальнику репертуара и отказаться отъ ролей.

П. С. Федоровъ, вообще не церемонившійся съ артистами, принялъ „молодежь" грубо: „какъ", закричалъ онъ, выслушавъ причину прихода М. Г. Савиной и К. А. Варламова, „Островскій дѣлаетъ вамъ честь, даетъ играть въ своихъ пьесахъ, а вы смѣете отказываться!" — „Да мы", залепетали перепуганные и сконфуженные артисты, „боимся, что намъ не справиться съ ролями; мы не потому отказываемся, что не желали-бы играть, напротивъ..." — „И слышать ничего не хочу", закричалъ П. С. Федоровъ: „играть!"

Этой „командой" начальника репертуарной части инцидентъ былъ исчерпанъ: 22-го ноября комедія „Правда хорошо, а счастье лучше" шла въ Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ Бурдина и М. Г. Савина создала прекрасный цѣльный типъ изъ роли Поликсены, которой такъ боялась.

Это видно изъ слѣдующихъ рецензій:

„С.-Петербургскія Вѣдомости" (24 ноября 1876 г., № 235).

„Только три лица комедіи были разыграны приблизительно вѣрно: Поликсены (г-жа Савина), Платона (г. Сазоновъ) и Силы Ерофеича Грознова (г. Варламовъ). Эти три лица лучшія лица пьесы и обрисованы драматургомъ мастерски. Типъ своенравной, но доброй, прямой и любящей дѣвушки Поликсены, былъ воспроизведенъ г-жею Савиною недурно, но артисткѣ не доставало обличья московской купеческой дочки; въ ея игрѣ слишкомъ сказывались рутинные пріемы рутинныхъ „энженю", какія создаются драматическими дѣлъ мастерами Александринскаго театра".

„Петербургская Газета" (24-го ноября, 1876 г., № 231):

„Играли лучше всѣхъ г-жа Савина и Сазоновъ; сцена любви въ саду была исполнена ими положительно безукоризненно, особенно со стороны г. Сазонова.

Г-жа Савина и г. Сазоновъ выдѣлились изъ числа исполнителей своею естественною и правдивою игрою. Особенно удалась имъ „любовная сцена" 3-го дѣйствія".

„Петербургскій Листокъ" (24-го ноября 1876 г., № 231):

„Пьеса идетъ ровно и выдаются только гг. Сазоновъ и Виноградовъ и г-жа Савина".

Въ этомъ году М. Г. Савина сыграла, кромѣ „Правда хорошо, а счастье лучше“ (33), еще 10 ролей:

34) „Вѣтерокъ“, ком. Мельяка. Жильберта. (Бенефисъ Марковецкаго).
35) „Бѣшеныя деньги“, ком. Островскаго. Лидія Юрьевна.
36) „Три пощечины“, ком. Тарновскаго. Эмма.
37) „Чья правда?“, ком. Голохвастовой. Кн. Мурзина. (Бенефисъ Зубова).
38) „Законная жена“, ком. Дьяченко. Адоньева. (Бенефисъ Малышева).
39) „Виновная“, ком. А. Потѣхина. Катенька. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
40) „Богатырь вѣка“, ком. Н. Потѣхина. Марія Александровна. (Бенефисъ Монахова).
41) „Змѣй Горынычъ“, ком. В. Крылова. Кружанова. (Бенефисъ Сазонова).
42) „За монастырской стѣной“, мелодрама Камолетти. Аделина. (Бенефисъ Читау).
43) „Осеннее солнышко“, ком. Максимова. Андріена. (Бенефисъ Левкѣевой).

Годъ **1877**-ой былъ очень безцвѣтнымъ въ исторіи петербургскаго драматическаго театра: „осенью и зимой этого года“, говоритъ А. И. Вольфъ, „въ самый разгаръ несчастной войны, театръ посѣщался гораздо менѣе; гвардія была въ отсутствіи; во многихъ семействахъ былъ трауръ. Въ такое грустное время, кажется, и драматурги писали не охотно для театра“.

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ году М. Г. Савина сыграла 13 новыхъ ролей:

44) „Вокругъ огня не летай“, ком. В. Крылова. Плѣщанская. (Бенефисъ Виноградова).
45) „Посадникъ“, трагедія графа А. Толстого. Наталья. (Бенефисъ Нильскаго).
46) „Не такъ страшенъ чертъ“, ком. Тарновскаго. Поля. (Бенефисъ Петипа).
47) „Сообщники“, ком. Смирновой. Марія Павловна. (Бенефисъ Алексѣева).
48) „Свѣтскія ширмы“, др. Дьяченко. Сашенька.
49) „Любовь и предразсудокъ“, ком. Мельяка. Леля.
50) „Чудовище“, ком. В. Крылова. Варя. (Бенефисъ Зубова).
51) „Выгодное предпріятіе“, ком. А. Потѣхина. Ольга. (Бенефисъ Монахова).
52) „Женитьба Фигаро“, ком. П. Бомарше. Сусанна. (Бенефисъ Сазонова).
53) „Счастливый день“, ком. Н. Соловьева. Настя. (Бенефисъ Читау).
54) „Яблоко раздора“, ком. Озирецкаго. Наталья Александровна. (Бенефисъ Левкѣевой).
55) „Послѣдняя жертва“, ком. Островскаго. Тугина. (Бенефисъ Бурдина).
56) „Каковы люди, таковы дѣла“, ком. Гринева. Нина. (Бенефисъ Леонидова).

Просматривая этотъ списокъ ролей М. Г. Савиной, нельзя не остановиться на „Выгодномъ предпріятіи“ А. А. Потѣхина. М. Г. Савина выступила въ 1877 г. въ той же Ольгѣ, которую играетъ итеперь, двадцать три года спустя. „Авторъ, какъ говорили“, пишетъ А. И. Вольфъ, „предназначалъ Савиной роль Раисы, но она отъ нея отказалась“. Найдется-ли другая молодая артистка, способная на такой подвигъ: отказаться отъ роли молодой хорошенькой дѣвушки и взяться за изображеніе чуть-ли не старухи!

Въ этомъ выборѣ роли рѣзко сказалось то художественное чутье, которымъ, очевидно, обладала М. Г. Савина почти съ самаго начала своей сценической карьеры—сказалась удивительная способность сознанія характера своего дарованія.

Сашенька. („Свѣтскія ширмы“. 1877 г.).

Я думаю, что М. Г. Савина достигла ве-

ликой славы, между прочимъ, и благодаря этой драгоцѣнной способности: принципъ „познай самого себя“ играетъ громадную роль въ сценической карьерѣ каждаго артиста, не исключая и самыхъ оригинальныхъ, самыхъ даровитыхъ.

Пересматривая рецензіи, написанныя въ газетахъ послѣ постановки „Выгоднаго предпріятія“, я нашелъ очень интересныя строки нѣкоего „Р—цы С—во Т—до“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (27-го октября 1877 г., № 297):

„Артистка этою ролью“, говоритъ критикъ про М. Г. Савину, „выказала новую сторону своего замѣчательнаго таланта, именно траги-комическую, что оставалось до сихъ поръ скрытымъ отъ публики, благодаря разнымъ „Осаднымъ положеніямъ“, „Чудовищамъ“ и подобнымъ современно-рутиннымъ пьесамъ, всецѣло овладѣвшимъ александринскою сценою. Привѣтствуя отъ души этотъ новый блестящій успѣхъ нашей единственной реально-талантливой артистки, мы надѣемся, что г-жа Савина не остановится на полпути и не заснетъ на пріобрѣтенныхъ лаврахъ; ей много дано природою и много съ нея спросится!“

Въ этой рецензіи особенно важны слова „реально-талантливая“, показывающія глубокую проницательность автора замѣтки, фамилія котораго мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна.

Не дальше, какъ черезъ четыре мѣсяца М. Г. Савина блестяще доказала, что, характеризуя ее „реально-талантливой“ артисткой, г. „Р—цы С—во Т—до“ сказалъ совершенную правду. „Выгодное предпріятіе“ было поставлено 24 октября 1877 г., а 17-го февраля 1878 г. М. Г. Савина выступила Эмиліей Галотти въ извѣстной трагедіи Лессинга того же названія и... провалилась вмѣстѣ съ пьесой.

„Провалилась вмѣстѣ съ пьесой“ ея собственныя слова. Она сказала мнѣ ихъ какъ-то во время разговора о первыхъ годахъ ея службы на Императорской сценѣ.

— Однако, чѣмъ же объясняется такой невѣроятный двойной провалъ? поинтересовался я.

— Критика нашла пьесу скучной, отвѣчала М. Г. Савина, а что касается до меня лично, то, готовя эту роль, я еще разъ убѣдилась въ своей полной неспособности играть идеально - отвлеченные типы, имѣющіе очень мало общаго съ настоящею реальною жизнью. Помню, когда мнѣ пришлось играть въ Казани „Коварство и любовь“, я никакъ не могла найти настоящаго тона для фразы Луизы: „ты зажегъ пожаръ въ моемъ неопытномъ сердцѣ и этому пожару не угаснуть никогда“. Тогда я учила роль Луизы и плакала. Теперь, конечно, не то: какъ опытная актриса, я могу *сдѣлать* такую роль, но все-таки она останется мнѣ совершенно чуждой, совершенно непонятной.

Вотъ почему я нашелъ характеристику М. Г. Савиной, какъ артистки „реально-талантливой“, въ высшей степени мѣткой и вѣрной.

Однако, продолжаю. **1878 годъ,** о которомъ я уже началъ говорить, выдѣлился въ артистической карьерѣ М. Г. Савиной тѣмъ, что въ этомъ году у нея было два бенефиса: первый 11 января и второй 17 мая. Второй бенефисъ былъ данъ г-жѣ Савиной для полученія возможности поѣхать заграницу поправить свое разстроенное здоровье.

Очень хорошую оцѣнку поступка барона Кистера, тогдашняго директора Императорскихъ театровъ, давшаго М. Г. Савиной бенефисъ лѣтомъ, дѣлаетъ г. „Р—цы С—во Т—до“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (20 мая 1878 г., № 137).

Онъ говоритъ такъ:

„Въ среду, 17-го мая, на сценѣ Александринскаго театра состоялся „прощальный“, въ нѣкоторомъ смыслѣ, бенефисъ нашей премьерши и по заслугамъ любимой драматической артистки М. Г. Савиной. Крайне разстроенное здоровье и необходимость, по настоятельному требованію

врачей, серьезнаго и продолжительнаго леченія заграницей, вынудили г-жу Савину устроить въ настоящемъ театральномъ году, сверхъ условленнаго по контракту одного бенефиса,—еще другой, экстренный. Театральная администрація, вѣрная своему экономическому принципу, разрѣшила артисткѣ это торжество подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ бенефиціантка уплатила казнѣ полный сборъ, по обыкновеннымъ цѣнамъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ въ зрительномъ залѣ оказалось не болѣе сотни занятыхъ мѣстъ. Иначе говоря, г-жа Савина обязывалась изъ суммы денегъ, какую внесетъ публика за удовольствіе проститься съ ней, передъ отъѣздомъ заграницу на четырехмѣсячное леченіе, отдѣлить въ пользу дирекціи слишкомъ тысячу двѣсти рублей. Въ концѣ-концовъ, спектакль 17-го мая является настолько же бенефисомъ любимой артистки, насколько выгоднымъ „гешефтомъ“ и самой разсчетливой дирекціи“...

„Маруся“. 1878 г.

Высказавъ эти вполнѣ правильныя соображенія, г. „Р—цы С—во Т—до“ переходитъ къ самому бенефису:

„...Пріемъ, сдѣланный публикой г-жѣ Савиной, былъ восторженный; при появленіи ея, мы слѣдили по часамъ, ровно восемь минутъ не давали говорить; театръ дрожалъ отъ рукоплесканій и криковъ—браво; тѣ же овація и выраженія восторговъ продолжались всю пьесу, при безчисленныхъ вызовахъ за каждую сцену, за каждый актъ.

Послѣ „Семейныхъ разсчетовъ“ бенефиціантка явилась въ драматическомъ этюдѣ „Маруся“ (Le feu au couvent). Публика пришла въ ражъ по окончаніи пьесы; не довольствуясь вызовами, неумолкаемыми аплодисментами, длившимися добрые четверть часа, партеръ началъ махать шляпами, стучать ногами, раздались крики: „до свиданья, выздоравливайте, возвращайтесь скорѣе!“. Изъ всѣхъ ложъ зрители, не исключая дамъ, махали платками и „раекъ“ гудѣлъ гуломъ сочувствія. Овація—въ русскомъ театрѣ давно небывалая“.

Объ этомъ бенефисѣ появилась слѣдующая статья въ „Петербургской Газетѣ“ (19 мая 1878 г., № 97), подписанная „Молодой почитатель“:

„Въ среду состоялся бенефисъ г-жи Савиной. Какъ слышно, этотъ бенефисъ, если не совсѣмъ прощальный, то все-таки въ послѣдній разъ на нѣсколько лѣтъ далъ намъ полюбоваться балованной любимицей петербургской публики. Г-жа Савина соединяетъ въ своей игрѣ и драматизмъ Косицкой, и жизненную правдивость Васильевой, и граціозную нѣжность Самойловой... Если иногда и уступала она имъ въ ровности и пластикѣ, то своей мимикой превзошла ихъ всѣхъ... По мимикѣ она трудно досягаема...

Г-жа Савина играла роль Годовиковой и во всѣхъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ явленіяхъ была также безукоризненно хороша, какъ и слѣдовало ожидать, и какъ мы привыкли ее всегда видѣть. Сцена помѣшательства была исполнена съ художественностью, достойной лучшихъ моментовъ знаменитыхъ актрисъ. Она выдержала впродолженіи всего длиннаго періода времени страшную неподвижность, и придавала своему лицу ужасное выраженіе безумства.

Представить себѣ, какъ встрѣчали г-жу Савину, какіе страшные аплодисменты и крики летѣли со всѣхъ концовъ театра, рѣшительно невозможно. Это было что-то непостижимое. Такого неистовства, такого восторга не видывали, я думаю, и лучшіе вечера Большаго театра, во дни Маріо, Гризи или Бозіо. При первомъ-же поднятіи занавѣса, когда ей поднесли букетъ, г-жа Савина почти 10 минутъ не могла начать говорить: аплодировали и въ ложахъ, и въ партерѣ, и въ оркестрѣ, и даже на самой сценѣ. Г-жа Савина до того была тронута горячимъ пріемомъ, что слезы брызнули у нея изъ глазъ, и нѣсколько времени не могла она выговорить ни одного слова.

Послѣ „Маруси“ еще дольше и еще громче вызывали г-жу Савину. Да! и не даромъ достались ей эти рукоплесканія!“

„Петербургскій Листокъ“ (18 мая 1878 г. № 97) высказался о второмъ бенефисѣ г-жи Савиной въ рецензіи, подписанной „За театральнаго нигилиста ***“:

„Бенефисъ г-жи Савиной, состоявшійся вчера, привлекъ многочисленную публику. Театръ былъ набитъ биткомъ, сборъ достигъ 3500 руб., да на долю барышниковъ, вѣроятно, перепало рублей до 700; слѣдовательно, сборъ нужно считать въ 4200 руб., и бенефисъ г-жи Савиной былъ въ то же время и бенефисомъ барышниковъ. Пріемъ артисткѣ былъ самый восторженный. При началѣ пьесы, во время пріема, на сценѣ находилась г-жа Жулева, которая тоже начала аплодировать г-жѣ Савиной, и артистки бросились въ объятія другъ-другу. Само собою разумѣется, сцена эта подѣйствовала на публику и вновь воодушевила ее, хотя, безъ сомнѣнія, и безъ этого воодушевленія публика безъ конца принимала бы артистку, въ особенности по окончаніи драмы „Семейные расчеты“. Ее вызывали 19 разъ. Послѣ „Маруси“ мы уже не могли сосчитать число вызововъ. Подношеній, однако, кромѣ букетовъ и корзинъ, не было“.

Въ 1878 году М. Г. Савина сыграла 11 ролей:

57) „Женитьба Бѣлугина“, ком. Соловьева. Елена Кармина. (1-ый бенефисъ М. Г. Савиной).
58) „Эмилія Галотти“, трагед. Лессинга. Эмилія. (Бенефисъ Жулевой).
59) „Отецъ семейства“, др. Чернышева. Настасья Семенова. (Бенефисъ Петипа).
60) „Семейные расчеты“, ком. Куликова. Анна Петровна. (2-ой бенефисъ М. Г. Савиной).
61) „Маруся“, этюдъ Карнѣева. (2-ой бенефисъ М. Г. Савиной).
62) „Въ сторонѣ отъ большаго свѣта“, ком. Свѣденцова. Лидія. (Бенефисъ Зубова).
63) „Отъ радости не умираютъ“, ком. Карнѣева. Маня. (Бенефисъ Леонидова).
64) „Безприданница“, др. Островскаго. Лариса. (Бенефисъ Бурдина).
65) „Маіорша“, ком. И. Шпажинскаго. Ѳеня. (Бенефисъ Новикова).
66) „Старшій братъ“, ком. Ожье. Марія. (Бенефисъ Каратыгина).
67) „У запертой двери“, ком. Александрова. Александра Ивановна. (Бенефисъ Горбунова).

Заканчивая обозрѣніе этого года, нельзя не остановиться на тріумфѣ М. Г. Савиной въ „Маіоршѣ“—пьесѣ, которую она потомъ играла много лѣтъ подъ-рядъ.

А. И. Вольфъ въ своей „Театральной хроникѣ“ даетъ слѣдующій отзывъ о первомъ представленіи „Маіорши“:

„Роль Ѳени въ первомъ произведеніи И. В. Шпажинскаго „Маіорша“ была настоящимъ торжествомъ для Савиной; въ этой пьесѣ для нея былъ полный просторъ. Авторъ не придалъ Ѳенѣ никакого опредѣленнаго характера, а наоборотъ только эскизъ какого-то полудикаго существа, полнаго цинизма и эксцентричности, доведенныхъ почти до предѣловъ невозможнаго. Ясно, что артистка, исполняющая эту роль, не имѣетъ надобности очень заботиться о приданіи значенія каждому слову и обдумывать роль до самыхъ мелочныхъ подробностей, чтобы сдѣлать изъ нея что-нибудь цѣльное; достаточно ей воспользоваться нѣсколькими особенно выдающимися моментами. Такія роли вполнѣ съ руки Савиной; при ея пылкой, кипучей и страстной натурѣ, и склонности къ увлеченію, трудно, конечно, ставить себя въ опредѣленныя рамки и подчиняться во всемъ требованіямъ автора. Затѣмъ она мастерски умѣетъ распорядиться даннымъ ей матеріаломъ и извлечь изъ него то, что ей нужно для произведенія полнаго эффекта. Своимъ обширнымъ, хотя не сильнымъ голосомъ она владѣетъ какъ никто, и когда требуется, въ немъ слышны и слезы, и рыданія; оживленною мимикою и глазами полными огня она дополняетъ высказываемыя ею слова. Наэлектризованная публика приходитъ въ восторгъ и не справляется о томъ, такъ ли слѣдовало передать сцену и выдержанъ ли характеръ лица. Изъ театра зритель выноситъ сильное впечатлѣніе, не подвергая его анализу“.

Ѳеня. („Маіорша“. 1878 г.).

Благодаря прекрасной игрѣ М. Г. Савиной, „Маіорша“ прошла въ этомъ году 29 разъ.

1879 г. отмѣченъ крупнымъ событіемъ въ жизни М. Г. Савиной: она познакомилась съ И. С. Тургеневымъ.

Вѣрочка. („Мѣсяцъ въ деревнѣ“. 1879 г.).

Объ этомъ знакомствѣ г-жа Савина разсказываетъ такимъ образомъ въ журналѣ „Театръ и Искусство“ (1900 г., № 2):

„Въ 1879 году, затрудняясь въ выборѣ пьесы для бенефиса и отыскивая что нибудь „литературное“, я напала случайно на „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ Тургенева. Роль Вѣрочки, хотя и не центральная, мнѣ очень понравилась, но пьеса, въ томъ видѣ, какъ она напечатана, показалась скучна и длинна; тѣмъ не менѣе, я твердо рѣшила ее поставить. Необходимо было сдѣлать значительныя сокращенія, на что, конечно, потребовалось согласіе автора. Послалъ Ивану Сергѣевичу телеграмму въ Парижъ, я очень скоро получила отвѣтъ: „Согласенъ, но сожалѣю, такъ какъ пьеса писана не для сцены и не достойна вашего таланта“. О моемъ „талантѣ“ Тургеневъ не имѣлъ никакого понятія, и это была банальная любезность. Пьесу сыграли съ огромнымъ успѣхомъ; автора вызывали безъ конца, о чемъ я на другой день ему телеграфировала. Онъ отвѣчалъ: „Успѣхъ приписываю вашему прекрасному таланту и скоро надѣюсь лично поблагодарить васъ“. Скоро онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Россію и былъ встрѣченъ восторженно. За нѣсколько дней до его пріѣзда въ Петербургъ, ко мнѣ явился нѣкто Топоровъ (повѣренный по дѣламъ И. С.) и между разговоромъ спросилъ, намѣрена ли я поѣхать къ Ивану Сергѣевичу. Мнѣ почему-то не представлялось это возможнымъ, т. е. я просто не думала объ этомъ. Такъ, какъ нибудь въ театрѣ (вѣдь полюбопытствуетъ же онъ посмотрѣть свое произведеніе), при случаѣ... Но Топоровъ заявилъ, что это желаніе Ивана Сергѣевича, и предложилъ назначить часъ на второй день пріѣзда. По мѣрѣ приближенія этого часа мною овладѣло такое волненіе, что я рѣшила не ѣхать, и... бѣгомъ спустилась съ лѣстницы, крикнувъ кучеру: „въ Европейскую гостинницу!“ Какъ я тамъ поднималась, какъ мнѣ указали номеръ — не помню. Помню только, въ корридорѣ у самой двери я натолкнулась на Топорова и взглянула на него, какъ на ангела-хранителя. „Идите, идите!“ сказалъ онъ: „Иванъ Сергѣевичъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ“. Когда мы вошли, какой-то господинъ всталъ, прощаясь, а Иванъ Сергѣевичъ, протянувъ обѣ руки, направился ко мнѣ. Чѣмъ-то такимъ теплымъ, милымъ, роднымъ повѣяло отъ всей его богатырской фигуры. Это былъ такой симпатичный „дѣдушка“, что я сразу освоилась и, забывъ свой страхъ передъ „Тургеневымъ“, заговорила, какъ съ обыкновеннымъ смертнымъ. „Такъ вотъ вы какая молодая! Я представлялъ васъ себѣ совсѣмъ иною. Да вы и не похожи на актрису“.

...Послѣ третьяго дѣйствія (сцена Вѣрочки съ Натальей Петровной) Ив. С. пришелъ ко мнѣ въ уборную, взялъ за обѣ руки, подвелъ къ газовому рожку, пристально, какъ будто въ первый разъ видя меня, сталъ разсматривать мое лицо и сказалъ: „Вѣрочка... я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ!“ Я, чувствуя себя „Вѣрочкой“, т. е. семнадцатилѣтней дѣвочкой, услыхавъ такія слова, ничего не могла придумать умнѣе, какъ подскочить, обнять и крѣпко поцѣловать этого милаго, чуднаго автора.

...На другой день Ив. С. былъ у меня съ визитомъ; онъ все всматривался въ меня съ любопытствомъ и сказалъ между прочимъ, что манерою игры я напоминаю ему французскую актрису Декле, умершую отъ чахотки 24-хъ лѣтъ. Для нея была написана Фру-Фру. Черезъ нѣсколько дней Ив. С. уѣхалъ въ Москву, а по возвращеніи долженъ былъ участвовать въ литературномъ вечерѣ въ пользу литературнаго фонда. Я тоже приглашена была читать. Я не знала, что выбрать для чтенія и чрезвычайно волновалась, такъ какъ участвовали все литераторы съ Тургеневымъ и Достоевскимъ во главѣ. Вывели меня изъ затрудненія, предложивъ прочесть сцену изъ „Провинціалки“. Я пришла въ восторгъ отъ этой счастливой мысли, и отъ души поблагодарила его? Когда я объявила распорядителямъ Гаевскому, Вейнбергу и Гайдебурову мой выборъ, всѣ похвалили и вдругъ кто-то изъ нихъ спросилъ: „Вы будете читать съ авторомъ?“ Въ самомъ

Кондорова. („Нищіе духомъ“. 1879 г.).

дѣлѣ, съ кѣмъ же я буду читать сцену въ два лица? Мысль объ авторѣ не приходила мнѣ въ голову и совершенно ошеломила меня. Мнѣ показалось это страшной дерзостью, и почему-то я сразу убѣдилась, что Ив. С. не пожелаетъ. Распорядители взяли этотъ вопросъ на себя, и на афишѣ появилось: „Сцена изъ Провинціалки, сочиненіе И. С. Тургенева, прочтутъ М. Г. Савина и авторъ“. Появленіе Ив. С. въ первомъ отдѣленіи было встрѣчено овацією, и онъ долго не могъ начать читать. Читалъ онъ вообще плохо, а тутъ еще взволновался. Нашъ номеръ былъ во второмъ отдѣленіи. Поставили столъ съ двумя свѣчами, положили двѣ книги, придвинули два стула и... надо было выходить. Теперь, столько лѣтъ спустя, у меня сердце замираетъ при одномъ воспоминаніи, а что было тогда!.. Ив. С. взялъ меня за руку, П. И. Вейнбергъ скомандовалъ: „выходить“! за кулисами зааплодировали, публика подхватила, и я, оглушенная, дрожащая, вышла на сцену. Долго раскланивался И. С., наконецъ все затихло, и мы начали.—„На долго-ли вы въ наши края, ваше сіятельство?“ (этой фразой начинается сцена). Не успѣла я договорить, какъ раздался взрывъ апплодисментовъ. Ив. С. улыбнулся, мы выжидали, чтобы публика утихла, и онъ отвѣчалъ. Тишина была въ залѣ изумительная. Всѣ распорядители, т. е. литераторы и даже Достоевскій, участвовавшій въ этомъ вечерѣ, пошли слушать въ оркестръ. Я совершенно оправилась отъ волненья, постепенно вошла въ роль и, по мнѣнію Достоевскаго, прочла хорошо“.

Варя. („Дикарка“. 1879 г.).

Роли, сыгранныя М. Г. Савиной въ 1879 г., распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

68) „Горе злосчастье“, ком. Александрова. Марьюшка. (Бенефисъ Сазонова).

69) „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, ком. И. Тургенева. Вѣрочка. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

70) „Добрый баринъ“, ком. Островскаго. Дуня. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

71) „На порогѣ къ дѣлу“, ком. Н. Соловьева. Лонина. (Бенефисъ Нильскаго).

72) „Наканунѣ свадьбы“, ком. Юркевича. Людмила Александровна. (Бенефисъ Натарова).

73) „Маргарита Готье“, др. Дюма. Маргарита. (Бенефисъ Петипа).

74) „Въ золоченной клѣткѣ“, ком. Трофимова. Леночка. (Бенефисъ Алексѣева).

75) „Испорченная жизнь“, ком. И. Чернышева. Курчаева.

76) „Искорка“, ком. Пальерона. Саша. (Бенефисъ Струйской).

77) „Американка“, ком. Герцогиня. (Бенефисъ Малышева).

78) „Семья Жирцовыхъ“, ком. Манна. Лили. (Бенефисъ Марковецкаго).

Маргарита. („Дама съ камеліями“ 1879 г.).

79) „Нищіе духомъ“, др. Н. Потѣхина. Кондорова. (Бэнефисъ Зубова).

80) „Дикарка“, ком. Островскаго. Варя. (Бенефисъ Левкѣевой).

81) „Нашъ другъ Неклюжевъ“, ком. А. Пальма. Наташа. (Бенефисъ Новикова).

Перечисливъ роли, исполненныя въ 1879 году, я долженъ еще разъ вернуться къ тому „сумасшествію“ г-жи Савиной, о которомъ Кокленъ говорилъ Селинѣ Монталанъ. Болѣе рѣзкаго проявленія высокой талантливости, которую французскій артистъ, не знакомый съ дарованіемъ Маріи Гавріиловны назвалъ „сумасшествіемъ“, нельзя себѣ представить. 6-го апрѣля Марія Гавріиловна играетъ Маргариту Готье, а 12-го ноября Варю въ „Дикаркѣ“. Обѣ эти роли такъ рѣзко различны, требуютъ изображенія такихъ абсолютно непохожихъ другъ на друга фигуръ, что созданіе образа едва развившейся дѣвушки-ребенка послѣ типа „жрицы любви“ можетъ быть доступно только огромному, яркому дарованію.

Объ исполненіи М. Г. Савиной роли Маргариты Готье очень характерно отозвался Д. В. Аверкіевъ:

„Русскихъ „камелій“ нѣтъ; онѣ у насъ выписанный цвѣтокъ; понятно, что русская актриса, какъ бы она ни старалась, не передастъ сколько нибудь подходящихъ типическихъ чертъ „камелій“. Самый языкъ тому препятствуетъ. Пожалуй лучше, если артистка, какъ г-жа Савина, вовсе не станетъ думать объ этомъ. Можно почти положительно сказать, что въ двухъ первыхъ актахъ любая французская актриса будетъ выше самой лучшей русской. Въ антрактѣ совершается нравственное преобразованіе Маргариты. У г-жи Савиной преобразованія въ собственномъ смыслѣ мы не видимъ по причинѣ слабаго веденія двухъ первыхъ актовъ, но она съ большою увѣренностью и благородствомъ ведетъ сцену съ отцомъ и сцену прощанья съ Арманомъ. Четвертый актъ вообще лишній въ экономіи пьесы. Если бы, вслѣдъ за разлукою съ Арманомъ, увидали бы умирающую Маргариту, впечатлѣніе получилось бы болѣе цѣльное, болѣе высокое. Что же касается пятаго акта, то г-жа Савина въ немъ само совершенство. Она гримирована прекрасно, съ совершенною вѣрностью дѣйствительности и безъ всякой рѣзкости. Передъ вами добрая, простая дѣвушка, съ которой спало все дурное прошлое. Доброта Маргариты въ исполненіи г-жи Савиной—ея врожденная черта, исполнительница ни мало не старается выставлять ее на показъ, ни разу не подчеркиваетъ. Удивительно она передаетъ также тоску и легковѣрную беззаботность трудно больныхъ и наконецъ самый моментъ смерти, всегда внезапный и безболѣзненный. Все это вѣрно, похоже на дѣйствительность и представляетъ полную иллюзію“.

Говорить объ удивительномъ исполненіи М. Г. Савиной Вари въ „Дикаркѣ“ я думаю нечего: оно слишкомъ хорошо извѣстно громадному большинству театральной публики.

Въ **1880 году** Императорскіе драматическіе артисты сыграли 27 новыхъ пьесъ, изъ которыхъ М. Г. Савина участвовала въ 13-ти:

Липочка. („Свои люди сочтемся“ 1880 г.).

„Много шума изъ ничего“, комедія Шекспира, имѣвшая громадный успѣхъ въ Москвѣ“, пишетъ въ своей „Театральной хроникѣ“ А. И. Вольфъ (стр. 73), „дана была въ бенефисъ Савиной и, сказать по правдѣ, прошла весьма вяло. У бенефиціантки личность Беатриче вышла довольно блѣдною...“

82) „Много шуму изъ ничего“, ком. В. Шекспира. Беатриче. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

83) „Свои люди сочтемся“, ком. Островскаго. Липочка. (Бенефисъ Горбунова).

84) „Очертя голову“, сцены А. Пальма. Елизавета Андреевна. (Бенефисъ Нильскаго).

85) Ни роду — ни племени“, ком. Ростислава. Александра Ивановна. (Бенефисъ Жулевой).

86) „Путешественникъ и путешественница“, ком. Пут—ца. (Бенефисъ Петипа).

87) „Фофанъ“, ком. Шпажинскаго. Левшина. (Бенефисъ Струйской).

88) „Не люби двухъ разомъ“, ком. Танѣева. Сапожкова.

89) „Жизнь прожить“, ком. Фелье. Маргарита. (Бенефисъ Марковецкаго).

90) „Радуга первой любви“, ком. кн. Урусова. Селецкая. (Бенефисъ Зубова).

91) „Виновна, но заслуживаетъ снисхожденія“, ком. Карнѣева. Сомова. (Бенефисъ Леонидова).

92) „Сидоркино дѣло“, ком. Д. Аверкіева. Лиза. (Бенефисъ Левкѣевой 1-ой).

93) „Свѣтитъ да не грѣетъ“, ком. Островскаго. Оля. (Бенефисъ Бурдина).

94) „Господа избиратели“, ком. А. Пальма. Анна. (Бенефисъ Новикова).

Лиза. („Сидоркино дѣло“ 1880 г.).

Съ бенефисной ролью въ этомъ году М. Г. Савиной не повезло: Беатриче ей не удалась:

Во всѣхъ другихъ роляхъ, сыгранныхъ въ томъ же году, М. Г. Савина заслужила по прежнему всеобщее одобреніе и тотъ же А. И. Вольфъ пишетъ, что въ комедіи Д. Аверкіева „Сидоркино дѣло“ Савина прелестно исполнила роль „худощавой Лизы“.

Для того, чтобы доказать, какъ единодушно цѣнила вся петербургская театральная критика высокое дарованіе М. Г. Савиной, я приведу отзывы о ея бенефисѣ въ 1881 году тѣхъ петербургскихъ газетъ, которыя еще ни разу не цитировались мною.

„Сидоркино дѣло“.

Оля. („Свѣтитъ да не грѣетъ“ 1880 г.).

Бенефисъ М. Г. Савиной праздновался 9-го февраля и состоялъ изъ двухъ пьесъ: комедіи М. Чайковскаго „Благодѣтель“ и комедіи Карнѣева „Сердечная канитель“.

Вотъ что пишетъ объ этомъ спектаклѣ газета „Улей“ (11-го февраля 1881 г., № 30):

„Уже второй годъ г-жа Савина пользуется для своихъ бенефисовъ сценою Маріинскаго театра. Это обстоятельство, конечно, приноситъ пользу, какъ дирекціи, такъ и бенефиціанткѣ, такъ какъ въ эти дни театръ бываетъ переполненъ публикой. Еще за нѣсколько дней до спектакля желающіе присутствовать при торжествѣ примадонны русской драмы напрасно спѣшатъ въ кассу—кассиръ еле успѣваетъ отвѣчать: „билеты всѣ проданы“. Нечего, слѣдовательно, и говорить, что 9-го февраля Маріинскій театръ представилъ собою то радостное зрѣлище, которое приводитъ бенефиціанта въ восторгъ. Всѣ мѣста были заняты и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали появленія на сценѣ своей любимицы. Послѣ увертюры изъ оперы „Страделла“, исполненной оркестромъ, въ $8^1/_2$ часовъ поднялся занавѣсъ. На сценѣ балъ. Изъ среднихъ дверей выходятъ гости: маменьки, барышни, молодыя дамы, офицеры, кавалеры, княгини, господинъ въ очкахъ, баронъ Торфъ, важное должностное лицо, два студента медико-хирургической академіи, хозяинъ дома Иванъ Ѳедоровичъ Миллеръ, его воспитанница — дальняя родственница — молодая дѣвушка Настя и проч., и проч. Но вотъ за сценой слышатся апплодисменты, которые постепенно возрастаютъ. Входитъ виновница торжества, г-жа Савина, въ роли дочери Миллера, 19-лѣтней дѣвушки Сони, окруженная офицерами и статскими. Присутствующіе на сценѣ начинаютъ тоже апплодировать и затѣмъ весь театръ разражается неудержимыми рукоплесканіями, продолжавшимися болѣе пяти минутъ. Цѣлая туча вѣнковъ и букетовъ летитъ на сцену; изъ оркестра подаютъ букетъ за букетомъ, корзину за корзиной, подарокъ за подаркомъ. Бенефиціантка еле успѣваетъ принимать. Сцена буквально вся завалена цвѣтами, крики и апплодисменты обращаются въ одинъ общій гулъ, то ослабѣвающій, то вновь усиливающійся — безконечный, не дающій возможности продолжать пьесу!“

„Свѣтитъ да не грѣетъ“

Въ газетѣ „Минута“ г. И. Б. начинаетъ свою статью о бенефисѣ М. Г. Савиной такимъ образомъ:

„Горячая любовь публики къ М. Г. Савиной — фактъ, который и слѣпому очевиденъ. Достаточно имѣть одни уши, чтобы слышать оглушительный громъ рукоплесканій всякій разъ, какъ артистка выходитъ на сцену. Въ день же бенефиса эти рукоплесканія — вы можете себѣ представить, что это такое? Александръ

Марья Антоновна („Ревизоръ“ 1881 г.).

Македонскій—герой, стулья трещатъ, и ко всему этому, изъ ложъ летятъ цѣлыя тучи букетовъ, цвѣтовъ, вѣнковъ...

Это какое-то боготвореніе публикою артистки.

Передъ такими овaціями смиряется всякій скептицизмъ, потому что восторгамъ публики искреннимъ, а не подогрѣтымъ, нельзя не придавать значенія“.

Въ газетѣ „Молва“ (11-го февраля 1881 г., № 42), въ рецензіи, подписанной буквами А. П., я нашелъ, между прочимъ, слѣдующее:

„У г-жи Савиной были превосходные моменты. Одинъ въ ссобенности, когда она узнаетъ о гнусномъ поступкѣ своего отца, вызвалъ у всѣхъ, кто способенъ понимать и цѣнить правду въ игрѣ, крики единодушнаго восторга. Это восклицаніе: „Ужасъ! позоръ!“ и жестъ, сопровождавшій его, вышли у ней безподобны. Мимика артистки была также поразительно хороша.

Г-жа Савина произвела рѣшительный фуроръ въ пьескѣ „Сердечная канитель“, гдѣ авторъ, такъ сказать, сконцентрировалъ весь репертуаръ „наивностей“, разсѣянныхъ въ разныхъ роляхъ водевильныхъ ingénues, и гдѣ, слѣдовательно, г-жѣ Савиной представлялась полная возможность выказать въ полномъ блескѣ свою неподражаемую способность къ этому амплуа“.

Въ **1881 году** М. Г. Савина выступила въ слѣдующихъ пьесахъ:

95) „Шалость“, ком. В. Крылова. Липа. (Бенефисъ Сазонова).

96) „Блажь“, ком. Островскаго и Невѣжина. Настя. (Бенефисъ Горбунова).

97) „Ревизоръ“, ком. Н. Гоголя. Марья Антоновна. (Бенефисъ Нильскаго).

98) „Горе отъ ума“, ком. А. Грибоѣдова. Кн. Тугоуховская 1-ая. (Юбилейный спектакль).

99) „Благодѣтель“, ком. М. Чайковскаго. Софья Ивановна. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

100) „Сердечная канитель“, ком. Карнѣева. Лёля. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

101) „Вакантное мѣсто“, комедія А. Потѣхина. Кенькина. (Бенефисъ Жулевой).

102) „Прославились“, ком. Н. Соловьева. Любочка. (Бенефисъ Варламова).

103) „Въ забытой усадьбѣ“, ком. И. Шпажинскаго. Таня. (Бенефисъ Зубова).

104) „Медовый мѣсяцъ“, ком. Н. Соловьева. Саша. (Бенефисъ Нильскаго).

105) „Правые и виноватые“, ком. Трофимова. Фрося.

106) „Кассиръ“, пьеса С. Худекова. Мэри. (Бенефисъ Бурдина).

Въ **1882 году** М. Г. Савина была больна и играла мало, всего въ 8-ми пьесахъ:

107) „Городъ упраздняется“, ком. Александрова и Случевскаго. Вѣра.

108) „Таланты и поклонники“, ком. Островскаго. Нѣгина. (Бенефисъ Стрѣльской за 25 лѣтъ).

109) „Холостякъ“, ком. И. Тургенева. Бѣлоногова.

110) „Помѣшанная“, ком. Н. Павлова. Княгиня. (Бенефисъ Петипа).

111) „Листья шелестятъ“, ком. кн. А. Сумбатова. Варя.

112) „Плата тою-же монетою“, ком. Шталя. Просьбина. (Бенефисъ Шталя за 25 лѣтъ).

„Ревизоръ“.

113) „Недоросль“, ком. Фонвизина. Софья. (Юбилейный спектакль 1782—1882 гг.).

114) „Не ко двору“, ком. В. Крылова. Муранова.

Софья („Недоросль“ 1882 г.)

М. Г. Савиной принадлежитъ честь постановки на Императорской сценѣ и второй пьесы И. С. Тургенева „Холостякъ“: она настояла, чтобы эта комедія была поставлена въ спектакль въ пользу Литературнаго фонда.

По поводу постановки въ Петербургѣ „Холостяка“, какъ извѣстно, имѣются два письма И. С. Тургенева, въ которыхъ онъ, между прочимъ, высказываетъ свои взгляды на М. Г. Савину.

Въ первомъ письмѣ къ Д. В. Григоровичу Тургеневъ пишетъ слѣдующее:

„Любезнѣйшій Григоровичъ, такой вы хорошій другъ и милый человѣкъ! Я и такъ былъ у васъ въ долгу за большое письмо, а теперь вы мнѣ другое—на другой день послѣ представленія моего плохого „Холостяка“, въ которомъ Давыдовъ повидимому сравнялся съ незабвеннымъ Мартыновымъ, создавши подобно ему, живой и трогательный типъ изъ едва намѣченнаго лица Мошкина. Сегодня-же я по вашему совѣту, написалъ ему письмо и очень былъ радъ это сдѣлать. Мнѣ очень пріятно, что я далъ ему случай выказать свое дарованіе и утвердить за собою первое мѣсто на сценѣ. Я написалъ также Маріи Гавриловнѣ Савиной, которая, настоявъ, чтобъ дали „Холостяка“, въ которомъ ей собственно нечего дѣлать и весь успѣхъ долженъ былъ выпасть на долю товарища, показала себя въ очень плѣнительномъ свѣтѣ. Это добрая и широкая душа. Мнѣ жаль очень, что она такъ больна. Ей бы надо хорошенько полечиться, но она скучаетъ вдали отъ сцены“.

Второе письмо—къ В. Н. Давыдову.

„Милостивый государь Владиміръ Николаевичъ, позвольте мнѣ, какъ автору, присоединить мои поздравленія ко всѣмъ тѣмъ, которыя вы получили по поводу блистательнаго вашего успѣха въ роли „Холостяка“. Я никогда не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, но я помню, что два года тому назадъ М. Г. Савина, въ тонкій и вѣрный вкусъ которой я вполнѣ вѣрю, говорила мнѣ о васъ, какъ о молодомъ артистѣ, которому суждено до сихъ поръ незамѣненное мѣсто славнаго нашего Мартынова, прибавляя къ тому, что она употребитъ все свое вліяніе, чтобъ васъ пригласили на петербургскую сцену. По всему видно, что ея предсказанія сбылись—и я очень радъ, что моя слабая піеса дала вамъ случай утвердиться въ мнѣніи публики, любимцемъ которой вы стали. Отъ всей души желаю вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ, и не сомнѣваюсь, что вы ихъ достигнете“.

Случайно, рядомъ съ этими лестными отзывами о М. Г. Савиной И. С. Тургенева можно поставить отзывы о ней и другого такого-же великаго русскаго писателя, А. Н. Островскаго.

Дѣло въ томъ, что 1883 годъ начался для М. Г. Савиной ролью Окоемовой въ новой комедіи Островскаго „Красавецъ мужчина“, поставленной въ бенефисъ Бурдина.

По поводу постановки этой комедіи А. Н. Островскій велъ съ Бурдинымъ оживленную переписку, которая была напечатана въ журналѣ „Артистъ“ за 1892 г.

Въ мартовскомъ номерѣ „Артиста“ я нашелъ въ письмахъ Островскаго къ Бурдину слѣдующее:

Щелыково, 10 сентября 1881 г.

... У меня пьеса выходитъ очень эффектная, съ богатою ролью для Савиной.

Москва, 17 декабря 1882 г.

... Я узналъ, что противъ моей пьесы ведется интрига, (я тебѣ объ этомъ послѣ напишу), хотятъ окончательно добить меня. Я желалъ-бы, чтобы роль Окоемова игралъ Ленскій, Сусанны—Савина, Лотохина—Варламовъ, Олешунина—Сазоновъ.

Москва, 26 декабря 1882 г.

Скажи Савиной, что слово „красавецъ“ надо произнести съ горькимъ упрекомъ, какъ говорятъ: „эхъ, совѣсть, совѣсть!“. Но тутъ есть оттѣнокъ въ тонѣ; въ упрекѣ посторонняго человѣка выражается, по большей части, полное презрѣніе, а въ упрекѣ близкаго, напр., брата, мужа, любовника,—больше горечи, а иногда даже и горя, чѣмъ презрѣнія. Такъ и въ словѣ „красавецъ“ должны слышаться вмѣстѣ съ презрѣніемъ и горечь разочарованія (т. е. досада на себя), и горе о потерянномъ счастьи. Какъ все это совмѣстить—это уже предоставляется уму и таланту артистки: у Маріи Гавриловны и того, и другаго довольно“.

Я думаю, что эти отзывы о М. Г. Савиной Тургенева и Островскаго можно назвать вѣнцомъ славы высокодаровитой артистки!

Кромѣ Окоемовой, (115) М. Г. Савина выступала въ **1883 г.** еще въ 10 роляхъ:

Христина („О время!“ 1883 г.).

116) „Трогирскій воевода“, траг. Д. Аверкіева. Зорица. (Бенефисъ Варламова).

117) „Общество поощренія скуки“, ком. В. Крылова. Люба. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

118) „Дядька въ затруднительномъ положеніи“, ком. Гоголя-Гольдони. Джильда. (Бенефисъ Нильскаго за 25 лѣтъ).

119) „На хуторѣ“, ком. П. Гнѣдича. Соня. (Бенефисъ Сазонова).

120) „Супружеское счастье“.

121) „Ликвидація“, ком. Н. Соловьева. Катя.

122) „Старые счеты“, ком. П. Боборыкина. Лубцова. (Бенефисъ Петипа).

123) „О, время!“, ком. Екатерины II-й. Христина. (100-лѣтній юбилей Большаго театра).

124) „Старое по новому“, ком. П. Невѣжина. Наташа.

125) „Братья Ранцау“, ком. Шатріана. Луиза.

Въ **1884 году** М. Г. Савина выступила въ первый разъ 9-го февраля въ свой бенефисъ, сыгравъ Нору Ибсена.

Спектакль происходилъ въ Большомъ театрѣ и о немъ помѣщенъ слѣдующій отзывъ въ „Петербургскомъ Листкѣ“ (9-го февраля 1884 г., № 40):

„Вчерашній бенефисъ г-жи Савиной привлекъ въ Большой театръ блестящую и многочисленную публику, въ избыткѣ наполнившую театръ. Талантливую артистку встрѣтили единодушными и долго несмолкавшими рукоплесканіями. Кромѣ нѣсколькихъ роскошныхъ корзинъ и вѣнковъ изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, бенефиціанткѣ были поданы драгоцѣнные подарки: полный туалетный серебряный приборъ въ громадномъ ящикѣ, брилліантовое колье, великолѣпная брилліантовая брошь и браслетъ въ формѣ подковы, усыпанный брилліантами-же, отъ „поклонниковъ“ артистки, и наконецъ, отъ „кружка любителей сценическаго искусства“ прелестная ваза съ изящными фарфоровыми цвѣтами на серебряномъ фигурномъ пьедесталѣ замѣчательной работы. Въ антрактахъ между дѣйствіями г-жу Савину вызывали безчисленное множество разъ.

Что касается самого спектакля, то представленная въ немъ въ первый разъ драма „Нора“, Генриха Ибсена, переведенная съ норвежскаго г. П. Вейнбергомъ, успѣха не имѣла. Это скучная и крайне наивная вещь, растянутая на три длиннѣйшихъ дѣйствія“.

Кромѣ „Норы“ (126) М. Г. Савина участвовала въ этомъ году еще въ 9-ти пьесахъ:

127) „Бѣдность не порокъ“, ком. Островскаго. Любовь Гордѣевна.

128) „Сказка про бѣлаго бычка“, ком. Федотова. Рожнова.

129) „Въ родственныхъ объятіяхъ“ ком. Лихачева. Изгаева.

130) „Отъ бездѣлья“, ком. С. Худекова. Маня.

131) „Надо разводиться“, ком. В. Крылова. Шубина.

132) „Не въ деньгахъ счастье“, ком. Чернышева. Маша. Бенефисъ Арди.

133) „Докторъ Мошковъ“, ком. П. Боборыкина. Маня.

134) „Чародѣйка“, др. И. Шпажинскаго. Кума—Настасья.

135) „Мужъ знаменитости“, ком. кн. Сумбатова. Нина.

Настасья („Чародѣйка“ 1884 г.).

Послѣ выхода г-жи Савиной въ комедіи „Надо разводиться“, въ Михайловскомъ театрѣ выступила въ „Divorçons“ Алисъ Лоди. Въ рецензіи объ этомъ второмъ спектаклѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ дѣлаютъ очень интересное сравненіе игры обѣихъ артистокъ.

Вотъ оно:

„...Для примѣра можно привести хотя сцену 2-го акта, въ которой Сипріенна, женщина совсѣмъ еще молодая, взбалмошная, какъ ребенокъ, и какъ ребенокъ же неопытная въ житейскихъ дѣлахъ, повѣряетъ бывшему своему мужу интимныя подробности безобидныхъ въ сущности отношеній своихъ къ влюбленному въ нее „кузену“. Г-жа Савина испещряетъ этотъ разсказъ очаровательными оттѣнками граціозной женственности, которые въ состояніи придать своей игрѣ только истинный талантъ, тогда какъ у г-жи Лоди онъ выходитъ совсѣмъ безцвѣтнымъ и ничего не выражающимъ. Вообще, игра французской артистки водевильна и безсодержательна. Наиболѣе удачными въ ней слѣдуетъ признать мѣста, требующія отъ исполнительницы внѣшней, чисто-французской живости (такъ, въ третьемъ актѣ, въ „cabinet particulier“, артистка очень бойка и мила), но и тамъ эффекту исполненія вредитъ отчасти чрезмѣрная крикливость, неразлучная съ жидкостью горловаго по тембру голоса артистки. Словомъ, параллель между г-жами Лоди и Савиною невольно приводитъ на память избитое сравненіе страза съ брилліантомъ чистѣйшей воды, и потому безусловно оказывается въ пользу русской премьерши“.

9-го апрѣля 1884 г. исполнилось 10 лѣтъ пребыванія М. Г. Савиной на Императорской сценѣ. Этотъ фактъ отмѣтили почти всѣ газеты, но интереснѣе дру-

гихъ отозвались: „Коломенскій кандидъ“ (В. О. Михневичъ) въ „Новостяхъ“ и А. А. Плещеевъ въ „Театральномъ міркѣ“.

„Коломенскій кандидъ“ („Новости“, 8 апрѣля 1884 г., № 94) выразился такъ:

„Чародѣйка“.

„Первый дебютъ Марьи Гавриловны на казенной сценѣ имѣлъ мѣсто 9-го апрѣля 1874 года, т. е., завтра исполнится этому ровно десять лѣтъ. Въ настоящее время ею заключенъ контрактъ съ дирекціей за 12.000 р. въ годъ, съ правомъ пользоваться отдыхомъ съ перваго дня великаго поста по 1-ое октября, т. е., значитъ, играть она будетъ не болѣе четырехъ, пяти мѣсяцевъ въ годъ... Преимущество очень значительное, жалованье, само по себѣ, огромное, но и то и другое вполнѣ заслуженныя. Въ теченіе своей десятилѣтней службы на казенной сценѣ, Марья Гавриловна безспорно сдѣлала въ ея пользу, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, столько, сколько не успѣли-бы сдѣлать десятки ординарныхъ актрисъ въ теченіе, пожалуй, цѣлой сотни лѣтъ. Ея артистическая заслуга является тѣмъ болѣе яркой и важной, что періодъ расцвѣта ея прекраснаго таланта, по несчастью, совпалъ съ періодомъ оскудѣнія и упадка нашего драматическаго творчества. И, несмотря на это, она все-таки съумѣла создать нѣсколько такихъ прелестныхъ, художественно-тонкихъ женскихъ типовъ, каковы, напр., ея роли въ „По духовному завѣщанію“, „Виноватой“, „Марусѣ“, „Злобѣ дня“, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, „Ревизорѣ“, и пр., которыя, конечно, никогда не забудутся видѣвшми ее въ этихъ пьесахъ и исполненіемъ которыхъ она золотыми буквами навѣки вписала свое имя въ исторію русскаго театра, наряду съ славнѣйшими его дѣятелями!..“

А. А. Плещеевъ помѣстилъ въ „Театральномъ міркѣ“ (9-го апрѣля 1884 г. (№ 15) слѣдующее свое стихотвореніе:

М. Г. Савиной.

Родную сцену украшая,
Вашъ симпатическій талантъ, —
Артистка всѣмъ намъ дорогая, —
Блеститъ, какъ рѣдкій брилліантъ.
Вамъ небо чудный даръ послало
Сердца восторгомъ волновать,
И въ нихъ стремленья къ идеалу
Добра и правды пробуждать.
Какъ много образовъ прекрасныхъ,
То дѣтски-рѣзвыхъ и живыхъ,
То полныхъ кротости, то страстныхъ,
Вы создавали намъ; и ихъ
Хранимъ мы въ сердцѣ; и едва-ли
Когда забудемъ, какъ порой,
То смѣхъ, то слезы вызывали
Вы вдохновенною игрой.
Такъ пусть театръ Вамъ рукоплещетъ,
Еще несмѣтные года, —
И пусть все ярче, ярче блещетъ
Таланта Вашего звѣзда.

1885 г. выдѣлился въ сценической карьерѣ М. Г. Савиной только постановкой „Вечера въ Сорренто“ И. С. Тургенева. Эта граціозная пьеса нашего незабвеннаго писателя шла въ бенефисъ М. Г. Савиной 18 января вмѣстѣ съ комедіей „Анюта“. Къ „Анютѣ“ театральная критика отнеслась холодно, а за „Вечеръ въ Сорренто“ М. Г. Савину осыпали градомъ похвалъ.

„По духовному завѣщанію“.

Критикъ „Петербургской Газеты“ (20 января 1885 г., № 19), подписавшійся Нов... нашелъ у г-жи Савиной „прелестный образъ, полный красоты и граціи“. „Петербургскій Листокъ“ (20 января 1885 г., № 18) пишетъ:

Театральное зало въ бенефисъ безподобной артистки было переполнено, и спектакль привлекъ самую избранную публику. Г-жѣ Савиной передано было въ теченіи вечера, кромѣ букета изъ ландышей и другихъ цвѣточныхъ подношеній, нѣсколько цѣнныхъ подарковъ: стрѣла изъ брилліантовъ и изумрудовъ, вѣеръ, браслетъ и проч.“

Ничего большаго объ этомъ годѣ сказать нельзя. Да играла въ немъ М. Г. Савина немного—всего въ 8-ми пьесахъ:

136) „Анюта“, ком. Корвинъ-Круковскаго и Татищева. Анюта. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
137) „Вечеръ въ Сорренто“, ком. И. Тургенева. Вдова Елецкая. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
138) „Грѣшница“, ком. Пальма. Алекнева.
139) „Баловень“, ком. В. Крылова. Таня.
140) „Рубль“, ком. Ѳедотова. Вѣра Жукова. (Бенефисъ Стрѣльской).
141) „Простая исторія“, ком. И. Шпажинскаго. Вѣра Дмиріевна.
142) „Байбакъ“, ком. Тихонова. Наташа.
143) „Разрывъ“, ком. Н. Соловьева. Лиза.

Въ **1886 году** въ Александринскомъ театрѣ возобновили двѣ пьесы: „Маіоршу“ и „Блуждающіе огни“.

По поводу возобновленія „Маіорши“ были напечатаны слѣдующія строки въ „Гражданинѣ“:

„Въ русскомъ театрѣ начался новый періодъ: то была печальная Безсавинщина, а теперь торжествующая эпоха Савинщины... Каждый день на афишѣ мѣнялись: „Тетенька“ и „Маіорша“, и обѣ пьесы доказали, какъ велико обожаніе публики къ своей любимицѣ: „Тетенька“, пьеса буквально ничтожная по содержанію; не будь игры Сазонова и Савиной,—нечего было-бы и смотрѣть, а между тѣмъ она идетъ, эта пьеса идетъ—и все полный сборъ, полный сборъ; „Маіорша“ давалась лѣтъ шесть назадъ 50 разъ! а теперь она встрѣчена съ энтузіазмомъ, и каждое представленіе „Маіорши“, это новые лавры въ вѣнцѣ г-жи Савиной. Правда и то, что она въ обѣихъ пьесахъ играетъ идеально хорошо; но все-же фактъ таковъ: публика приходитъ въ сѣни театра, и спрашиваетъ у сторожа: „Савина играетъ?“ Если скажетъ сторожъ: „Играетъ“,—публика идетъ къ кассѣ и беретъ билеты, не спрашивая даже,—что идетъ; если отвѣтъ сторожа; „Нѣтъ“,—пуб-

лика уходитъ, и театръ къ вечеру на половину пустъ. Даже вчера, когда давали, послѣ долгаго перерыва, прекрасную пьесу Аверкіева „Фролъ Скобѣевъ“, въ великолѣпной новой обстановкѣ, и то далеко было до полнаго сбора, и г-жа Савина, сидя въ ложѣ, и глядя на пустой театръ 1-го яруса, могла лишній разъ сказать: Александринскій театръ—это я!“

Въ „Блуждающихъ огняхъ“ М. Г. Савина выступила 2-го декабря (второй дебютъ г-на Максимова). Ея исполненіе Елены Моревой вызвало въ „Петербургской Газетѣ“ (4-го декабря 1886 г., № 333) рецензію „Стараго театрала“, которую я не могу назвать иначе, какъ восторженной.

Вотъ эта рецензія полностью по отношенію къ М. Г. Савиной:

„Роль Елены Моревой г-жа Савина никогда прежде „на казенной сценѣ“ не исполняла, но тѣмъ не менѣе, это была первая роль, которою артистка завоевала себѣ сразу симпатіи петербургской публики. До появленія своего на Александринскомъ театрѣ г-жа Савина—какъ извѣстно—играла на клубной сценѣ благороднаго собранія, гдѣ публика и познакомилась впервые съ ея дарованіемъ. Тамъ-то она и появилась въ этой роли, считавшейся одной изъ „коронныхъ“, говоря театральнымъ жаргономъ, въ ея репертуарѣ. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Г-жа Савина успѣла создать много новыхъ блестящихъ ролей и сдѣлалась любимицей петербургской публики... но сколько она ни дарила намъ прекрасныхъ минутъ своей художественной игрой въ другихъ пьесахъ, мы не могли забыть впечатлѣнія, оставленнаго въ насъ ея исполненіемъ роли Елены въ „Блуждающихъ огняхъ“, и всегда сожалѣли, что она не являлась уже въ ней больше. Впослѣдствіи роль эту играла покойная сестра артистки—г-жа Стремлянова, которая также была въ ней очень хороша и имѣла значительный успѣхъ,—но однако-же далеко не выдерживала сравненія съ М. Г. Савиной. Вѣроятно, воспоминаніе объ этихъ первыхъ успѣхахъ своихъ въ Петербургѣ, которое не могло не быть дорого даровитой артисткѣ, особенно настроило ее и она играла вчера такъ, что мы положительно не находимъ словъ для выраженія того глубокаго эстетическаго наслажденія, которое намъ довелось испытать въ этотъ вечеръ. Столько правды, поэзіи внесла она въ свое исполненіе, что всецѣло овладѣвала вашимъ вниманіемъ, вашими чувствами и что все остальное стушевывалось и отходило на задній планъ. Трогательный образъ кроткой любящей несчастной Лели — извлекалъ изъ глазъ невольныя слезы и врѣзывался неизгладимыми чертами въ вашу память. Даже люди, далеко не принадлежащіе къ почитателямъ таланта г-жи Савиной, сознавались, что она была безподобна. Замѣчательная мимика артистки нигдѣ, можетъ быть, не проявлялась съ такимъ блескомъ, какъ здѣсь. Какое при этомъ изящество, какая грація движеній, какая естественность и правда жеста... Г-жѣ Савиной всегда наиболѣе удавался типъ кроткой, покорной, самотверженной женщины; и роль Лели, подходящая болѣе чѣмъ какая-либо другая къ ея физическимъ даннымъ, въ то же время совершенно соотвѣтствуетъ свойствамъ ея таланта, ея драматическому темпераменту... словно она для нея создана... Въ третьемъ и четвертомъ актѣ выдавались у ней такія фразы, отъ которыхъ у васъ перевертывалось сердце... Въ первомъ актѣ—гдѣ Леля является наивной, рѣзвой дѣвочкой, съ первыми проблесками зарождающейся любви—надо было только удивляться, что время не наложило своей печати на высокоталантливую артистку, и что она была также обаятельна, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ! Какъ не пожалѣть, что этотъ прекрасный талантъ тратится то и дѣло на мелочи, на такія вещи, надъ которыми не стоитъ ни думать, ни трудиться, и которыя пагубно отражаются на артисткахъ, заставляя ихъ отвыкать отъ серьезной работы... Г-жу Савину, можетъ быть не совсѣмъ безосновательно, упрекали въ небрежномъ отношеніи къ нѣкоторымъ ролямъ, являющемся именно вслѣдствіе этой отвычки... Но роль Лели снова доказала намъ, что когда г-жа Савина „захочетъ“ — она можетъ быть „властительницей сердецъ“.

Въ томъ-же 1886 году праздновался пятидесятилѣтній юбилей перваго представленія „Ревизора“. Празднество заняло три дня и дало поводъ А. С. Суворину написать въ „Новомъ Времени“ нѣсколько статей, озаглавленныхъ „Гоголевскіе дни“. Во II-ой изъ этихъ статей („Новое Время“, 25-го апрѣля 1886 г., № 3646) г. Суворинъ, разбирая игру исполнителей „Ревизора“, замѣчаетъ: „объ игрѣ г-жи Савиной нечего говорить: Марья Антоновна—лучшая ея роль“.

Очень характерную замѣтку написалъ тотъ-же А. С. Суворинъ подъ псевдонимомъ „Незнакомецъ“ по поводу бенефиса М. Г. Савиной, выступившей въ комедіи Салова „Самородокъ“ („Новое Время“, 9-го февраля 1886 г., № 3575):

„Г-жа Савина, въ главной роли пьесы, была очень мила, хотя, правду сказать, эта роль не заключаетъ въ себѣ ни одного момента, который бы сто разъ не продѣлала уже артистка на сценѣ, въ другихъ роляхъ; типическаго лица не могло выдти изъ Агафьи, ибо личность эта постоянно сбивается на маіоршу. Авторы рѣшительно задерживаютъ развитіе таланта г-жи Савиной, поддѣлываясь подъ ея сценическія достоинства, замѣчая сильныя проявленія ея таланта и повторяя подходящія подъ это сценическія положенія постоянно. Каждая роль является повтореніемъ предыдущей и артисткѣ приходится только повторять хорошо ей извѣстное. Едва ли когда нибудь, прочитывая роль, она можетъ остановиться и сказать: а, вотъ что ново, это довольно сложно, надъ этимъ надо подумать. Напротивъ, сплошь и рядомъ она только говоритъ про себя: это изъ „Маіорши“, это изъ „Свѣтитъ, да не грѣетъ“, это изъ В. А. Крылова. Никогда не забуду, когда, на мой вопросъ, почему такъ часто г-жа Савина вбѣгаетъ и убѣгаетъ въ его пьесѣ, драматургъ мнѣ отвѣтилъ:

— Она очень хорошо вбѣгаетъ и убѣгаетъ, а потому я это дѣлалъ.

Какая же тутъ работа, какая возможность давать цѣльные типы?“

Такое писаніе ролей спеціально для М. Г. Савиной, впервые подмѣченное А. С. Суворинымъ, продолжается, какъ извѣстно, и до настоящаго времени: къ счастію, оно отражается отрицательнымъ образомъ не на талантѣ артистки, а на произведеніяхъ авторовъ, занимающихся кройкою ролей по извѣстнымъ мѣркамъ.

Въ 1886 году М. Г. Савина сыграла всего въ 7-ми новыхъ пьесахъ:

144) „Болѣзни сердца“, ком. кн. Мещерскаго. Княжна Мэри.
145) „Самородокъ“, ком. Салова. Обертышева. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
146) „Тетенька“, ком. Николаева (Куликова). Пушкинская.
147) „Семья“, ком. В. Крылова. Зинаида Яковлевна.
148) „Старая сказка“, ком. П. Гнѣдича. Рахманова.
149) „Блуждающіе огни“, ком. Антропова. Лёля.
150) „Милліонъ“, ком. кн. Мещерскаго. Княгиня Мытищева. (Бенефисъ Сабуровой).

1887 г. ознаменовался крупнымъ инцидентомъ въ артистической карьерѣ М. Г. Савиной: она едва не ушла съ Императорской сцены. Не хочется вѣрить, что подобный фактъ возможенъ, что театральная дирекція могла допустить даже мысль лишиться такой артистки, а между тѣмъ это фактъ, о которомъ въ свое время періодическая печать исписывала цѣлые столбцы.

6-го января 1887 г. въ „Новомъ Времени“ (№ 3899) появилась слѣдующая замѣтка:

„Вчера мы прочитали въ одной газетѣ, что г-жу Савину будто бы лишили бенефиса за отказъ ея играть въ „Милліонѣ“. Штрафа оказалось будто бы мало за преступленіе противъ князя Мещерскаго. Мы отнюдь не можемъ одобрять отказа актеровъ и актрисъ отъ ролей, къ чему они всегда склонны, какъ скоро роль имъ не нравится. Г-жа Савина къ этому особенно склонна, но, сколько намъ извѣстно, доселѣ дирекція смотрѣла весьма снисходительно на подобные отказы, какъ бы автору это ни было непріятно. Мы могли бы привести тому сотню примѣровъ изъ практики Александринскаго театра и московскаго. Между тѣмъ, въ наказѣ театровъ эти случаи предусмотрѣны и на отказъ актера или актрисы отъ роли налагается извѣстный штрафъ. Если дирекція рѣшилась воспользоваться своимъ правомъ, то для чего же сочинять новое наказаніе, въ видѣ лишенія бенефиса, если существуетъ наказаніе правильное, которому актеръ долженъ подчиниться, просто въ силу своего контракта? Правда, бенефисъ есть какъ-бы награда не обязательная для дирекціи; ее можно дать, но можно и не

Пушкинская („Тетенька“).

дать. Правда и то, что г-жа Савина получаетъ 12,000 руб.; но все-таки непонятно, почему именно „Милліонъ“ долженъ быть этою „искупительною“ пьесою, которую дирекція принимаетъ такъ серьезно, что превосходно обставляетъ ее и затѣмъ такъ крупно наказываетъ артистку. Мы за строгость въ театральномъ дѣлѣ и послушаніе, но мы за систему строгости, а не за отдѣльные случаи и не за предпочтеніе одного автора передъ другимъ. Мы поэтому не вѣримъ этому извѣстію и думаемъ: не есть-ли оно просто передбенефисный слухъ, вродѣ тѣхъ слуховъ, которые распускаютъ нарочно, когда льютъ колокола, чтобъ они звончѣе звонили?“

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого князь Мещерскій написалъ въ своемъ Дневникѣ въ „Гражданинѣ“ (11-го января 1887 г., № 4) нѣчто вродѣ отвѣта „Нов. Времени“.

„Признаться, дѣлъ, хлопотъ и заботъ у меня безъ того не мало, а тутъ еще на меня взваливаютъ цѣлый міръ интригъ противъ г-жи Савиной, по поводу моего „Милліона“! Признаться, послѣ перваго представленія его я былъ на немъ изъ 8 разъ только всего одинъ разъ, чтобы посмотрѣть на пьесу въ передѣлкѣ и оцѣнить насколько г-жа Абаринова 2-я измѣнила къ лучшему или къ худшему роль, игранную прежде г-жей Савиной; за исключеніемъ этого раза, я и въ театръ не заглядывалъ; некогда было; никого не видѣлъ изъ театральнаго міра, и вдругъ, ни съ того—ни съ сего, меня хотятъ представить, что я до того будто озабоченъ уходомъ изъ „Милліона“ г-жи Савиной, что бѣгаю въ Дирекцію, хлопочу о возмездіи, интригую противъ г-жи Савиной, и даже съ такимъ успѣхомъ, что будто изъ-за меня ее штрафуютъ, изъ-за меня ей отказываютъ въ бенефисѣ, изъ-за меня, наконецъ, принимаютъ ея отставку и проч. и проч. Пощадите, господа сочинители толковъ!.. Я только одно знаю: получилъ я послѣ 4 представленія очень любезное письмо отъ г-жи Савиной, въ которомъ она, отказываясь отъ роли, указываетъ на свою замѣстительницу, съ увѣренностью, что она будетъ лучше ея. Прочитавъ ея письмо, я сказалъ себѣ: и отлично; просилъ г-жу Абаринову 2-ю играть роль Савиной, увидѣлъ, что она ее играетъ прелестно, и лучше г-жи Савиной, и затѣмъ больше ничего... Забылъ даже про существованіе театра по совершенному недостатку времени о немъ думать... Смѣшно даже представлять себя подъ протекціею начальства Александринскаго театра, такъ какъ, сколько я помню, на избытокъ такого благоволенія ко мнѣ господина Потѣхина врядъ-ли я или кто другой могъ бы сѣтовать. Dixi...“

Инцидентъ, уже достаточно выясняющійся изъ сопоставленія этихъ двухъ замѣтокъ „Новаго Времени“ и „Гражданина“, изложенъ еще болѣе обстоятельно и опредѣленно въ „Петербургскомъ Листкѣ“ (18 января 1887 г., № 18) въ статьѣ, озаглавленной „Истинныя причины недоразумѣнія М. Г. Савиной съ дирекціей“.

— Марія Гавриловна Савина покидаетъ нашу драматическую сцену!

— Нѣтъ не покидаетъ, а ее увольняютъ!

— Быть не можетъ?

— Увѣряю васъ.

— Это абсурдъ?!

— Нѣтъ, фактъ!

— Убейте, а не вѣрю!

— Э-э-эхъ! Нынче все возможно! Въ газетахъ вѣдь объ этомъ уже сообщили!

— Пусть ихъ сообщаютъ, а я не вѣрю! 13 лѣтъ она служила родному искусству, 13 лѣтъ доставляла всѣмъ и каждому высокое эстетическое наслажденіе, 13 лѣтъ дѣлала сборы, выносила на своихъ плечахъ репертуаръ и вдругъ будутъ ее выживать? Нѣтъ, этого быть не можетъ!

Вотъ тѣ отрывочныя фразы „за“ и „противъ“, какія слышатся всюду: въ театрахъ, въ семейныхъ домахъ, въ кругу высшаго общества, равно какъ и среди средняго класса столичнаго народонаселенія, привыкшаго, какъ и всѣ вообще, цѣнить, уважать и любить нашу высокоталантливѣйшую премьершу.

Кому не желательно узнать истинныя причины недоразумѣній г-жи Савиной съ театральною дирекціей?

Желаніе весьма естественное особенно для того, кому дороги успѣхи нашего драматическаго театра. Въ виду этого мы спѣшимъ подѣлиться сообщеніемъ, которое получено нами изъ достовѣрнаго источника. Когда назначено было первое представленіе „Милліона“, то г-жа Савина согласилась играть роль не ея амплуа только одинъ разъ изъ любезности къ бенефиціанткѣ. Если-бы у насъ существовалъ судъ компетентныхъ лицъ, то они несомнѣнно сказали бы ей: вы правы, у каждой артистки свой жанръ, свое амплуа и принудить ее играть роль не въ ея амплуа

никто не можетъ и не долженъ! Когда назначены были послѣдующія представленія „Милліона“ то она послала извѣщеніе о томъ, что играть въ пьесѣ князя Мещерскаго, сообразно своему своевременному заявленію, не будетъ. Ей на это отвѣтили, что она капризничаетъ, прибавивъ: капризницъ наказываютъ! Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени ее увѣдомили, что, если она не будетъ играть въ „Милліонѣ“, то съ нея будутъ удерживать каждый разъ всю недостающую сумму до полнаго сбора! Это—прямое нарушеніе одного изъ параграфовъ обязательныхъ правилъ, подписанныхъ артистами, въ которыхъ ясно сказано: „За отказъ артиста или артистки отъ исполненія роли взимается штрафъ въ размѣрѣ $^1/_{150}$ части получаемаго жалованья“, что составитъ для М. Г. Савиной 75 руб. Она на такой штрафъ согласилась, не смотря на то, что костюмы для „Милліона“ обошлись ей до 2,000 руб. и они болѣе не были нужны. Вдругъ, 2-го января, она получаетъ увѣдомленіе*), изъ котораго узнаетъ, что она лишена бенефиса!

Г-жа Савина глубоко оскорблена нравственно, а не матеріально.

Бенефисъ ей не нуженъ, подарковъ у нея масса, она желала бы лишь одного: продолжать служить на пользу искусства, доставлять по силѣ и возможности удовольствіе публикѣ и „сорвать“ лишній апплодисментъ, который ей дороже всякихъ денегъ и подарковъ.

Кто знаетъ г-жу Савину, тотъ не усумнится въ справедливости этого сообщенія. Если бы она гонялась за деньгами, ей стоило бы только совершить лѣтомъ артистическую поѣздку по большимъ городамъ Россіи, и она собрала бы гораздо больше, чѣмъ получаетъ за 8 мѣсяцевъ въ Александринскомъ театрѣ.

Это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію.

Артистка этого не дѣлаетъ.

Почему?

Потому что золотой телецъ не ея кумиръ. Она любитъ всею душою искусство, цѣнитъ и уважаетъ публику и желаетъ служить только ей и на пользу искусства.

Какой же выводъ прикажете сдѣлать изъ переданнаго нами сообщенія? Имя М. Г. Савиной слишкомъ дорого для нашей сцены, поэтому не хочется вѣрить, чтобы дирекція театровъ забыла ее.

Нѣтъ, мы не вѣримъ въ сказки эти,
Интригамъ хода не дадутъ!
Ужель талантъ на бѣломъ свѣтѣ
„Милліону“ князя предпочтутъ?!
Тринадцать лѣтъ пробыть премьершей
И вдругъ отставку получить,
Такой сатиры ѣдкой, злѣйшей
И для врага не сочинить!

То же недоразумѣніе М. Г. Савиной съ театральной дирекціей изложено слѣдующимъ образомъ „Коломенскимъ кандидомъ“ въ „Новостяхъ“:

Вчера въ Александринскомъ театрѣ, на бенефисѣ г-жи Громовой, разнесся въ публикѣ слухъ, очень многихъ удивившій и опечалившій. Стало извѣстно изъ „достовѣрнаго“, будто бы, источника, что М. Г. Савина оставляетъ казенную сцену, что она „подала въ отставку“. Со всѣхъ сторонъ слышались разспросы и восклицанія: — „Какъ? Почему? Не можетъ быть! Любимица публики, въ расцвѣтѣ силъ,—дирекція не отпуститъ!.. Кѣмъ ее замѣнятъ? — Ужъ не г-жей ли Пащенко?! Нельзя же совсѣмъ пренебрегать вкусомъ и симпатіями публики! Не будетъ Савиной — мы въ театръ ни ногой!“ и т. д.

Записываю то, что слышалъ; но и безъ этихъ разговоровъ можно было бы на угадъ съ достовѣрностью сказать, что данный слухъ произведетъ чрезвычайную сенсацію въ столичной публикѣ, а если бы онъ, паче чаянія, оправдался, то уходъ г-жи Савиной, несомнѣнно, вызоветъ общія сожалѣнія и усилитъ тѣ нареканія, которыя, болѣе или менѣе, справедливо сыплятся со всѣхъ сторонъ на нынѣшнюю театральную администрацію. Въ самомъ дѣлѣ, стало бы похоже, что она систематически изгоняетъ со сцены лучшихъ и популярнѣйшихъ артистовъ.

Записанный слухъ произошелъ не съ вѣтру. У него есть основанія. Дѣло вотъ въ чемъ.

---

*) Это увѣдомленіе было сдѣлано М. Г. Савиной послѣ полученія управляющимъ русской драматической труппой слѣдующаго письма:

„Его Сіятельство Господинъ Министръ Императорскаго Двора приказать изволилъ: въ виду неоднократно повторяющихся случаевъ отказа артистки Савиной отъ назначаемыхъ ей ролей, наградной бенефисъ г-жѣ Савиной въ нынѣшнемъ сезонѣ не назначать. О вышеупомянутомъ контора Императорскихъ театровъ сообщаетъ для соотвѣтствующихъ распоряженій и объявленія артисткѣ Савиной. Управляющій конторою В. Погожевъ. *В. П.*

Г-жа Савина играла въ новой нескладной пьесѣ кн. Мещерскаго, „Милліонъ“. Роль ей досталась во многихъ отношеніяхъ рискованная, и она, послѣ двухъ или трехъ представленій „Милліона“, отказалась отъ нея на-отрѣзъ. Этимъ артистка, несомнѣнно, нарушила и свои обязательства, и правила театральной субординаціи; но, признаться, мы, все-таки, плохо вѣримъ, чтобы ей дали уйти съ нашей александринской сцены. Нынѣшніе наши театральные руководители очень близко принимаютъ къ сердцу театральные сборы, не безъ основанія ссылаясь на ихъ возростаніе, какъ на оправдательный документъ своего управленія. Между тѣмъ, сборы, напр., нашего драматическаго театра повернули на убыль, что объясняется, съ одной стороны, недостаткомъ хорошихъ пьесъ въ текущемъ репертуарѣ, а съ другой, обѣдненіемъ силъ труппы. Если нѣтъ хорошихъ пьесъ, сборы дѣлаютъ талантливые, любимые публикой артисты. Изъ такихъ артистовъ, нынѣ въ Петербургѣ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ г-жѣ Савиной. Г-жа Савина—„любимица публики“, и всегда дѣлаетъ сборъ,—кто-жъ этого не знаетъ? Если она, сверхъ чаянія, уйдетъ,—потеряютъ отъ этого и публика, и касса александринскаго театра, только. Сама же артистка, при ея талантливости и огромной популярности, безъ сомнѣнія, найдетъ и достойное себя поприще, и лавры, и цвѣты, и богатый гонораръ на любой частной порядочной сценѣ, какихъ уже, слава Богу, не мало на Руси. Только, повторяю, не вѣрится, чтобы дирекція наша оказалась до того неразсчетливой, чтобы авторской амбиціи кн. Мещерскаго пожертвовать своею лучшей, драгоцѣннѣйшей силой.

Однако, въ концѣ концовъ весь этотъ инцидентъ окончился полнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ г-жи Савиной: ей дали за бенефисъ 2,000 рублей и драгоцѣнный подарокъ—брошь изъ сапфировъ и брилліантовъ.

За то, когда М. Г. Савина выступила въ первый разъ послѣ окончанія инцидента, публика горячо выказала ей свою любовь, устроивъ грандіозную овацію, подробное описаніе которой я нашелъ въ „Петербургской Газетѣ“ и „Петербургскомъ Листкѣ“.

Вотъ статья „Петербургской Газеты“.

Овація М. Г. Савиной. Вчерашній спектакль въ Александринскомъ театрѣ носилъ исключительный характеръ. Вчера выступила М. Г. Савина, въ первый разъ послѣ тѣхъ непріятностей, которыя ей причинилъ „Милліонъ“. Публика само собою разумѣется искала случая выразить свои симпатіи любимой высокоталантливой артисткѣ и этотъ случай представился вчера.

Несмотря на заигранность пьесы „Блуждающіе огни“, публики собралось такъ много, что театръ былъ переполненъ. При первомъ появленіи артистки раздались шумные апплодисменты, то замолкавшіе, то снова возобновлявшіеся. Но это было только начало овацій; послѣ второго акта начались шумные вызовы и поднесенія цвѣтовъ; съ каждымъ актомъ рукоплесканія становились сильнѣе и громче, вызовы чаще и чаще, а количество цвѣточныхъ поднесеній все больше и больше. По окончаніи спектакля публика долго не оставляла зрительнаго зала. Восторженные крики публики казались нескончаемыми. Дамы махали платками...

Вызываемая до усталости высокоталантливая артистка была, повидимому, очень тронута такимъ бурнымъ проявленіемъ симпатіи къ ней публики и раскланивалась со слезами на глазахъ...

Впродолженіи всей пьесы артисткѣ подали: 1) вѣнокъ лавровый съ лентою, на которой оттиснута надпись „студенты-медики“; 2) большая корзина цвѣтовъ съ лентами и съ надписью „отъ комитета высшихъ женскихъ курсовъ“; 3) вѣеръ изъ цвѣтовъ; 4) корзина съ цвѣтами; 5) букетъ цвѣтовъ съ лентою, на которой надпись „М. Г. Савиной, неизмѣнные поклонники ея таланта“; 6) лавровый вѣнокъ; 7) адресъ, покрытый массою подписей, принадлежащихъ постояннымъ посѣтителямъ Александринскаго театра.

Адресъ заключалъ въ себѣ глубокое сожалѣніе по поводу печальнаго инцидента артистки съ дирекціей и высокое уваженіе подписавшихся къ громадному таланту артистки.

Г-жа Савина, появляясь на вызовы, не разъ цѣловала этотъ адресъ, чѣмъ вызывала еще большій восторгъ публики, выказывавшей свою любовь высокоталантливой артисткѣ.

Статья „Петербургскаго Листка“ озаглавлена „Рѣдкій случай въ лѣтописяхъ Александринскаго театра“.

М. Г. Савина, наша талантливѣйшая артистка, выступила въ первый разъ послѣ болѣзни и тѣхъ непріятностей, которыя ей причинила комедія князя Мещерскаго „Милліонъ“, въ Понедѣльникъ, 26-го января, въ пьесѣ „Блуждающіе огни“.

Нужно-ли говорить о тѣхъ овацiяхъ, нескончаемыхъ вызовахъ, апплодисментахъ и цвѣточныхъ подношенiяхъ, какихъ удостоилась получить высокодаровитая премьерша нашей драматической труппы?

Каждому, кто цѣнитъ и кому дорого процвѣтанiе роднаго сценическаго искусства, легко представитъ себѣ все то, что происходило въ Понедѣльникъ въ Александринскомъ театрѣ. Самымъ дорогимъ и многозначительнымъ подношенiемъ, однако, былъ адресъ, который былъ покрытъ 121 подписью. Г-жа Савина, выходя съ нимъ на неоднократные вызовы, цѣловала его, желая этимъ доказать, что адресъ этотъ ей дороже и милѣе всякихъ цвѣточныхъ и цѣнныхъ подарковъ.

Мы приводимъ дословную съ него копiю:

Марiя Гавриловна!

Въ нынѣшнемъ году Петербургъ лишается возможности принести своей любимой и глубокодаровитой артисткѣ обычную дань горячаго уваженiя и восторженнаго вниманiя въ день ея бенефиса. Но какъ бы ни сплетались въ Вашемъ лицѣ свободное творчество высокаго художника и служебныя отношенiя—между Вами и Вашею публикою остается неразрывная связь. Она закрѣплена годами доставленныхъ Вами эстетическихъ наслажденiй,—она перевита благородными воспоминанiями о незабвенныхъ минутахъ, когда тонкая, умная и несравненная въ своемъ изяществѣ игра Ваша—заставляла забыть все сѣрое и будничное въ жизни и обогащала каждаго встрѣчею съ животрепещущими типами, созданными силою Вашего таланта. Эта нерасторжимая связь артиста съ публикою и отсутствiе дня, когда можно бы, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, выразить Вамъ торжественно и шумно наши симпатiи, заставляетъ насъ взяться за перо, чтобы сказать Вамъ—работайте еще долгiе, долгiе годы на пользу искусства, на славу и честь русской сцены, на радость всѣхъ, кто видитъ и слышитъ Васъ и знайте, что любовь и уваженiе тѣхъ, кто понимаетъ требованiя и цѣли свѣтлой области искусства и умѣетъ цѣнить его блестящихъ служителей всегда и нераздѣльно принадлежатъ Вамъ.

Болѣе яснаго и справедливаго выраженiя симпатiй, оцѣнки заслугъ и дарованiя г-жи Савиной сдѣлать трудно.

Въ 1887 году М. Г. Савина сыграла въ 11-ти новыхъ пьесахъ:

151) „За Волгою“, др. Сѣверина и Свободина. (Юбилейный бенефисъ Громовой за 50 лѣтъ.)

152) „Укрощенiе строптивой“, ком. В. Шекспира. Катарина. (Бенефисъ Сазонова).

153) „Генеральное сраженiе“, шутка Лѣснитской. (Бенефисъ Варламова).

154) „Соловушка“, сц. И. Шпажинскаго. Мурашкина. (Бенефисъ Свободина).

155) „На зыбкой почвѣ“, ком. П. Невѣжина. Матреша.

156) „Фаустина“, ком. гр. Ржевусскаго. Фаустина.

157) „Пролитой воды не вернешь“, др. Трофимова. Шура.

158) „Тайна“, сц. Николаева. Вдова Ласкина.

159) „Счастливецъ“, ком. Вл. Немировича-Данченко. Евдокiя.

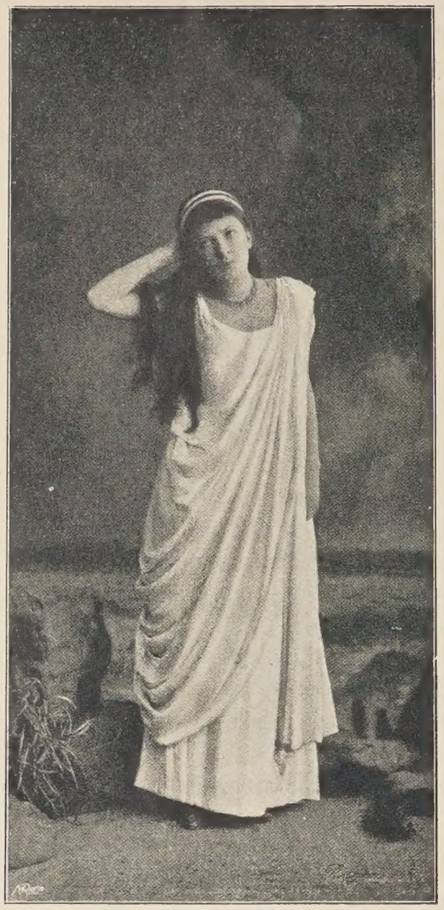
160) „Разладъ“, др. В. Крылова. Вѣра Сердюкова.

161) „Смерть Агриппины“, др. Буренина. Актея. (Бенефисъ Жулевой).

Катарина („Укрощенiе Строптивой“).

Заканчивая обозрѣнiе 1887 года въ сценической карьерѣ М. Г. Савиной, нельзя не упомянуть о ея желанiи поставить въ свой бенефисъ драму „Власть тьмы“, тогда только-что написанную Л. Н. Толстымъ.

Объ этомъ М. Г. Савина говоритъ въ своихъ „Воспоминанiяхъ“, приводи-



Актея („Смерть Агриппины". 1888 г.).

мыхъ ниже послѣ обозрѣнія всѣхъ 20-ти лѣтъ ея дѣятельности на Императорской сценѣ.

Въ **1888 году** 1-го февраля въ бенефисъ М. Г. Савиной публика устроила восторженный пріемъ своей любимицѣ, лишенной бенефиса въ 1887 году.

Эта овація подробно описана въ „Петербургской Газетѣ" (13-го Февраля 1888 г. № 43).

„Встрѣченная громомъ долго несмолкавшихъ аплодисментовъ, г-жа Савина по окончаніи „Провинціалки" должна была до восьми разъ выходить на вызовы! Ей подали большой лавровый вѣнокъ, перевитый русскимъ полотенцемъ, корзину цвѣтовъ, роскошный букетъ съ большими голубыми лентами и изящный розоваго плюша бюваръ. Въ этомъ послѣднемъ заключался презентъ, который по номинальной стоимости своей достигалъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Овація бенефиціанткѣ возобновились послѣ перваго акта „Своей семьи" и шли crescendo до конца пьесы, М. Г. въ каждомъ антрактѣ вызывали безъ конца. Г. Хаагъ, вѣроятно, утомился передавать безчисленныя подношенія.

Послѣ перваго акта М. Г. поднесли на красной бархатной подушкѣ серебряный лавровый вѣнокъ. Въ серединѣ его, на подушкѣ, лежалъ вызолоченый ларчикъ съ надписью, заключавшій въ себѣ, какъ говорили въ театрѣ, брилліантовыя брошь и серьги.

Двѣ корзины цвѣтовъ, два букета и фарфоровый портъ-букетъ въ видѣ птицы довершали подношенія въ этомъ антрактѣ.

Послѣ 2-го акта поднесена была большая корзина цвѣтовъ съ роскошными бѣлыми атласными лентами и небольшая корзиночка съ цвѣтами же; послѣ 3-го акта, при несмолкаемыхъ аплодисментахъ, капельмейстеръ подалъ бенефиціанткѣ громадный лавровый вѣнокъ съ блѣднорозовыми лентами и надписью по срединѣ вѣнка „Несравненной М. Г. Савиной".

Вслѣдъ за вѣнкомъ подали объемистую корзину цвѣтовъ; изъ корзины ниспадали концы тяжелой шелковой матеріи, а между цвѣтами виднѣлся довольно большой ажурный ларецъ. Маленькая корзиночка съ цвѣтами и, повидимому, тоже съ какимъ-то еще содержимымъ, закончили этотъ дождь цвѣтовъ и артистка еще долго выходила раскланиваться на безъ конца продолжавшіеся вызовы".

Къ этимъ овацiямъ присоединилась и печать. Въ газетахъ появились самые восторженные отзывы о талантѣ М. Г. Савиной и объ ея игрѣ въ двухъ бенефисныхъ пьесахъ: „Своя семья" и „Провинціалка".

Вотъ что писалъ, напримѣръ, „Коломенскій кандидъ" („Новости" 14-го февраля 1888 г., № 45):

„Г-жа Савина прочно и неизмѣнно пользуется всѣми правами любимицы публики. У нея нѣтъ въ этомъ отношеніи соперницъ. Рѣдкая артистка можетъ имѣть столько страстныхъ, преданныхъ поклонниковъ и поклонницъ, сколько ихъ имѣетъ она. Особенно любятъ ее наши дамы, даже мало сказать любятъ—благоговѣютъ передъ ней, и это чувство понятно: она—яркое, неувядаемое олицетвореніе всего плѣнительнаго и изящнаго, и всего типичнаго въ современной культурной, балованной женщинѣ. Въ г-жѣ Савиной наши дамы любятъ самихъ себя—она ихъ гордость, ихъ живой палладіумъ и самый краснорѣчивый адвокатъ ихъ. Начиная со своихъ, дѣйствительно, всегда прелестныхъ костюмовъ, она—кумиръ для женщинъ, предметъ нескончаемыхъ восторговъ и восхищеній.

Понятно, что очарованіе это раздѣляютъ и мужчины, потому кто же не преклоняется передъ женской красотой и граціей, да еще одухотворенными талантомъ? Велика власть этой обаятель-

ной, можетъ быть, односторонней, тепличной и „кисейной“, но всепокоряющей женственности, и очень трудно сказать, гдѣ кончается эта власть въ артисткѣ, ею надѣленной, и гдѣ начинаются побѣды собственно таланта, труда и искусства? Бывали примѣры, что артистки съ одной этой способностью пользовались большимъ успѣхомъ на сценѣ, и одну такую воспѣлъ даже Пушкинъ. Она у него безталанна, играетъ посредственно, но

„Всѣ шепчутъ: ахъ, какъ хороша!
Увы, другую-бъ освистали...
Велико дѣло красота!“

въ заключеніе восклицаетъ поэтъ.

Но, когда есть красота и есть то, что выше красоты—изящество, а за всѣмъ тѣмъ есть еще и безспорный талантъ, какъ у г-жи Савиной, тогда поклоненію нѣтъ границъ и оно вполнѣ законно. Это мы подумали вчера, при зрѣлищѣ восторженныхъ овацій избранной публики любимой артисткѣ, сопровождавшихся цѣлымъ, можно бы сказать, ураганомъ поднесеній, въ видѣ вѣнковъ, букетовъ, корзинокъ съ цвѣтами и множества драгоцѣнныхъ подарковъ.

Вельми любитъ петербургская публика г-жу Савину и любитъ не напрасно. Надо было видѣть талантливую бенефиціантку въ „Провинціалкѣ“ Тургенева. Какъ мастерски былъ понятъ и воспроизведенъ характеръ этой брошенной въ провинціальный городокъ, неудавшейся свѣтской дамы, какая тонкая выразительность кокетства и кокетливо-притворнаго простодушія пущена была въ сценахъ съ заѣзжимъ старымъ знакомцемъ графомъ, ради снисканія хорошаго мѣста для мужа въ Петербургѣ!“

Каждый талантливый человѣкъ окруженъ врагами и завистниками: это аксіома, не требующая ни подтвержденія, ни объясненія, и вотъ врагамъ г-жи Савиной удалось добиться появленія въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующей замѣтки:

„По слухамъ, г-жа Савина отказалась отъ роли Катерины въ „Грозѣ“, которая, такимъ образомъ, едва ли пойдетъ въ бенефисъ г. Горбунова. Мотивомъ къ отказу, какъ говорятъ, послужило то обстоятельство, что съ г-жею Стрепетовой не заключенъ еще контрактъ на новое трехлѣтіе, а это ставилось будто бы г-жею Савиною условіемъ при согласіи ея играть роль Катерины, представляющую одну изъ коронныхъ ролей г-жи Стрепетовой“.

На эту замѣтку, охарактеризовать которую должнымъ образомъ я отказываюсь, прекрасно отвѣтило „Новое Время“ (23-го ноября 1888 г., № 4576):

„...Это очень странное и явно вздорное извѣстіе. Давно говорили, что въ бенефисъ Горбунова пойдетъ „Гроза“ съ г-жей Савиной въ главной роли. Многіе находили въ этомъ что-то предосудительное для г-жи Савиной, но мы думаемъ объ этомъ иначе. Въ Москвѣ роль Катерины играютъ и г-жа Ѳедотова, и г-жа Ермолова. Отчего бы и у насъ не играть этой роли г-жѣ Стрепетовой и г-жѣ Савиной? Выиграла бы публика, и самый интересъ къ пьесѣ поднялся бы. Роль не есть отчуждаемая собственность какой нибудь актрисы или какого нибудь актера. Можетъ явиться новая даровитая актриса. Неужели ей и прикоснуться нельзя будетъ къ старому репертуару, потому что такія-то роли составляютъ собственность г-жи Савиной, или г-жи Стрепетовой, или г-жи Дюжиковой и т. д. Но петербургская труппа находится нѣсколько въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ московская и всякая нормальная труппа. На г-жу Савину взваленъ рѣшительно весь репертуаръ и это совсѣмъ не хорошо для г-жи Савиной, для ея дарованія. Г-жа Стрепетова, при несомнѣнномъ своемъ большомъ дарованіи, играетъ очень мало, а потому, естественно, съ ея стороны, смотрѣть на передачу роли Катерины въ „Грозѣ“ г-жѣ Савиной, какъ на нѣчто оскорбительное для ея самолюбія. Съ этой стороны не только ничего нельзя сказать противъ г-жи Стрепетовой, которая только отстаиваетъ свое почетное и вполнѣ заслуженное ею положеніе въ труппѣ, но она заслуживаетъ полнаго сочувствія, особенно въ виду приведенной выше странной цитаты изъ „Спб. Вѣд.“. Выходитъ, что дирекція якобы заключаетъ или можетъ заключить новый контрактъ съ г-жею Стрепетовой только благодаря настойчивости г-жи Савиной, которая это дѣлаетъ въ вознагражденіе г-жи Стрепетовой за то, что она беретъ ея роль. Само по себѣ это предположеніе есть нелѣпость и притомъ оскорбительная для обѣихъ артистокъ, ибо обѣихъ оно выставило въ странномъ свѣтѣ: г-жу Савину, какъ лицо, распоряжающееся дирекціей, г-жу Стрепетову, какъ лицо, пользующееся не своими заслугами передъ публикой и дирекціей, а случаемъ, счастливо выпадающимъ ей на долю, въ видѣ желанія г-жи Савиной сыграть „Грозу“, или, точ-

Катерина. („Гроза". 1888 г.)

нѣе, въ видѣ желанія г. Горбунова поставить въ свой бенефисъ „Грозу" съ г-жею Савиной. Въ концѣ концовъ получается невообразимая дичь: дирекція яко бы заключаетъ контрактъ съ г-жею Стрепетовой на три года, то есть тратитъ 18 т. р., даже не для г-жи Савиной, а для бенефиса г. Горбунова: чтобъ получить г. Горбунову полный сборъ, тысячи въ три, дирекція жертвуетъ 18 тысячъ! До такихъ геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости могутъ дойти городскіе слухи и даже проникнуть въ печать, хотя бы въ видѣ предположенія! И кому и для какихъ дрянныхъ разсчетовъ нужно пускать по городу эти слухи?"

„Гроза" съ Катериной—Савиной шла въ бенефисъ И. Ф. Горбунова 1-го апрѣля. Изъ всѣхъ рецензій, написанныхъ послѣ этого спектакля, рѣзко выдѣлилась яркая статья Н. А. Худековой въ „Петербургской Газетѣ":

„Артистка видимо много поработала надъ ролью", писала г-жа Худекова, „и воспроизвела образъ драматической героини Островскаго совершенно своеобразно. Мы такъ привыкли видѣть идеальную Катерину, изображаемую съ театральными эффектными пріемами, въ трагическихъ позахъ съ воздыманіемъ рукъ къ небу, патетическими возгласами, отъ которыхъ зрителя бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ, что реальное изображеніе мечтательной страстной женщины, пожалуй, не многихъ удовлетворило. То была дѣйствительная страдающая идеалистка, проникнутая мистицизмомъ, которая влечетъ къ себѣ и заставляетъ страдать, вмѣстѣ съ собою, а не трагическая актриса, поражающая силой своего искусства. Савина вполнѣ выдержала характеръ Катерины и осталась вѣрна ему сначала до конца драмы. Ея тонъ, пѣвучій голосъ, плавныя движенія, включая даже бѣлокурые волосы, все было въ общей гармоніи и говорило о цѣльности поэтическаго образа. Въ сценѣ втораго дѣйствія съ ключемъ Савина не выказала борьбы, происходящей въ Катеринѣ между чувствомъ долга и супружеской вѣрности и страсти къ Борису, но и Добролюбовъ говоритъ, что артисткѣ не слѣдуетъ придавать слишкомъ много жара при выраженіи этой борьбы, такъ какъ она ужъ кончена раньше, и остается лишь раздумье. И Савина вѣрно передала тѣ мысли и ощущенія, которыя волновали Катерину въ данную минуту. Объясненія ея съ Борисомъ дышали страстью; неудержимымъ наплывомъ хлынуло это чувство, которое такъ долго таилось въ ея груди. Эта страсть—вся ея жизнь, безъ нея она предпочитаетъ смерть, гибель. Отъ страха, выраженнаго артисткой передъ ожидаемой карой за ея грѣхъ, совсѣмъ не дѣлалось жутко, онъ не передавался зрителю, а возбуждалъ къ ней сожалѣніе. Во время картины грозы получалось совершенно новое впечатлѣніе, хотя не столь сильное какъ прежде, не давящее какъ кошмаръ, но оставляющее послѣ себя тоскливое чувство грусти за жертву грубаго насилія. Послѣдній мо-

Марья. („Русская свадьба". 1888 г.).

нологъ свой Савина произнесла такъ, какъ только можетъ передать словами изстрадавшаяся Катерина все, что у ней наболѣло на душѣ. Въ ея лицѣ, подавленномъ голосѣ и взглядѣ читались мысли и чувства ея. Въ послѣднемъ дѣйствіи Савина явилась также реально, какъ и вездѣ, въ шелковой повязкѣ на головѣ, а не съ распущенными волосами, какъ принято изображать сильныя душевныя волненія... Вообще въ исполненіи роли Катерины она внесла много новаго, освѣжающаго, чѣмъ вѣроятно останутся недовольны поклонники старыхъ традицій и театральныхъ эффектовъ".

Всѣ другія газеты отозвались о Савиной—Катеринѣ гораздо сдержаннѣе. Не по той-ли причинѣ, о которой писала г-жа Худекова въ концѣ своей статьи?

Въ **1888 г.** М. Г. Савина сыграла 11 новыхъ ролей:

162) „Сорванецъ", ком. В. Крылова. Люба.

163) „Своя семья", ком. кн. А. Шаховскаго. Наташа. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

164) „Провинціалка", ком. И. Тургенева. Ступендіева. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

Татьяна. („Татьяна Рѣпина". 1888 г.).

165) „Русская свадьба", пьеса Сухонина. Марья. (Юбилейный бенефисъ Леонидова за 50 лѣтъ).

166) „Невольницы", ком. Островскаго. Евлалія.

167) „Клеймо", ком. П. Боборыкина. Агнія Гроздьева.

168) „Ольга Ранцева", др. Б. Маркевича. Ольга Ранцева. (Бенефисъ Зубова).

169) „Княгиня Курагина", др. И. Шпажинскаго. Кн. Наталія.

170) „Царевна Софья", др. Полеваго. Вд. Екатерина. (Бенефисъ Дюжиковой).

171) „Гроза", др. Островскаго. Катерина. (Бенефисъ Горбунова).

172) „Татьяна Рѣпина", др. А. Суворина. Татьяна. (Бенефисъ Абариновой).

Люба. („Сорванецъ". 1888 г.).

Татьяна Рѣпина пользовалась въ этомъ сезонѣ выдающимся успѣхомъ. Объ игрѣ М. Г. Савиной въ роли Рѣпиной интересенъ отзывъ петербургскаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей", какъ человѣка совершенно независимаго, не посвященнаго въ закулисныя отношенія петербургской печати.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" послѣ перваго представленія „Татьяны Рѣпиной" была напечатана большая статья, изъ которой я беру только строки, касающіяся М. Г. Савиной.

Саша. („Ивановъ“. 1889 г.).

„Что г-жа Савина талантъ первоклассный, это она доказала въ „Татьянѣ Рѣпиной“. Весь первый актъ вынесла она, главнымъ образомъ, на своихъ плечахъ: то, что было только намѣчено авторомъ, дополнила она и развила до совершенства своей игрой, и сдѣлала именно то, что называется „создать роль“, что составляетъ высшую задачу артиста, полнаго хозяина мимики и экспрессіи, артиста глубоко вдумавшагося, вжившагося въ тотъ типъ, который подлежитъ его изображенію. Удивительное мастерство проявила она въ сценѣ ресторана, гдѣ ей приходилось „выпить“: этомъ мѣру и изящество, сохранить при не вызвать впечатлѣнія не ударить въ шаржъ, всякому по плечу; нежелательнаго — далеко ленное авторомъ, оно какъ требованіе, поставъ къ числу самыхъ труддолжно быть отнесено большую трудность предныхъ и рѣдкихъ. Еще потому что, собственно ставлялъ четвертый актъ, приходилось умирать въ говоря, г-жѣ Савиной торъ могъ бы, конечно, теченіе цѣлаго акта. Авбы заставить ее принять сократить это тѣмъ, что пріѣзжать въ театръ ядъ уже на сценѣ, а не отравленною, но тогда пришлось бы впасть въ общее мѣсто и сѣсть на давно объѣзженнаго коня. И эту задачу выполнила артистка мастерски: помимо художественности исполненія, она проявила и необыкновенную силу, и только при этомъ условіи получился тотъ именно эффектъ, на который можно было разсчитывать“.

1889 г. внесъ въ репертуаръ М. Г. Савиной 11 новыхъ ролей и прошелъ для высокодаровитой артистки мирно, безъ всякихъ непріятныхъ инцидентовъ.

Роли были въ слѣдующихъ пьесахъ:

173) „Послѣдняя воля“, ком. В. Немировича-Данченко. Вышневодская. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
174) „Ивановъ“, ком. А. Чехова. Саша. (Бенефисъ Федорова).
175) „Женя“, этюдъ П. Гнѣдича. (Бенефисъ Давыдова).
176) „Съ бою“, ком. П. Боборыкина. Рябушкина.
177) „Въ старые годы“, ком. И. Шпажинскаго. Маша.
178) „Подъ властью сердца“, ком. Ладыжинскаго. Женя.
179) „Княжна Забава Путятишна“, ком. Буренина. Княжна. (Бенефисъ Варламова).
180) „Маскарадъ“, др. М. Лермонтова. Нина. (Бенефисъ Сазонова).
181) „Кому весело живется“, ком. В. Крылова. Викторина. (Бенефисъ Сазонова).
182) „Гувернеръ“, ком. Дьяченко. Маша. (Бенефисъ Жулевой).
183) „По новой методѣ“, ком. Самойлова. Нина Александровна. (Бенефисъ Жулевой).

„Женя“.

Въ этомъ же году была возобновлена комедія князя Сумбатова „Мужъ знаменитости“, впервые поставленная 7 декабря 1884 г. На первомъ (по возобновленіи) представленіи этой пьесы съ М. Г. Савиной сдѣлалось то же, что

М. Г. Савина — Забава Путятишна *1889 г.*

„Комедия о княжне Забаве Путятишне" В. П. Буренина

В. В. Стрельская—Перепечина и В. А. Мичурина-Самойлова — Наталия. 1894 г.

„Комик XVII столетия" А. Н. Островского

Маша. („Въ старые годы". 1889 г.).

произошло съ нею много лѣтъ тому назадъ въ Саратовѣ при постановкѣ пьесы Дьяченко „Не первый и не послѣдній" *).

Объ этомъ случаѣ я нашелъ слѣдующій разсказъ М. А. Загуляева въ „Journal de S.-Pétersbourg":

Привожу его въ переводѣ:

„Возобновленіе комедіи князя Сумбатова очень хорошо: М. Г. имѣетъ новый, вполнѣ заслуженный успѣхъ. Она вложила въ созданный ею типъ Нины Менестрель столько пылкаго темперамента и глубокаго чувства, что въ любовныхъ сценахъ весь залъ съ напряженнымъ вниманіемъ ловилъ каждое слово великой артистки, которая, не жалѣя своихъ силъ, вкладывала всю душу въ обожаемое ею искусство. Такая дивная глубокая игра едва не была причиною печальнаго случая. Въ третьемъ актѣ, послѣ большой, горячо проведенной сцены М. Г. до того вошла въ роль и такъ пережила всѣ впечатлѣнія, что съ трудомъ могла показаться публикѣ, настоятельно требовавшей ея появленія послѣ конца акта.

Великая артистка вышла, шатаясь, съ перекошеннымъ лицомъ, заглушая платкомъ нервное рыданіе. Этотъ припадокъ заставилъ подумать о томъ, что она не сможетъ сыграть послѣдняго акта, но чудная артистка поборола свое волненіе и сыграла четвертый актъ также хорошо, какъ и три предыдущихъ".

Очевидно, и здѣсь то же увлеченіе ролью, то же перевоплощеніе въ изображаемый на сценѣ типъ, но на этотъ разъ настолько сильное, что его не могла сдержать даже сценическая опытность артистки, пріобрѣтенная уже долголѣтней игрой.

Просматривая петербургскія газеты за 1889 г., я нашелъ въ „Сынѣ Отечества" „Записки старика", въ которыхъ подробно разбираются труппы всѣхъ столичныхъ театровъ съ точки зрѣнія лица, видѣвшаго въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ театрѣ, г-жу Делапортъ **), гг. Вормса, Дюпюи и др.

О М. Г. Савиной „Старикъ" выражается такимъ образомъ:

„Не скажу, чтобы меня интересовалъ и Александринскій театръ. Если правду сказать, въ немъ только и есть что Марья Гавриловна Савина, которую какъ ни портили гг. Крыловы, Тихоновы и Боборыкины, а испортить все-таки не могли. Изъ всей труппы въ ней одной настоящій талантъ, въ ней одной божья искра, превращающая актера—въ художника, творца, создателя безсмертныхъ образовъ и типовъ. Савина это доказала

„Забава Путятишна".

*) См. Вып. I. Стр. 17.

**) Марія Делапортъ играла въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ театрѣ съ 1868 г.—1875 г.

В. П.

своимъ исполненіемъ „Татьяны Рѣпиной“. Пусть мѣстами она только кокетлива, мило капризна, очаровательно нервна; за то, когда нужно, когда въ ея распоряженіи есть матеріалъ, она способна возвыситься до великаго мастерства въ исполненіи, способна васъ потрясти, растрогать и удивить. Тутъ нельзя ошибиться, такъ какъ всѣ эти черты громко свидѣтельствуютъ о большомъ драматическомъ дарованіи“.

Въ концѣ сезона 1889 года на сценѣ Александринскаго театра было скромно отпраздновано пятнадцатилѣтіе службы М. Г. Савиной въ Императорской труппѣ. Объ этомъ спектаклѣ помѣщенъ слѣдующій отчетъ въ „Новостяхъ“:

„Въ среду, 12-го апрѣля, въ Александринскомъ театрѣ состоялось открытіе русскихъ драматическихъ спектаклей, совпавшее, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ пятнадцатилѣтіемъ артистической дѣятельности М. Г. Савиной. Послѣ первой пьесы („Старшая и меньшая“) М. Г. Савина, вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ, была вызвана пять разъ; ей былъ поданъ вѣнокъ и букетъ изъ живыхъ ландышей. Послѣ второй пьесы („Женя“)—опять шумные вызовы и подача вѣнка, съ цифрою XV посрединѣ и надписью на лентахъ: „представительницѣ драматической труппы—Маріи Гавриловнѣ Савиной“, 2-хъ букетовъ и фарфоровой корзинки съ живыми цвѣтами.

Въ **1890 году** М. Г. Савина выступила всего въ 7-ми новыхъ пьесахъ:

184) „Бѣдная невѣста“, ком. Островскаго. Марья Андреевна. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
185) „Горе отъ ума“, ком. А. Грибоѣдова. Софья.
186) „Перекати-поле“, ком. П. Гнѣдича. Люба.
187) „Симфонія“, ком. М. Чайковскаго. Елена Протичъ.
188) „Цѣпи“, др. кн. А. Сумбатова. Волынцева.
189) „Дѣвичій переполохъ“, ком. В. Крылова. Марфинька. (Бенефисъ Стрѣльской).
190) „Сестры Саморуковы“, ком. Лили.

Просматривая этотъ репертуаръ, снова поражаешься удивительнымъ разнообразіемъ типовъ, создаваемыхъ М. Г. Савиной. Какъ сопоставить, напримѣръ, Елену Протичъ изъ „Симфоніи“ съ Марфинькой изъ „Дѣвичьяго переполоха“? Какъ можетъ играть обѣ эти роли одна и таже артистка?

А М. Г. Савина ихъ играла и, какъ удостовѣряетъ большинство газетъ, играла прекрасно. Театральная критика отнеслась въ этомъ году не одобрительно только къ ея исполненію „Бѣдной невѣсты“.

По поводу этой роли „Гражданинъ“ говоритъ слѣдующее (14-го января 1890 г.):

Кн. Наталія. („Княгиня Курагина“. 1888 г.).

„Г-жа Савина не знаетъ ни своихъ силъ, ни характера своего дарованія, если рѣшается выступать въ такихъ роляхъ, какъ роль „Бѣдной невѣсты“. Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, что силы и дарованіе артистки недостаточны для подобныхъ ролей. Нѣтъ, дѣло не въ томъ. Г-жѣ Савиной просто не подходятъ роли столь „прямолинейно“ очерченныхъ героинь. Что такое Марья Андреевна въ „Бѣдной невѣстѣ“? Это простая, искренняя дѣвушка, чуждая всякаго намека на кокетство, на рисовку; она просто радуется и еще проще и безъискусственнѣе отдается своему горю. Ни тонкаго лукавства,

Елена Протичъ. („Симфонія“. 1890 г.).

ни женской хитрости, ни игривой веселости—ничего этого нѣтъ въ героинѣ Островскаго. Роль слишкомъ простая, искренняя и... довольно однообразная. Этимъ то она и не подходитъ къ г-жѣ Савиной. Артисткѣ наиболѣе удаются тѣ роли, въ которыхъ есть оттѣнокъ кокетства, въ которыхъ ключемъ бьетъ заразительная веселость, въ которыхъ, наконецъ, отведено подобающее мѣсто женскимъ капризамъ и женскому легкомыслію. Немудрено, что въ роли Марьи Андреевны артистка произвела нѣсколько блѣдное впечатлѣніе; тутъ ей не въ чемъ и негдѣ было развернуться—и не къ чему примѣнить тѣ богатые рессурсы, которыми г-жа Савина щеголяетъ въ роляхъ совершенно иного типа. Даже скромные будничные туалеты „бѣдной невѣсты" совершенно не шли къ г-жѣ Савиной. Точно изящную и обаятельную свѣтскую куколку одѣли въ мѣщанское ситцевое платье.

Въ этомъ-же родѣ выражается и „Коломенскій кандидъ" въ „Новостяхъ" (13-го января 1890 г., № 13):

„Нѣкоторыхъ театраловъ приводилъ въ недоумѣніе выборъ г-жею Савиной для своего бенефиса „Бѣдной невѣсты", Островскаго. Пьеса эта по своему сюжету совсѣмъ не бенефисная для артистки, сильной, какъ г-жа Савина, по преимуществу въ салонныхъ пьесахъ, въ роляхъ современной свѣтской, нервной, изнѣженной женщины во всевозможныхъ ея разновидностяхъ. Вообще Островскій, особенно въ пьесахъ, написанныхъ имъ въ молодости, гдѣ воспроизведенъ простой, почти патріархальный бытъ Замоскворѣчья, гдѣ выведены нынѣ къ тому-жъ отжившіе типы мелкаго чиновничества и сѣраго купечества,—всего менѣе подходитъ къ репертуару г-жи Савиной. Сколько можемъ припомнить, изъ множества ролей, исполненныхъ артисткой, ея опыты играть въ Островскомъ почти всегда оказывались наименѣе удачными.

Словомъ, г-жѣ Савиной не было основанія и, можетъ быть, даже было немножко рискованно брать пьесу Островскаго для своего бенефиса. Говорятъ, она сдѣлала это по необходимости, за полнымъ будто-бы отсутствіемъ сколько-нибудь интересныхъ новыхъ, еще неигранныхъ пьесъ.

Г-жа Савина играла бѣдную невѣсту, Марью Андреевну, и начать съ того, что для этой роли она явилась въ слишкомъ изысканныхъ костюмахъ. Эти платьица были „простенькія"—ни слова, но простота эта салонная, измышленная геніемъ какой-нибудь первосортной модистки и, ой-ой, какъ кусается по цѣнѣ".

Тѣмъ не менѣе бенефисъ М. Г. Савиной былъ и въ этомъ году также удаченъ, какъ всегда.

Это видно изъ „Маленькаго письма" А. Суворина, помѣщеннаго въ „Новомъ Времени" отъ 14-го января 1890 г. (№ 4985):

„Видѣлъ я „Бѣдную невѣсту" въ бенефисъ М. Г. Савиной. Не помню какой годъ справляетъ свои актерскіе имянины даровитая любимица публики. Но эти имянины всегда привлекаютъ въ театръ массу публики и бенефиціантка удостоивается шумныхъ и искреннихъ овацій. Вчера ее встрѣтили необыкновенно привѣтливо и поднесли много цвѣтовъ и, кажется, нѣсколько тысячъ золотыми. Г-жа Савина, игравшая роль Марьи Андреевны, сѣла за пяльцы прежде, чѣмъ рукоплесканія умолкли, и должна была еще нѣсколько разъ вставать и благодарить. Затѣмъ вызовы послѣ каждаго дѣйствія и особенно многочисленные послѣ четвертаго акта, наилучшаго въ пьесѣ. Актриса должна быть довольна, ибо любовь публики къ ней выражается такъ же горячо, какъ прежде. Это лучшее удовольствіе—сохранить своихъ старыхъ друзей и нажить себѣ новыхъ".

1891 г. особенно интересенъ въ сценической біографіи М. Г. Савиной тѣмъ, что онъ начался гастролями высокодаровитой артистки въ Москвѣ.

М. Г. Савина сыграла въ Москвѣ 3 спектакля: 22-го января („Симфонія" и „Женя"), 24-го января („Надо разводиться") и 25-го января („Цѣпи").

Успѣхъ этихъ спектаклей былъ полный, единодушно констатированный всей московской печатью. Такъ, напримѣръ, въ „Новостяхъ дня" (23-го января 1891 года, № 2719) г. Рокъ пишетъ по поводу четвертаго акта „Симфоніи" слѣдующее:

„А играетъ она этотъ актъ безподобно. Отдѣльныя фразы—верхъ совершенства. Это какая-то особенная, одной Савиной присущая манера бросать фразы, бросать такъ, что онѣ достигаютъ до глубины души слушателя. Мастерство фразировки и мимики поразительное. Сцена паденія на диванъ, когда г. Багровъ бросается на Протичъ съ кулаками, и затѣмъ уходъ шатающейся Протичъ производитъ поражающее, почти гнетущее впечатлѣніе. Вамъ все время была антипатична, време

„Симфонія“.

нами даже отвратительна эта чувственная, изолгавшаяся, изломавшаяся, хотя и граціозная, обаятельная женщина; но когда она уходитъ со сцены съ выраженіемъ болѣзненнаго страданія и презрѣнія ко всему, даже къ себѣ самой,—вамъ становится невѣроятно жаль ее. Подводя итогъ, я долженъ сказать, что г-жа Савина прекрасно, мастерски, художественно воплощаетъ роль Протичъ, и будь наша публика менѣе консервативна, побѣда надъ нею не досталась бы нашей талантливой гостьѣ такой дорогой цѣной. Вызовы послѣ четвертаго акта были особенно шумны и опять сопровождались подношеніями“.

Въ „Московскомъ Листкѣ“ (25-го января 1891 года, № 25) г. Петръ Кичеевъ отзывается о томъ же четвертомъ актѣ такимъ образомъ:

„Четвертый актъ „Симфоніи“ еще болѣе хорошъ въ исполненіи нашей талантливой гостьи, а уходъ ея въ этомъ актѣ, послѣ оскорбленія, нанесеннаго ей Ладогинымъ въ присутствіи Ядринцева,—нѣчто совсѣмъ неподражаемое. Какъ противна и какъ до-боли жалка была въ эту минуту шатающаяся и злобно силящаяся преодолѣть обморокъ Елена Протичъ! Этотъ уходъ—верхъ художественнаго воспроизведенія и такъ уйти можетъ только артистка-художница въ полномъ значеніи этого слова“.

Въ такомъ же тонѣ высказывались московскія газеты и послѣ слѣдующихъ спектаклей М. Г. Савиной. Такъ, напримѣръ, въ „Московскомъ Листкѣ“ отъ 26-го января 1891 г. (№ 26) помѣщена слѣдующая замѣтка:

„Вчера, въ пятницу, 25 января, въ прощальный спектакль нашей талантливой гостьи М. Г. Савиной, когда она выступила въ Сумбатовскихъ „Цѣпяхъ“, ей была сдѣлана со стороны публики такая овація, которая должна была ее убѣдить, что публика нашего „образцоваго“ театра умѣетъ цѣнить серьезныя артистическія дарованія. Поднесеніямъ, апплодисментамъ и вызовамъ безспорно-даровитой гостьи не было конца“.

Проводы М. Г. Савиной изъ Москвы описаны въ „Новостяхъ дня“ отъ 27-го января 1891 года (№ 2723):

„Вчера артисты Малаго театра чествовали нашу талантливую гостью обѣдомъ въ ресторанѣ „Эрмитажъ“. Въ 5 часовъ собралось большинство артистовъ труппы Малаго театра. На обѣдѣ присутствовалъ и И. Ѳ. Горбуновъ, только-что вчера пріѣхавшій изъ Петербурга. Оказалось, что вчера г-жа Савина была именинница. Объ этомъ Марья Гавриловна проговорилась за обѣдомъ. Разумѣется, привѣтствія приняли еще болѣе теплый характеръ. За обѣдомъ было сказано много рѣчей, изъ которыхъ наиболѣе сочувственно было принято прекрасное привѣтственное слово Ѳ. И. Горева.

Съ курьерскимъ поѣздомъ Марья Гавриловна отправилась въ Петербургъ. На вокзалъ ее явились проводить г-жи Ѳедотова, Ермолова, Медвѣдева, Щепкина, Панова, Ермолова-Кречетова, гг. Черневскій, Горевъ, Южинъ, Музиль, Правдинъ, Садовскій, Багровъ, Гаринъ, Охотинъ, Рыбаковъ и друг. Проводы отличались тѣмъ-же дружескимъ характеромъ. Марья Гавриловна была глубоко тронута симпатіями, выказанными ей московскими артистами. Она горячо благодарила всѣхъ“.

Въ Петербургѣ въ 1891 году М. Г. Савина выступала въ слѣдующихъ новыхъ пьесахъ:

191) „Облава“, ком. В. Далматова. Ксенія. (Бенефисъ Далматова).
192) „Въ неравной борьбѣ“, др. Александрова. Лиза.
193) „Похмѣлье“, ком. М. Чайковскаго. Люба. (Бенефисъ М. Г. Савиной.)
194) „Собака садовника“, ком. Лопе-де-Вега. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
195) „Василиса Мелентьевна“, др. Островскаго. Василиса.
196) „Ваалъ“, др. А. Писемскаго. Клеопатра.

197) „Новое дѣло“, ком. В. Немировича-Данченко. Людмила. (Бенефисъ Варламова).
198) „Отрава жизни“, ком. В. Крылова. Жигулева.
199) „Уголокъ Москвы“, ком. Александрова. Крупчанинова.
200) „Рабочая слободка“, др. Е. Карпова. Вдова Арина.

Про **1892 г.** многаго сказать нельзя: М. Г. Савина играла въ этомъ году нѣсколько больше, чѣмъ въ предыдущемъ, при чемъ изъ всѣхъ сыгранныхъ ею пьесъ наиболѣе для нея интересной надо считать драму Бьернсона „Марія Шотландская“.

А почему эта пьеса была особенно интересна для М. Г. Савиной, видно изъ слѣдующей статьи А. С. Суворина, помѣщенной въ „Новомъ Времени“ отъ 20-го декабря 1892 г. (№ 6040):

„Г-жа Савина играетъ Марію. Вчера она играла гораздо лучше и выразительнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Для талантливой артистки эта роль—проба ея таланта въ направленіи совершенно новомъ. По безсвязнымъ отрывкамъ надо изобразить Марію Стюартъ, совершенно не похожую на шиллеровскую, изобразить полуисторическое лицо, съ русской жизнью не имѣющее ничего общаго. Актрисѣ, почти исключительно бытовой, привыкшей къ ролямъ современнаго репертуара, надо было играть какую-то смѣсь шотландскаго съ французскимъ, въ родѣ смѣси французскаго съ нижегородскимъ. Естественно, что она, особенно въ первый разъ, чувствовала себя неловко, даже держалась въ нѣкоторыхъ сценахъ не свободно, точно ее стѣснялъ костюмъ, не двигались руки для свободнаго и выразительнаго жеста. Необходима привычка для подобныхъ ролей и навыкъ. Марію необходимо играть нѣсколько романтично, нѣсколько приподнявъ ея фигуру, ея позу, ея жесты, и все это изучивъ до тонкости. Отъ русскихъ актрисъ невозможно требовать того, что даютъ намъ Дузе и Сара Бернаръ, которыя играютъ однѣ и тѣ же роли по сотнѣ, даже по тысячѣ разъ. Приглядываясь къ игрѣ г-жи Савиной, видишь, какъ она конфузится сдѣлать жестъ, который ей, русской актрисѣ, кажется неестественнымъ. У насъ у всѣхъ жесты удивительно однообразны, и русскіе актеры и актрисы, играя иностранцевъ, остаются въ области своихъ жестовъ, тогда какъ необходимо прямо перерождаться. Сара Бернаръ такъ высоко поднимаетъ руки въ Федрѣ, что были бы видны волоса подъ мышками, еслибъ она не затягивала ихъ бѣлой матеріей. Русская актриса побоится это сдѣлать.

Въ концѣ концовъ изъ этого перваго опыта г-жа Савина вышла рѣшительно успѣшно, давши нѣсколько положеній, переданныхъ ею выразительно, съ энергіей и несомнѣннымъ увлеченіемъ таланта, который чувствуетъ драму тамъ, гдѣ она есть“.

По обыкновенію, М. Г. блестяще отпраздновала и въ этомъ году 23-го января свои „артистическія именины“. Она получила въ бенефисный спектакль — заимствую это изъ „Петербургской Газеты“ (25-го января 1892 г.) — 12 корзинъ, изъ которыхъ одна отъ комитета высшихъ женскихъ курсовъ, а другая отъ драматическихъ курсовъ, 5 букетовъ, 4 вѣнка (одинъ изъ Москвы), звѣзду изъ

„Собака садовника“.

„Василиса Мелентьевна“. IV д.

„Василиса Мелентьевна". V д.

цвѣтовъ, браслетъ-цѣпь съ солитеромъ „отъ неизмѣнныхъ почитателей", браслетъ брилліантовый „отъ кружка дамъ", шкатулочку съ кружевами и полуимперіалами „отъ друзей", гербъ города Минска въ формѣ жетона съ брилліантовымъ шифромъ „отъ минчанъ", серебряный приборъ для свѣжей икры и 2 вышитыхъ подушки.

Въ этомъ году М. Г. Савина сыграла новыя роли въ слѣдующихъ пьесахъ:

201) „Перчатка", ком. Біорнсона. Свава (Бенефисъ Сазонова).
202) „Лѣтнія грезы", ком. В. Крылова. Луговская. (Бенефисъ Сазонова).
*) „Послѣдняя жертва", ком. Островскаго. Тугина. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
203) „Въ такую ночь", ком. Бухарина. Гояринова. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
204) „Въ родномъ углу", ком. П. Невѣжина. Тальникова.
205) „Безъ предразсудковъ", ком. В. Крылова. Батурина. (Бенефисъ Абариновой).
206) „День въ Петербургѣ", ком. М. Чайковскаго. Воротынская. (Бенефисъ Жулевой).
207) „Выборъ гувернера", ком. Д. Фонвизина. Кн. Слабоумова.
208) „Марія Шотландская", др. Біернсона. Марія. (Бенефисъ Аполлонскаго).

1893 г. выдѣлился для М. Г. Савиной своимъ крайне разнообразнымъ репертуаромъ въ отношеніи національности авторовъ пьесъ, въ которыхъ она играла.

Тутъ были пьесы: нѣмецкія, итальянскія, испанскія, русскія.

Впрочемъ, вотъ перечень ихъ:

209) „Сѣти Фенизы", ком. Лопе-де-Вега. Фениза.
210) „Ранняя осень", др. Е. Карпова. Анна Куманина. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
211) „Трактирщица", пьеса К. Гольдони. Мирандолина.
212) „Горячее сердце", ком. Островскаго. Параша.
213) „Цыганка Занда", др. Гангофера и М. Бросинера. Занда.
214) „Венецейскій истуканъ", ком. П. Гнѣдича. Антонида.
215) „Не пойманъ—не воръ", посл. А. Суворина. Женя. (Бенефисъ Дюжиковой).
216) „Дивидендъ", ком. В. Крылова. Кремоухова. (Бенефисъ Варламова).

*) М. Г. Савина играла Тугину въ первый разъ въ 1877 году, въ бенефисъ Бурдина. „Послѣдняя жертва" приведена мною здѣсь потому что шла въ бенефисъ г-жи Савиной. *В. П.*

217) „Рай земной“, ком. Е. Карпова. Званцева.

218) „Спорный вопросъ“, др. Александрова. Ольга Агафонова.

Изъ русскихъ пьесъ, выше перечисленныхъ, наибольшимъ успѣхомъ пользовалась комедія П. П. Гнѣдича „Венецейскій истуканъ“.

Всѣ газеты единодушно расхвалили М. Г. Савину за прекрасное исполненіе роли Коптевой, и выразились приблизительно также, какъ говорятъ „Новости“ 18-го января 1893 года (№ 18).

„Лучшей сценой въ пьесѣ „Венецейскій истуканъ“ былъ, конечно, куртизанскій діалогъ между Юреневымъ и женою Коптева, которую играла г-жа Савина—и играла съ тѣмъ кокетствомъ и съ тою выразительной мимикой, какими отличается ея игра во всѣхъ подобныхъ роляхъ безъ различія времени мѣста и національности“.

Мнѣ случайно попалось въ руки письмо стараго ученаго литератора, написанное послѣ исполненія М. Г. Савиной 18-го января 1893 года роли Анны Куманиной въ драмѣ Е. П. Карпова „Ранняя осень“.

Не могу не сдѣлать изъ этого письма маленькой выдержки: въ немъ высказанъ крайне интересный взглядъ, рисующій очень рельефно сущность дарованія М. Г. Савиной.

„Я прожилъ въ Петербургѣ 33 года“, говорится въ письмѣ: „видѣлъ и слышалъ: Патти, Фіоретти, Нильсонъ, Сарру Бернаръ, Самойлову, Ѳедотову, Ермолову и иныхъ. Всѣ онѣ великія артистки, но Савина въ „Ранней осени“, да Борги въ „Карменъ“ превзошли ихъ, потому что и Савина, и Борги оживотворяютъ на сценѣ мысль, идею, типъ, увлеченія сердца того лица, которое онѣ представляютъ, не прибѣгая къ искусственности. Онѣ обѣ живутъ на сценѣ во время представленія, отдѣляются отъ самихъ себя, перерождаются въ разыгрываемое лицо, вселяются въ его душу, чувствуютъ его сердце и, черезъ это, уже не играютъ, а создаютъ живое лицо, съ его искренними, а не театральными увлеченіями“.

Такъ писалъ старый литераторъ, и знатокъ театральнаго искусства и большой любитель его.

Ни прибавлять къ этимъ словамъ, ни комментировать ихъ нечего; прочтя ихъ, каждый пойметъ, какими чарами обладала М. Г. Савина для того, чтобы создать себѣ огромное количество самыхъ восторженныхъ поклонниковъ — для того, чтобы получить право на такое торжественное празднованіе двадцатилѣтія своей службы въ Петербургѣ, какое было устроено ей **27-го января 1894 года.**

Да, это было настоящее торжество таланта!

Бенефисъ М. Г. Савиной за двадцатилѣтнюю службу очень подробно описанъ въ номерахъ „Петербургской Газеты“ отъ 28-го и 29-го января.

Тамъ напечатано слѣдующее:

„Залъ полонъ самой блестящей публикой... Въ партерѣ пестрятъ фраки и мундиры,—въ ложахъ — нарядные свѣтлые туалеты дамъ...

До поднятія занавѣса среди зрителей идетъ самый оживленный обмѣнъ мыслей по поводу „гвоздя“

Фениза. („Сѣти Фенизы“).

спектакля — „Дворянскаго гнѣзда“ И. С. Тургенева, передѣланнаго въ четырехактную драму П. И. Вейнбергомъ...

Говорятъ о томъ, что Иванъ Сергѣевичъ считалъ М. Г. Савину въ числѣ своихъ наиболѣе близкихъ друзей... Говорятъ о великомъ русскомъ писателѣ, говорятъ, что Марія Гавриловна не могла поступить лучше, симпатичнѣе, благороднѣе—выдвигая на нашу сцену произведеніе тѣхъ родныхъ „титановъ-стариковъ“, имена которыхъ съ гордостью произноситъ каждый истинно русскій человѣкъ...

Чествованіе бенефиціантки начинается послѣ перваго акта пьесы и затѣмъ, при громѣ рукоплесканій публики, продолжается послѣ всѣхъ слѣдующихъ...

Въ результатѣ груды цвѣтовъ и неимовѣрное количество подарковъ...

Цвѣты въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ: здѣсь и вѣнки, и корзинки, и букеты: сколько ихъ—не перечтешь... Маріи Гавриловнѣ передаютъ между прочимъ огромный цвѣточный ключъ и прекрасную маіоликовую вазу съ цвѣтами...

Подарки—брилліанты, золото, серебро, адреса... Брилліантовая звѣзда—отъ драматическихъ писателей, нѣсколько брилліантовыхъ съ цвѣтными камнями вещей—отъ поклонниковъ таланта, большой золотой лавровый вѣнокъ на голубой бархатной подушкѣ, ящикъ со столовымъ серебромъ, ящикъ съ серебромъ чайнымъ, роскошнѣйшая, совершенно свѣтлой черепахи гребенка для головы, адресъ отъ актеровъ частныхъ сценъ, адресъ отъ актеровъ изъ г. Казани...

Отъ самаго входа на сцену вплоть до уборной Маріи Гавриловны положена темно красная парчевая „дорожка“...

Уборная—неузнаваема... Небольшая комнатка, на три ступеньки возвышающаяся надъ сценой, буквально утопаетъ въ цвѣтахъ... Она превращена въ уголокъ прекраснаго зимняго сада, ярко освѣщаемый горящимъ на стѣнѣ, прямо противъ входа въ комнату, вензелемъ, составленнымъ изъ небольшихъ электрическихъ лампочекъ...

Вензель—С. и XX... Это по иниціативѣ талантливаго премьера труппы Н. Ѳ. Сазонова, Маріи Гавриловнѣ устроили ея товарищи по сценѣ...

Здѣсь, на подмосткахъ, составляющихъ по собственному выраженію Маріи Гавриловны „ея жизнь“—„торжество таланта“ происходитъ послѣ третьяго акта „Дворянскаго гнѣзда“...

Марію Гавриловну выводятъ изъ уборной двѣ старѣйшія актрисы казенной сцены... Ее встрѣчаетъ единодушными апплодисментами вся труппа, собравшаяся на сценѣ сзади послѣдней декораціи. Первое привѣтствіе произноситъ В. А. Крыловъ—онъ прочитываетъ очень остроумное стихотвореніе, въ которомъ приведены заглавія всѣхъ пьесъ, игранныхъ г-жей Савиной въ теченіе ея двадцатилѣтняго пребыванія на казенной сценѣ. Послѣ г. Крылова читаетъ адресъ и передаетъ подарокъ г. Федоровъ-Юрковскій, представитель русской драматической труппы. За нимъ слѣдуетъ г. Ивановъ—представитель труппы балетной. Послѣ г. Иванова къ Маріи Гавриловнѣ подходитъ С. М. Сосновскій—артистъ двадцать лѣтъ тому назадъ ставившій въ благородномъ собраніи первый спектакль, въ которомъ г-жа Савина участвовала въ Петербургѣ...

При видѣ г. Сосновскаго, Марія Гавриловна слегка вскрикиваетъ отъ неожиданности и на глазахъ ея показываются слезы...

Затѣмъ читается масса привѣтственныхъ телеграммъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи...

Всѣ телеграммы полны самыми лучшими, самыми искренними пожеланіями—„дорогой“, „талантливѣйшей“, „даровитой“, „красѣ русскаго театра“—Маріи Гавриловнѣ Савиной“...

Въ этотъ юбилейный бенефисъ М. Г. Савина получила слѣдующія подношенія:

Первый подарокъ Марія Гавриловна получила при входѣ въ свою уборную отъ помощниковъ режиссера и суфлеровъ—тонкій золотой браслетъ съ двумя небольшими брилліантиками и красивымъ, бѣлымъ эмалевымъ жетономъ...

На бѣлой эмали—иниціалы артистки, ея девизъ „сцена моя жизнь“ и римская цифра двадцать...

Затѣмъ Марію Гавриловну привѣтствовали театральные плотники, поднесшіе ей хлѣбъ-соль на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ, покрытомъ вышитымъ, ручной работы полотенцемъ...

Прекраснѣйшую золотую брошь талантливая артистка получила отъ Императорской петербургской труппы, передавшей „своему дорогому товарищу“ этотъ подарокъ послѣ прочувствованной рѣчи г. Федорова-Юрковскаго...

Брошь—массивный лавровый вѣнокъ, увѣнчанный Императорской короной. Въ серединѣ короны лира съ небольшой брилліантовой звѣздой наверху и двумя масками (эмблемами драматическаго искусства) внизу... По бокамъ лиры иниціалы юбилярши и двѣ римскихъ цифры десять.

Марія Гавриловна получила два драгоцѣнныхъ вѣнка: золотой, на блѣдно-голубой плюшевой подушкѣ и серебряный, на плюшевой же подушкѣ оливковаго цвѣта.

Золотой вѣнокъ прислали московскіе драматурги В. Александровъ, Невѣжинъ, В. Немировичъ-Данченко и Шпажинскій, серебряный—товарищи Маріи Гавриловны по лѣтней поѣздкѣ (гастролями) 1893 года.

Кромѣ вышепоименованныхъ вещей поднесено еще:

Большое серебряное блюдо—отъ почитателей таланта.

Серебряная вазочка для фруктовъ, яко-бы плетеная изъ соломы и полуприкрытая салфеткой—отъ устроителей французскаго бала (Bal de la colonie française).

Серебряная дощечка съ выгравированной на ней афишей перваго спектакля, въ которомъ Марія Гавриловна участвовала въ Петербургѣ, въ Благородномъ собраніи, двадцать лѣтъ тому назадъ—подарокъ С. М. Сосновскаго.

Большая серебряная масленка въ видѣ шара на ножкахъ.

Хрустальныя чайница и сахарница съ серебряными крышками. При нихъ серебряные щипчики для сахара.

Чудной работы серебряный чайный сервизъ стиля рококо.

Въ высшей степени оригинальная, темно-зеленаго плюша, шкатулка „для ролей“... На крышкѣ шкатулки изображена раскрытая книга, часть первой страницы которой занимаетъ рисунокъ фасада Александринскаго театра... Рисунокъ фасада соединенъ толстой золотой цѣпью съ золотымъ вензелемъ Маріи Гавриловны въ лѣвомъ, верхнемъ углу крышки... Это эмблема, объясняютъ которую написанныя подъ рисункомъ театра слова: „Дай Богъ, на славу родному искусству, чтобы эта цѣпь не порвалась“... Другую страницу книги занимаетъ изреченіе изъ „Дикарки“: „я мила своей простотой и очаровательностью—съ меня и довольно“.

Прекрасное, темно-голубое японское блюдо съ изображеніемъ большого дракона—отъ почитателя таланта Маріи Гавриловны—г-на С—ра, видѣвшаго артистку двадцать лѣтъ тому назадъ въ Благородномъ собраніи...

Лиза. („Дворянское гнѣздо“).

Большая, приблизительно $^3/_4$ аршина длины и $^1/_2$ аршина вышины, деревянная шкатулка съ богатыми бронзовыми украшеніями—отъ публики.

Массивная гребенка „ecaille blonde“.

Красной эмали съ серебрянымъ вензелемъ стаканчикъ—для питья воды на сценѣ.

Роскошный адресъ отъ „провинціальныхъ артистовъ театра Неметти“.

Адресъ исполненъ въ древне-ви-

зантійскомъ стилѣ — отъ руки... Внизу виньетки—очень схожій акварельный портретъ Маріи Гавриловны въ русскомъ костюмѣ... Футляръ адреса—оливковаго плюша съ бронзовымъ замкомъ и бронзовыми украшеніями...

Адресъ отъ товарищества казанскихъ артистовъ.

Адресъ—въ красивомъ, темно-сѣраго плюша, бюварѣ... Третій адресъ, въ темно-синемъ плюшевомъ бюварѣ съ серебряной римской цифрой двадцать—отъ Сидоровскаго драматич. товарищества...

Магда. („Родина").

Драматургъ В. А. Крыловъ поднесъ Маріи Гавриловнѣ составленную имъ брошюру жизнеописанія артистки. Брошюра вложена въ кожанный бюваръ съ вытисненною на немъ золотыми буквами надписью: „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ".

Между массою вѣнковъ, цвѣточныхъ корзинъ и букетовъ, Маріей Гавриловной между прочимъ получены:

Корзина съ живыми цвѣтами отъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Лавровый вѣнокъ отъ журнала „Артистъ".

Вѣнокъ изъ Москвы — „отъ стараго товарища Н. А. Медвѣдевой".

Цвѣточная лира отъ г. Киселевскаго—„моему товарищу таланту М. Г. Савиной".

Вѣнокъ отъ казенныхъ драматическихъ курсовъ.

Отъ почитательницъ таланта Маріи Гавриловны—большой ключъ изъ иммортелей.

Изъ нѣсколькихъ десятковъ полученныхъ въ этотъ день Маріей Гавриловной телеграммъ назовемъ слѣдующія:

Изъ Одессы—отъ газ. „Новороссійскій Телеграфъ" г. Озмидова; изъ Варшавы—отъ старшинъ русскаго собранія; изъ Казани—отъ драматическаго товарищества; изъ Воронежа—отъ драматическаго товарищества; изъ Тифлиса—отъ артистическаго общества; изъ Нижняго-Новгорода—отъ драматическаго товарищества; изъ Харькова—отъ г. Картавова и артистовъ его оперы; изъ Харькова—отъ драматическаго товарищества; изъ Кіева—отъ драматическаго товарищества г. Соловцова; отъ харьковскаго общества любителей драматическаго искусства; изъ Москвы нѣсколько телеграмъ: отъ г-жи Ермоловой, отъ г. Горева, отъ г. Музиль, отъ режиссера Малаго театра г. Чернявскаго, отъ г. Попова, отъ г. Арбенина; изъ Новочеркаска двѣ телеграммы: отъ г. Киселевскаго и отъ г-жи Медвѣдевой...

„Новое Время" и „Новости" говорятъ объ этомъ спектаклѣ такимъ образомъ:

„Новое Время" (20-го января 1894 г., 6436).

„Бенефисъ г-жи Савиной и юбилей двадцатилѣтній. 20 лѣтъ на петербургской спенѣ. Шла передѣлка „Дворянскаго гнѣзда" и старый водевиль „Батюшкина дочка". Бенефиціантка получила множество подарковъ, не считая цвѣтовъ и вѣнковъ; между послѣдними обратилъ на себя вниманіе большой ключъ изъ фіалокъ—вѣроятно это обозначало ключъ отъ сердецъ зрителей. Много брилліантовъ, золота и серебра. За сценой овація артистовъ и артистокъ и поднесены брилліанты; г. Крыловъ сказалъ стихи, въ которые умѣстилъ 20—30 пьесъ, гдѣ участвовала г-жа Савина; даже плотники поднесли рѣзное блюдо съ хлѣбомъ-солью. Въ театральномъ фойэ петербургскіе драматурги поднесли ей брилліантовую звѣзду, причемъ г. Потѣхинъ сказалъ краснорѣчивую рѣчь объ ея талантѣ, о томъ что она держала въ плѣну, не вавилонскомъ, конечно, драматурговъ, и пожелалъ ей блистать, какъ блещутъ брилліанты и проч. Онъ говорилъ очень чувствительно.

М. Г. Савина отвѣчала мило и остроумно, не смотря на усталость подъ бременемъ этихъ овацій и подношеній".

Новости (29-го января 1894 г., № 29).

„Бенефисъ г-жи Савиной, совпавшій на этотъ разъ съ двадцатой годовщиной службы талантливой артистки на казенной сценѣ, прошелъ, по обыкновенію, съ блестящимъ внѣшнимъ успѣхомъ. Театръ былъ переполненъ и имѣлъ особый праздничный видъ. Было много, слишкомъ много цвѣтовъ. Рѣшительно нигдѣ и ни при какомъ другомъ случаѣ нельзя увидѣть въ Петербургѣ, да еще зимой, столько за разъ прелестнѣйшихъ живыхъ цвѣтовъ...

Равномѣрно обильны были и болѣе существенныя подношенія. Трудно и долго было-бы перечислять всѣ эти драгоцѣнности и клейноты ювелирнаго дѣла. Упомянемъ только о золотомъ вѣнкѣ, присланномъ, какъ говорили, московскими товарищами артистки, и о брилліантовой звѣздѣ, сооруженной кружкомъ драматурговъ.

Процедура поднесенія этого множества сувенировъ и безконечныя овацiи удлиннили антракты, такъ что спектакль окончился лишь во второмъ часу".

Кромѣ двухъ бенефисныхъ пьесъ М. Г. Савина играла въ теченіе всего **1894 года** только въ двухъ новыхъ пьесахъ: въ „Первой мухѣ" (219), комедіи В. Крылова и Величко, и въ „Родинѣ" (220), драмѣ Зудермана.

Такъ закончился періодъ двадцатилѣтняго пребыванія Маріи Гавріиловны Савиной на Императорской сценѣ!

Говоря выше о желаніи М. Г. Савиной поставить въ 1887-мъ году, въ свой бенефисъ драму Л. Н. Толстого „Власть тьмы", я сослался на „Воспоминанія" высоко-даровитой артистки.

Вотъ выдержки изъ этихъ „Воспоминаній", напечатанныхъ въ „Пет. Газ." въ январѣ 1894 года.

...Теперь мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о моемъ знакомствѣ съ двумя великими русскими писателями—графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ...

Я говорю „съ двумя" не потому, чтобы забывала третьяго—Ивана Сергѣевича Тургенева, котораго знала гораздо ближе и лучше, чѣмъ Л. Н. Толстого и И. А. Гончарова, избави Богъ—просто про мое знакомство съ Иваномъ Сергѣевичемъ уже столько разсказывалось и писалось, что я ко всему этому не могу добавить отъ себя рѣшительно ничего... Для этого имѣется множество самыхъ разнообразныхъ причинъ...

И такъ, сначало о графѣ Толстомъ...

Къ концу декабря мѣсяца 1886 года я узнала, что графомъ Л. Н. Толстымъ недавно окончена новая пьеса, и такъ какъ бенефисъ мой долженъ былъ въ этомъ году, по обыкновенію, состояться въ серединѣ января, то я и рѣшила просить у графа, для этого спектакля, его драматическое произведеніе.

Медлить было невозможно—я послала графу телеграмму въ Москву, гдѣ онъ въ то время находился, прося его отвѣтить немедленно, согласенъ ли онъ отдать мнѣ свою пьесу въ бенефисъ или нѣтъ.

На телеграмму я получила отвѣтъ—полное согласіе и увѣдомленіе, что пьеса будетъ мнѣ выслана на дняхъ, такъ какъ печатается и немедленно сдѣлать этого нельзя.

Приходилось ждать... Я вооружилась терпѣніемъ, но, къ счастью, не на долго: черезъ два дня я получила, очевидно, только-что вышедшіе изъ подъ типографской машины корректурные листы, которые были мнѣ доставлены въ теченіи двухъ дней, черезъ кондукторовъ курьерскихъ поѣздовъ: одинъ принесъ первую половину, другой—вторую.

Пьеса эта, какъ всѣмъ извѣстно, была „Власть тьмы". Я внимательно перечла ее, пришла въ восторгъ, но рѣшила играть не Марину, какъ этого желалъ графъ, а Акулину.

На это меня прежде всего натолкнули заключительныя слова Акулины, которая въ тотъ моментъ, когда вяжутъ ея мужа выходитъ впередъ и „смѣло становясь" (такъ буквально сказано въ

ремаркѣ), произноситъ: „и я виновата“... Когда-же я глубже вдумалась въ образъ Акулины, то не только не отказалась отъ своего намѣренія, но еще сильнѣе въ немъ укрѣпилась...

Однако въ концѣ-концовъ я принуждена была отказаться отъ удовольствія играть въ бенефисъ въ пьесѣ графа... Въ перепискѣ прошло столько времени, что до моего бенефиса оставалось всего двѣ недѣли, а въ такой короткій срокъ тщательно поставить такое произведеніе какъ „Власть тьмы“ было немыслимо...

Съ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ я познакомилась въ 1874 г...

Иванъ Александровичъ жилъ тогда въ Моховой ул., во дворѣ большого каменнаго дома, кажется существующаго въ томъ же видѣ и до настоящаго времени... Меня привезъ къ нему одинъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ и мы застали маститаго писателя обучающимъ грамотѣ маленькую бѣлокурую дѣвочку съ прелестными голубыми глазами...

Это оказалась дочь прислуги Ивана Александровича. Онъ любовно погладилъ ее по головкѣ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ,—я до сихъ поръ помню его слова: „когда я гляжу въ ясные Сашины глазки, мнѣ становится такъ легко на душѣ“...

„Счастливая дѣвочка“, подумала я, „Гончаровъ учитъ ее читать“...

Умирая, Гончаровъ завѣщалъ ничего не печатать изъ его писемъ,—я свято храню его послѣднюю волю и не хочу предавать гласности ни одного изъ тѣхъ милыхъ, остроумныхъ посланій, которыми онъ меня часто баловалъ.

Въ моемъ книжномъ шкафу стоитъ первый томъ „Обыкновенной исторіи“... На заглавномъ листѣ его имѣется слѣдующая надпись: „Славной артисткѣ, очаровательной женщинѣ и милой доброй пріятельницѣ Маріи Гавриловнѣ Савиной—сердечное приношеніе отъ старичка автора на доброе о немъ воспоминаніе“. Подписано И. Гончаровъ 4-го марта 1887 годъ...

Эта книга одна изъ самыхъ дорогихъ для меня моихъ вещей... Я часто перебираю ея страницы и часто вспоминаю человѣка, написавшаго эти нѣсколько строкъ—его добрые, кроткіе глаза, его тихую, ласковую рѣчь...

Помню, какъ иногда, сидя у меня по вечерамъ, Иванъ Александровичъ читалъ стихи, излюбленную имъ „Сцену у фонтана“ и „Письмо Татьяны“... Читалъ онъ ихъ на распѣвъ, скандируя стихъ, а о манерѣ чтенія стиховъ вообще говорилъ: „ихъ надо читать такъ, чтобы непремѣнно была слышна каждая рифма“.

Въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходился съ И. С. Тургеневымъ. „Вы избѣгаете стиховъ“, толковалъ мнѣ не разъ Иванъ Сергѣевичъ,—„потому что вы ихъ боитесь... Напрасно—съ ними не надо церемониться“...

„Въ старые годы“.

Во время двадцатилѣтней службы въ Императорскомъ театрѣ М. Г. Савина не забывала и своей сценической колыбели—„провинціи“. Она ѣздила на гастроли по всей Россіи, главнымъ образомъ, лѣтомъ, и только изрѣдка весной.

О гастроляхъ М. Г. Савиной въ провинціи я скажу всего нѣсколько словъ. Новыхъ ролей она въ провинціи не играла, за исключеніемъ первыхъ двухъ поѣздокъ, а приводить отзывы провинціальной печати о роляхъ, уже сыгранныхъ г-жею Савиной въ Петербургѣ, значило-бы до извѣстной степени повторяться.

Послѣ своего поступленія на Императорскую сцену, М. Г. первый разъ выѣхала на гастроли въ провинцію въ **1879** году весной, взявъ отпускъ у дирекціи. Она уѣхала въ Кіевъ къ І. Я. Сѣтову и сыграла 38 спектаклей, а въ томъ числѣ новыя пьесы, о которыхъ упоминалось выше. Ихъ было двѣ, и обѣ шекспировскія: „Много шума изъ ничего“ (Беатриче) и „Ромео и Джульета“ (Джульета). Бенедикта и Ромео съ М. Г. Савиной игралъ въ этихъ спектакляхъ А. П. Ленскій.

Къ этому времени относится слѣдующее интересное стихотвореніе покойнаго Монахова, посвященное М. Г. Савиной, и сохранившееся въ коллекціи Я. Ѳ. Сахара...

Хотя посланница Вы сѣверныхъ небесъ,
Но яркою звѣздой на югѣ Вы горите
И какъ волшебница буквально рядъ чудесъ
Надъ кіевлянами безжалостно творите:
Театръ всегда пустой, какъ Африки пустыня,
Талантомъ Вашимъ вдругъ обильно населенъ
И въ Сѣтова карманъ валится благостыня,
И гордо въ длинный плащъ драппируется онъ.

* * *

Переполохъ пошелъ и въ университетѣ.
По вашей милости свихнулся секретарь,
Мракъ запустѣнія царитъ теперь въ совѣтѣ.
Умолкнулъ секретарь и не бурлитъ какъ встарь.
Одни лишь сторожа, съ утра въ мундиръ одѣты,
Инструкцій отъ него нетерпѣливо ждутъ,

И секретарскіе дрожа принявъ букеты,
Толпою стройною къ Вамъ на поклонъ несутъ.

* * *

Роженицъ скорбный хоръ вопль грозный поднимаетъ.
Исчезъ съ лица земли нашъ славный акушеръ,
Ужъ цѣлый мѣсяцъ онъ больныхъ не принимаетъ
И дверь велѣлъ свою захлопнуть на запоръ.
Всему виною Вы, его Вы доконали;
Погибъ безвременно хирургъ и акушеръ,
А чтобы Вы объ этомъ дѣлѣ знали,—
Стихи сіи сложилъ товарищъ Вашъ, актеръ,
Который самъ умѣлъ когда-то пѣть сонеты
Таланту, красотѣ, но нынче какъ-то смолкъ
И скромные подчасъ сплетая Вамъ букеты,
Самъ бѣгаетъ отъ Васъ, какъ бы на травлѣ волкъ,
Но повторяетъ онъ, что какъ себѣ хотите,
А Вы для Кіева посланница небесъ—
И много Вы еще, злодѣйка, натворите
Надъ кіевлянами ужаснѣйшихъ чудесъ.

Въ **1880 году** М. Г. Савина гастролировала въ маѣ и іюнѣ въ Одессѣ. Она сыграла 22 спектакля, и въ одномъ изъ нихъ покойный Киселевскій упросилъ ее разучить новую роль въ драмѣ „Материнское благословеніе“: пьеса шла въ его бенефисъ и покойный талантливый артистъ разсчитывалъ значительно повысить сборъ, благодаря участію въ спектаклѣ г-жи Савиной. Онъ не ошибся: сборъ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, былъ полный и публика устроила двѣ овацiи—одну бенефиціанту, другую „петербургской премьершѣ“.

Въ **1881 году** въ іюнѣ М. Г. Савина выступала въ Москвѣ. Здѣсь она сыграла всего 7 спектаклей: одинъ въ театрѣ А. Бренко въ Петровскомъ паркѣ и шесть у М. В. Лентовскаго, въ саду „Эрмитажъ“. На всѣхъ этихъ спектакляхъ присутствовалъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, И. С. Тургеневъ.

Въ **1887 году** лѣтомъ М. Г. Савина совершила большую поѣздку по провинціи, подробно и очень интересно описанную М. В. Карнѣевымъ.

Гастроли высокодаровитой артистки начались съ Тифлиса, гдѣ она сыграла съ 10-го мая по 2-ое іюня 18 спектаклей.

„1-го іюня состоялся въ Тифлисѣ бенефисъ Маріи Гавріиловны“, говоритъ г. Карнѣевъ: „этотъ спектакль съ самаго начала до конца, былъ величественнымъ тріумфомъ артистки. При выходѣ ее встрѣтилъ дождь изъ лепестковъ разноцвѣтныхъ розъ, дождь этотъ повторялся въ каждомъ актѣ. Громъ аплодисментовъ въ этотъ вечеръ потрясалъ театръ. Ей было подано 109 букетовъ. Букеты были съ лентами и шелковыми матеріями мѣстнаго, персидскаго и Бухарскаго производства. На роскошной лентѣ одного изъ букетовъ отчеканено. „Не забывайте кавказцевъ. Видѣть васъ—для насъ счастье. Великому и несравненному таланту Мар. Гавр. Савиной. 1-го іюня 1887 года городъ Тифлисъ“. На другомъ роскошнѣйшемъ букетѣ: „Привѣтъ изъ Петербурга. Дорогой Маріи Гавріиловнѣ. Берегите свое здоровье. Ждемъ съ нетерпѣніемъ нашу „чародѣйку“. Ей поднесены были многочисленные подарки: роскошный альбомъ съ видами Кавказа, Военно-Грузинской дороги, Тифлиса, съ золотой надписью: „отъ преклоняющихся передъ торжествомъ истины въ игрѣ—гордости и славѣ нашей сцены Мар. Гавр. Савиной“. Тифлисъ 1-го іюня 1887 г. Другой превосходный альбомъ былъ поднесенъ отъ труппы товарищей—артистовъ, съ ихъ портретами. Поднесена была персидской работы шитая разноцвѣтными шелками скатерть и такой-же работы все необходимое для азіатской тахты. Затѣмъ поднесена ажурной Ахалцихской работы прекрасная изящная корзинка съ цвѣтами съ вырѣзанной надписью „горячо, горячо благодаримъ за пріѣздъ къ намъ несравненную Марію Гавріиловну. Не забывайте насъ“. 1-го іюня 1887 года; гор. Тифлисъ. Отъ армянскаго драматическаго Общества — серебрянные, старинной

работы формы и кувшины съ чашею для вина, прелестно декорированные въ драгоцѣнную восточную матерію. Вызовы были безконечны. Зрители долго не выходили изъ театра: хлопали, махали платками, стучали креслами, крики „браво“ смѣнялись криками „благодаримъ, благодаримъ и ура“. Овацiи не ограничились театральной залой. У театральнаго подъѣзда ожидало любимицу публики ландо, запряженное бѣлыми лошадьми. Едва артистка появилась, какъ грянулъ хоръ военной музыки, улица освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями, и ликующіе крики и привѣтствія огласили воздухъ.

Самара. 1887 г.

Дорогую бенефиціантку на рукахъ внесли въ ландо, которое тотчасъ же было окружено толпою. Процессія двинулась шагомъ. Фаэтоны, наполненные дамами и барышнями, махающими зонтиками и платками, и кавалерами, держащими свои шапки вверхъ на палкахъ, двинулись вмѣстѣ съ многочисленной толпой къ квартирѣ артистки къ гостинницѣ „Кавказъ“. На поворотѣ съ подъема Барятинскаго на Головинскій заиграла зурна. Отсюда открылась величественная картина. Многотысячная единодушная ликующая толпа народа, восторженно привѣтствующая любимую артистку, огни фаэтоновъ, собранныхъ со всего города, разнообразныя и красивыя группы, въ нихъ разноцвѣтные бенгальскіе огни, зажигаемые по всему пути слѣдованія—придавали картинѣ какой-то фантастическій характеръ. У гостинницы „Кавказъ“ встрѣтили артистку другой хоръ военной музыки и фейерверкъ съ римскими свѣчами, вертящимися колесами и выстрѣлами. Процессія остановилась при звукахъ музыки, Марія Гавріиловна вошла къ себѣ. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ запрудила всю площадь. Артистка 2 раза появлялась на балконѣ гостинницы, чтобы благодарить публику. Музыка, зурна, оглушительные привѣтственные клики и вообще всѣ овацiи, наконецъ, настолько разстроили нервы М. Г., что она впала въ продолжительный обморокъ. Внизу не знали этого и оглушительныя овацiи продолжались. Черезъ полчаса М. Г. очнулась, собрала свои силы, и снова вышла поблагодарить публику съ балкона. Публика разошлась около часу ночи. 6-го іюня въ лѣтнемъ помѣщеніи Тифлисскаго кружка состоялся обѣдъ въ честь Маріи Гавріиловны Савиной, устроенный членами и кандидатами этого учрежденія—поклонниками таланта артистки. Чествуемой артисткѣ, по прибытіи ея, поданъ былъ изящный изъ бѣлыхъ и чайныхъ розъ букетъ. Во все время обѣда играла военная музыка. Передъ дессертомъ поднесенъ былъ любимой артисткѣ, отъ поклонниковъ ея таланта адресъ съ художественной виньеткой—акварелью работы мѣстнаго художника Занковскаго *). Виньетка изображаетъ на верху на медаліонахъ—Эльбрусъ и Казбекъ, внизу—видъ города Тифлиса въ наиболѣе характерной его части близъ ботаническаго сада; все это изящно переплетено виноградными лозами, перевитыми свитками, на которыхъ обозначены тѣ пьесы, въ которыхъ играла Марія Гавріиловна. Всѣ рѣчи сопровождались тостами за здоровье любимой артистки и хоровымъ „мравалжамiеръ“. Обѣдъ прошелъ въ высшей степени оживленно и задушевно. Въ заключеніе обѣда чествуемой артисткѣ поднесли въ воспоминаніе ея пребыванія на Кавказѣ большихъ размѣровъ картину того же художника Занковскаго. „Дарьяльское ущелье при лунномъ освѣщеніи“. Картина эта пріобрѣтена по подпискѣ. Сборъ за всѣ спектакли труппы, въ которой гастролировала М. Г. Савина, былъ болѣе 38,000 руб., такъ что на долю М. Г. досталось до 12,000 руб., а артистамъ пришлось на марку по 1,100 руб.

Окончивъ свои гастроли въ Тифлисѣ, Марія Гавріиловна встала во главѣ товарищества артистовъ и выѣхала съ нимъ 9-го іюня въ Владикавказъ, гдѣ сыграла 4 спектакля. Абонементные билеты на первые два спектакля, не смотря на значительно возвышенныя цѣны, были быстро

*) Снимокъ съ этого адреса будетъ помѣщенъ въ третьемъ отдѣлѣ.

расхватаны публикою еще задолго до пріѣзда артистки въ Владикавказъ, мало того, она вытѣснила оркестръ изъ театра и заняла всѣ мѣста. Затѣмъ объявлена была подписка еще на два спектакля, утренній и вечерній, давшая тоже самые благопріятные результаты. Изъ Владикавказа товарищество М. Г. Савиной отправилось на Ростовъ, гдѣ сыграно имъ было 4 спектакля, затѣмъ въ Новочеркасскъ и Воронежъ, гдѣ было дано 7 спектаклей. Вездѣ былъ успѣхъ полный, сборы небывалые, достигающіе, какъ напр., въ Ростовѣ, до 1,500 руб. Билеты разбирались на нѣсколько спектаклей впередъ. Каждый изъ нихъ сопровождался безконечными овaціями въ честь Маріи Гавріиловны. Даровитую артистку положительно засыпали цвѣтами. 1 іюля Марія Гавріиловна закончила свои гастроли по Югу Россіи и уже 5-го была въ Петербургѣ, гдѣ выступила въ Красносельскомъ театрѣ 9-го іюля въ ком. Шпажинскаго „Соловушка". Сыгравъ тамъ 10 спектаклей, она 8-го августа вновь двинулась въ артистическое турне по Волгѣ, начавъ его съ Казани, гдѣ выступила 11 августа въ ком. „Надо разводиться". Въ Казани товариществомъ было дано 5 спектаклей. 17 августа она направилась въ Самару, гдѣ Марія Гавріиловна гастролировала 18 августа въ „Дикаркѣ". Сыгравъ 4 спектакля, товарищество 21 августа поѣхало въ Саратовъ, гдѣ было поставлено семь спектаклей. 30 августа Марія Гавріиловна простилась въ драмѣ „Чародѣйка", съ Саратовской публикой, принимавшей во время гастролей болѣе чѣмъ радушно свою любимицу. Она 31 августа выѣхала въ Петербургъ, и тамъ чуть-ли не прямо съ желѣзной дороги, 2-го сентября выступила на сценѣ Александринскаго театра въ ком. „Соловушка". Артистическое турне Маріи Гавріиловны этого года было одно изъ самыхъ блестящихъ. Воловой сборъ всѣхъ спектаклей достигъ болѣе 45,000 рублей, изъ которыхъ на долю талантливой гастролерши пало 20,300 руб.

По поводу тріумфовъ М. Г. Савиной въ Тифлисѣ я нашелъ въ „Новомъ Времени" слѣдующую перепечатку изъ „Гражданина":

Князь Мещерскій приводитъ въ „Гражданинѣ" выписки изъ дневника одного кавказскаго князя, относящіяся къ пребыванію г-жи Савиной въ Тифлисѣ. Издатель „Гражданина" увѣряетъ, что выписки „исторически вѣрны". Во всякомъ случаѣ, онѣ недалеко отъ истины, хотя бы и были сочинены въ Петербургѣ. Вотъ эти выписки:

„Сегодня было чудесно хорошо. Два раза меня впрягали въ коляску Савиной".

Другая выписка:

„Сегодня назначенъ въ ночной караулъ подъ балкономъ Савиной. Чудесно хорошо".

Третья выписка:

„Я говорилъ рѣчь на обѣдѣ для Савиной, и ужасно хорошо говорилъ: „Ты больше святой Нины,—потому, Нина была просвѣтительница Грузіи, а ты, Марья Гавриловна, просвѣтительница цѣлаго Кавказа".

Пріятель кн. Мещерскаго разсказывалъ ему, что

за этимъ обѣдомъ были уподобленія г-жи Савиной съ богинями, съ мадоннами, съ святыми угодницами и съ Екатериною Великою... Затѣмъ, одинъ армянинъ предложилъ въ память этого дня назвать г-жу Савину Маріею Тифлисскою, какъ есть, напримѣръ, Марія Египетская.

Другой армянинъ-писатель сказалъ, „что есть только два существа въ Россіи, которыя теперь стали выше всѣхъ людей, не государственными заслугами, не богатствами, не орденами, а великими добродѣтелями, вліяніемъ на весь народъ и безконечнымъ человѣколюбіемъ, это графъ Левъ Толстой и Марія Гавриловна Савина".

Одинъ кавказецъ, описывая восторгъ своей родины въ честь Савиной, выразился мнѣ такъ: „Ну, однимъ словомъ, что вамъ сказать: во все время пребыванія Маріи Гавриловны у насъ въ Тифлисѣ она ни разу не выѣхала на лошадкѣ, все время на насъ"!

Въ **1889 году** товарищество артистовъ отправилось, во главѣ съ М. Г. Савиной, сначала въ Кіевъ (11 спектаклей), затѣмъ въ Курскъ (5 сп.), Харьковъ (5 сп.), Николаевъ (2 сп.), Одессу (5 сп.), Кишиневъ (5 сп.), снова въ Николаевъ (4 сп.) и Елизаветградъ (4 сп.). Этимъ-же лѣтомъ М. Г. сыграла 12 спектаклей въ Нижнемъ-Новгородѣ, на ярмаркѣ.

Во время этой поѣздки М. Г. Савина получила два адреса, не привести которыхъ я считаю невозможнымъ.

Одинъ адресъ отъ кіевскихъ студентовъ, другой—отъ одесскихъ.

Первый адресъ слѣдующій:

Марія Гавріиловна!

„Своею чарующею, дивной игрой, своимъ неподражаемымъ талантомъ, вы, какъ истинная „Чародѣйка“ Русской сцены, давно приковали къ себѣ сердца всѣхъ, кому дорого искусство. Въ нынѣшній пріѣздъ, послѣ долгой разлуки съ Кіевомъ, въ нашей средѣ, между другими поклонниками, вы нашли и такихъ, которые не имѣли еще времени и случая восхищаться вами, и мы приносимъ нынѣ дань восторга и благодарности за тѣ часы истинно-эстетическаго наслажденія, которыми вы насъ подарили. Въ вашемъ лицѣ мы видимъ славу и гордость Русской сцены и съ неподдѣльнымъ и искреннимъ чувствомъ высказываемъ пожеланія, чтобы ваша артистическая дѣятельность продлилась на многіе и многіе годы, съ тѣмъ же торжествомъ, съ тою же неувядаемою славою, какъ и нынѣ.

Студенты университета
Св. Владиміра“.

Второй адресъ таковъ:

Высокоуважаемая
Марія Гавріиловна!

„Короткія гастроли, которыми вы насъ подарили въ нынѣшній пріѣздъ, оставили въ нашихъ сердцахъ невыразимое впечатлѣніе. Обаяніе вашего таланта, столь сильное, чудные столь жизненно созданные рѣдкимъ дарованіемъ типы, такъ хорошо оцѣнены интеллигентной Россіею, что врядъ-ли мы, благодарные вамъ студенты, можемъ что-либо еще вплести въ лавровый вѣнокъ вашей славы, кромѣ русскаго „спасибо“ за доставленное намъ художественно реальной игрой эстетическое наслажденіе“.

„Татьяна Рѣпина“.

Въ **1890 году** весной Марія Гавріиловна гастролировала въ Одессѣ, Николаевѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ-на-Дону, Владикавказѣ и Тифлисѣ. Въ августѣ она сыграла 10 спектаклей въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки.

Въ **1891 году** М. Г. Савина опять совершила большую поѣздку по провинціи. Она уѣхала изъ Петербурга весной и начала свои гастроли 24-го апрѣля въ Вильно. Изъ Вильно товарищество съ М. Г. Савиной во главѣ направилось сначала въ Варшаву, гдѣ сыграла 5 спектаклей при полныхъ сборахъ въ лѣтнемъ Императорскомъ театрѣ, въ Саксонскомъ саду, а затѣмъ—въ Люблинъ (2 сп.), Минскъ (5 сп.), Орелъ, Астрахань, Царицынъ, Самару и Казань. Всѣхъ спектаклей было сыграно около сорока.

Въ **1892 году** постомъ М. Г. Савина сыграла 15 спектаклей съ артистами Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ въ Варшавскомъ Большомъ театрѣ.

Мк 535547

Сборы были прекрасные, театръ постоянно полонъ. Въ среднемъ товарищество получило по тысячѣ рублей за представленіе, собравъ на пятнадцати спектакляхъ 13,536 зрителей,

Лѣтомъ того же года Марія Гавріиловна сыграла 37 спектаклей на югѣ Россіи: въ Харьковѣ—8, Кіевѣ—6, Екатеринославлѣ—6, Ростовѣ-на-Дону—8, Новочеркасскѣ—2, Таганрогѣ—2, Полтавѣ—2, Кременчугѣ—2, и Елисаветградѣ—3, причемъ въ эту поѣздку она пользовалась особеннымъ успѣхомъ въ драмѣ А. С. Суворина „Татьяна Рѣпина“.

Въ **1893 году** въ маѣ мѣсяцѣ М. Г. Савина снова уѣхала изъ Петербурга на гастроли: въ Харьковъ, Кіевъ, Полтаву, Николаевъ, Херсонъ, Одессу, Екатеринославль, Севастополь, Симферополь, Ялту, Ѳеодосію, Бердянскъ, Маріуполь. Результаты гастрольнаго путешествія и въ этомъ году оказались блестящими. Всѣхъ спектаклей было дано 19. Изъ Екатеринославля Марія Гавріиловна уѣхала въ Друскеники на воды, гдѣ отдыхала три недѣли, и затѣмъ, съ 8 іюля по 30, она гастролировала снова на Южномъ берегу Крыма, гдѣ было дано товариществомъ съ ея участіемъ 19 спектаклей (въ Севастополѣ—5, въ Симферополѣ—3, въ Ялтѣ—2, въ Ѳеодосіи—3, въ Бердянскѣ—3, въ Маріуполѣ—3). За обѣ поѣздки М. Г. Савина получила 11,200 р., а товарищество выработало двойное жалованье, кромѣ суточныхъ и дорожныхъ.

Лица, не знакомыя съ организаціей провинціальныхъ поѣздокъ М. Г. Савиной, часто упрекали ее въ томъ, что она яко-бы лишаетъ куска хлѣба своихъ провинціальныхъ собратьевъ, которыхъ не идутъ смотрѣть съ перваго же появленія въ городѣ анонса о гастроляхъ М. Г. Савиной, и еще долгое время послѣ этихъ гастролей.

Это обвиненіе въ высшей степени не справедливо: Марія Гавріиловна ѣздитъ на гастроли всегда съ очень большой труппой, составленной исключительно изъ провинціальныхъ артистовъ. А такъ какъ спектакли высокодаровитой артистки постоянно дѣлаютъ прекрасные сборы, то, очевидно, М. Г. Савина, напротивъ, даетъ своимъ провинціальнымъ собратьямъ очень хорошій заработокъ.

Если М. Г. Савина невольно немного отнимаетъ у однихъ, то она за это сторицею вознаграждаетъ другихъ такихъ же провинціальныхъ тружениковъ, но только болѣе заслуживающихъ участія и поддержки. Провинціальные артисты и артистки, съ которыми ѣздитъ на гастроли М. Г. Савина, всегда люди безусловно даровитые, а лицедѣи, жалующіеся, что публика не хочетъ ихъ смотрѣть до и послѣ пріѣзда Савиной, — большею частью круглыя бездарности, не могущія серьезно заинтересовать интеллигентнаго зрителя, и привлекающія въ театръ публику только потому, что другого развлеченія въ городѣ нѣтъ.

Не желая сознаться въ собственномъ ничтожествѣ, эти люди бросаютъ грязью и въ великую артистку, и въ добраго, хорошаго, отзывчиваго человѣка!

Если у нихъ еще не потеряна совѣсть—пусть подумаютъ о томъ, что дѣлаютъ!..

... Этимъ небольшимъ отступленіемъ я заканчиваю обзоръ двадцатилѣтней дѣятельности Маріи Гавріиловны Савиной на петербургской Императорской сценѣ и въ провинціальныхъ театрахъ, гдѣ она появлялась, оставляя у публики,—позволяю себѣ повторить слова одесскихъ студентовъ,—„въ сердцахъ невыразимое впечатлѣніе!“.

II 74/75

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА. БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ В. В. ПРОТОПОПОВА.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ СЪ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ М. Г. САВИНОЙ — АВТОГРАФОМЪ И. ЩЕГЛОВА.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ

Выпускъ III.

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО И ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „ТРУДЪ“. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Іюня 1900 года.

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. Дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

„...И потомъ еще — трогательная подробность: — Когда, послѣ одного изъ актовъ „Мѣсяцъ въ деревнѣ", Вѣрочку-Савину стали усиленно вызывать, она, раскланиваясь съ публикой, особенно выразительно и благодарно кивала влѣво, въ сторону литерной ложи. Публика догадалась въ чемъ дѣло и стала настойчиво вызывать „автора". Мгновеніе — и, въ темнотѣ ложи, показалась знакомая и дорогая сердцу каждаго русскаго величественная сѣдая голова. Что тутъ произошло — невозможно передать! Точно весенній радостный ливень, хлынулъ въ сторону ложи новый неистовый потокъ рукоплесканій, превратившійся, по окончаніи пьесы, въ настоящую бурю народнаго восторга — и въ этомъ чаду славы, въ общемъ дружномъ кликѣ нежданно слились воедино два дорогихъ для роднаго искусства имени: Тургеневъ и Савина..."

(Очеркъ: „Чародѣйка русской сцены")

Иванъ Щегловъ

„Я пришла, увлекайте меня...“
Клара („Невѣрная“ 1897 г.)

ятилѣтіе, закончившее четвертьвѣковую дѣятельность М. Г. Савиной на Императорской сценѣ, началось для нея 2-го января **1895 года** ролью Валентины (221) въ комедіи Вл. И. Немировича-Данченко „Золото“.

„Золото“ не прибавило новыхъ лепестковъ къ вѣнку славы Маріи Гавріиловны, но за то въ этомъ году ей удалось выполнить свое давнишнее желаніе, о которомъ уже упоминалось выше—сыграть въ драмѣ Л. Н. Толстого „Власть тьмы“.

Прилагаемые 5 портретовъ г-жи Савиной—Акулины (222) показываютъ, какой типичный образъ создала Марія Гавріиловна изъ придурковатой крестьянской дѣвушки. Она „пожертвовала собой“, говорила и публика и пресса послѣ перваго представленія въ Александринскомъ театрѣ „Власти тьмы“. Эта „жертва“ выразилась въ томъ, что г-жа Савина изобразила Акулину и по внѣшности такой-же, какъ ее задумалъ авторъ: некрасивой молодой женщиной съ выраженіемъ лица, вполнѣ отражающимъ низкій уровень ея умственнаго и нравственнаго развитія.

Нечего говорить, что успѣхъ г-жи Савиной во „Власти тьмы“ былъ полный.

Въ свой бенефисъ въ этомъ году Марія Гавріиловна поставила въ первый разъ драму Ибсена „Праздникъ въ Сольгаугѣ“, сыгравъ въ ней роль Маргитъ (223).

Объ этомъ спектаклѣ имѣется слѣдующій отзывъ въ „Новомъ Времени“ (4-го февраля 1895 года, № 6802).

„Сегодня Александринскій театръ, по случаю бенефиса М. Г. Савиной, какъ и всегда, былъ переполненъ поклонниками ея таланта. По примѣру прошлаго, зала гремѣла рукоплесканіями при выходахъ бенефиціантки и въ антрактахъ; какъ и всегда, на сцену подавались безконечной вереницей вѣнки, букеты, корзины и цѣнные подарки, изъ коихъ выдѣлялась большая серебрянная ваза съ цвѣтами. Кромѣ возобновленной комедіи Н. Николаева „Тетенька“, написанной въ стилѣ В. А. Крылова, была представлена норвежская драма Ибсена „Праздникъ въ Сольгаугѣ“ изъ рыцарскихъ временъ. Пьеса эта успѣха не имѣла“.

Въ 1895 году М. Г. Савина сыграла новыя роли еще въ слѣдующихъ пьесахъ:

224) „Горе отъ ума“, ком. А. Грибоѣдова. Горичева. 100 лѣтній юбилей рожденія Грибоѣдова.

225) „Поздняя любовь“, сц. Островскаго. Лебедкина. (Бенефисъ Федорова).

226) „Мыльные пузыри“, ком. Ѳедотова. Зина. (Бенефисъ Жулевой).

227) „Термидоръ“, др. В. Сарду. Фабіенна Лекуте.

228) „Темная сила“, др. И. Шпажинскаго. Клеопатра. (Юбилейный бенефисъ Сабуровой за 50 л.).

229) „Приличія“, ком. В. Билибина. Софья Васильевна. (Бенефисъ Сазонова).

Въ **1896 году** бенефисъ М. Г. Савиной состоялся 9-го января. Въ этотъ день въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась слѣдующая замѣтка:

„Хотите знать сегодняшнюю физіономію настоящаго петербуржца?

Утомленная физіономія, одно могу сказать. Прическа сбита, взглядъ мутенъ, поступь невѣрная, на лицѣ или выраженіе полнаго отчаянія, или безумный восторгъ.

Валентина. („Золото“ 1895 г.).

Въ послѣднемъ случаѣ бумажникъ совершенно пустъ, но за то тамъ лежитъ билетъ на сегодняшній бенефисъ г-жи Савиной.

Билетъ на бенефисъ Марьи Гавриловны — это нѣчто вродѣ аттестата зрѣлости. Его неловко не имѣть. Но, увы, — его гораздо труднѣе получить. Знаніе древнихъ языковъ тутъ рѣшительно не помогаетъ, нужна протекція и счастье.

Говорятъ, что квартира Марьи Гавриловны за послѣднюю недѣлю передъ бенефисомъ похожа на адресный столъ, — всѣ толпятся, лѣзутъ, работаютъ кулаками и локтями, готовы или схватить другъ друга за горло, или разорвать бѣдную Марью Гавриловну на куски.

Еще-бы! Считаться кровнымъ петербуржцемъ и — не попасть на бенефисъ петербургской Сарры Бернаръ — это все равно, что пріѣхать въ Москву и не побывать у Тѣстова. Въ томъ и другомъ случаѣ высшая прелесть города для васъ утрачена“.

О самомъ бенефисѣ дало наиболѣе интересный отзывъ „Новое Время“ (10-го января 1896 года, № 7136).

„Бенефисъ М. Г. Савиной. Полный театръ. Идетъ „Генеральша Матрена“, пьеса г. Крылова и г. Северина (г-жа Мердеръ). Публика ждетъ появленія бенефиціантки. Пьесу слушаютъ не внимательно. Принимаютъ за г-жу Савину другую артистку и аплодируютъ ей, потомъ смѣются своей ошибкѣ. Покашливанія и шумъ продолжаются. Наконецъ, она появляется. Рукоплесканія и поклоны. Артистка, съ тѣмъ тактомъ, который она умѣетъ обнаруживать, спѣшитъ начать роль. Она начинаетъ ее превосходно, въ настоящемъ тонѣ и выдерживаетъ до конца съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Послѣ каждаго акта — цвѣты и подношенія, множество цвѣтовъ, цѣлая оранжерея. Поднесены: серебрянный чайный и кофейный сервизы, серебрянная маслянка, золотая цѣпь съ жемчугомъ, бриллiантовый перстень и проч. Артистка могла убѣдиться, что владѣетъ всѣми сим-

II дѣйствіе

I дѣйствіе

I дѣйствіе

III дѣйствіе

V дѣйствіе

Акулина („Власть Тьмы“) 1895 г.

патіями зрителей и что талантъ ея — свѣжъ и увлекателенъ".

Маргитъ. („Праздникъ въ Сольгаугѣ" 1895 г.).

Кромѣ „Генеральши Матрены" (230), М. Г. Савина въ 1896 году играла интересныя роли въ „Гибели Содома", драмѣ Зудермана и „Идеальной женѣ", комедіи Марко Прага.

Театральный критикъ „Петербургской Газеты" г. Homo novus отзывается слѣдующимъ образомъ объ игрѣ М. Г. Савиной въ „Гибели Содома".

„Г-жа Савина наложила на роль Адды немного грустный колоритъ, но все-таки это удивительно тонко, картинно и воздушно. Адда выходитъ въ первомъ актѣ въ костюмѣ Карменъ. Г-жа Савина вышла въ обыкновенномъ платьѣ. Правда, удлинивъ платье, она укоротила роль и вмѣсто Адды, въ которой кипятъ еще молодыя силы, изобразила полу-увядшую женщину, ликвидирующую „тяжелый возрастъ". Но это прелестно, это вольное толкованіе, и быть можетъ, гораздо умнѣе, чѣмъ образъ Зудермана".

„Новое Время" въ своей рецензіи объ этомъ спектаклѣ 4-го октября 1896 года, № 7401) замѣчаетъ, что „г-жа Савина очень тонко, какъ это ей свойственно, сыграла несимпатичную роль Адды Барциновской".

Адду Барциновскую (231) г-жа Савина сыграла 2-го октября, а Юлію Компіани (232) въ комедіи М. Прага „Идеальная жена"—22-го ноября.

Очень интересенъ отзывъ объ „Идеальной женѣ" талантливаго критика „Петербургской Газеты" г. Homo novus'a (24-го ноября 1896 года № 325).

„Г-жа Савина превосходно играетъ третій актъ. Длинный монологъ, который она произноситъ въ концѣ, образецъ не только талантливаго, но и удивительнаго съ технической стороны исполненія. Самый-же образъ „Идеальной жены", въ исполненіи г-жи Савиной, представляется мнѣ неяснымъ и спутаннымъ. Я-бы желалъ больше женскаго обаянія, больше простоты, легкости и непринужденности. Эта милая идеальная жена потому и мила, и идеальна, что одна и та же мягкость, которая заставляетъ мужа вѣрить въ ея добродѣтель, держитъ долгое время въ очарованіи ея любовника. Это однородная мягкость и вся разница не въ качествѣ, а въ силѣ тона. Двуликій Янусъ, она въ сущности, всегда видна только со стороны ласки, со стороны одуряющей женской мягкости и покоряющаго кокетства. У нея нѣтъ разныхъ пріемовъ. Она всегда одна, и она лжетъ, когда говоритъ правду, и говоритъ правду, когда лжетъ.

„Генеральша Матрена" 1896 г.

Вотъ замѣчанія, которыя я считаю нужнымъ высказать, считая все-таки игру г-жи Савиной образцомъ крупнаго мастерства".

Съ двумя послѣдними строками г. Homo novus'a вполнѣ гармонируетъ слѣдующее мнѣніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (24-го ноября 1896 года, № 324).

„Идеальная жена" имѣла большой успѣхъ. Г-жа Савина нашла въ олицетвореніи Юліи Компіани одну изъ лучшихъ ролей своего репертуара. Въ этой роли она проявъ-

ляетъ всѣ блестящія стороны своего прекраснаго таланта, очаровываетъ художественнымъ изяществомъ своей игры".

Ниже помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной въ роли Прасковьи Скрипиной (233) изъ пьесы „Пашенька", шедшей 7-го октября.

Объ этой пьесѣ даетъ такой отзывъ „Новое Время" (8-го октября 1896 года, № 7405):

„Сегодня въ Александринскомъ театрѣ шла „пьеса" въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, подъ заглавіемъ „Пашенька", соч. г-жи Персіаниновой. Пьеса интересна, какъ произведеніе молодой дѣвушки, и по нѣкоторымъ сценамъ, написаннымъ весьма недурно. Героиня пьесы напоминаетъ и „Маіоршу" и „Чародѣйку" Шпажинскаго, а такія экзальтированныя натуры всегда интересны на сценѣ въ исполненіи хорошей актрисы. А чего-же лучше г-жи Савиной, исполнявшей эту роль? Автора послѣ первой картины четвертаго акта вызывали, но его въ театрѣ будто бы не было. Во всякомъ случаѣ эта первая картина четвертаго акта лучшая часть пьесы и г-жа Савина всего лучше была именно въ этой картинѣ.

„Генеральша Матрена" 1896 г.

Въ 1896 году М. Г. Савина выступила еще въ слѣдующихъ новыхъ роляхъ:

234) „Не сошлись характерами", ком. Островскаго. Серафима. (Бенефисъ Писарева).
235) „Раздѣлъ", ком. А. Полонскаго. Синицына. (Юбилейный бенефисъ Жулевой за 50 лѣтъ).
236) „Своя семья", ком. кн. А. Шаховского. Наташа. (50 лѣтъ со дня смерти автора).
237) „Рабыня", др. кн. Волконскаго. Раиса. (Бенефисъ Чернова).
238) „Безчестные", др. Д. Роветта. Элиза Моретти.
239) „Радости жизни", ком. В. Крылова. Маргарита. (Бенефисъ Абариновой).
240) „Передняя знатнаго боярина", ком. Екатерины II-й. Вдова Меремида. (Юбил. спект. въ память Екатерины II-й).
241) „Непогрѣшимый", ком. П. Невѣжина. Настасья Гладимова.

Въ этотъ списокъ я не включилъ еще одной роли Маріи Гавріиловны; на юбилейномъ бенефисѣ Е. Н. Жулевой, она сыграла въ пьесѣ, написанной спеціально для этого торжества В. А. Крыловымъ, Екатерину Николаевну Жулеву. Но эта шуточная роль, конечно, не можетъ фигурировать въ перечнѣ пьесъ огромнаго репертуара М. Г. Савиной.

Годъ 1897 далъ М. Г. Савиной новыя роли въ слѣдующихъ пьесахъ:

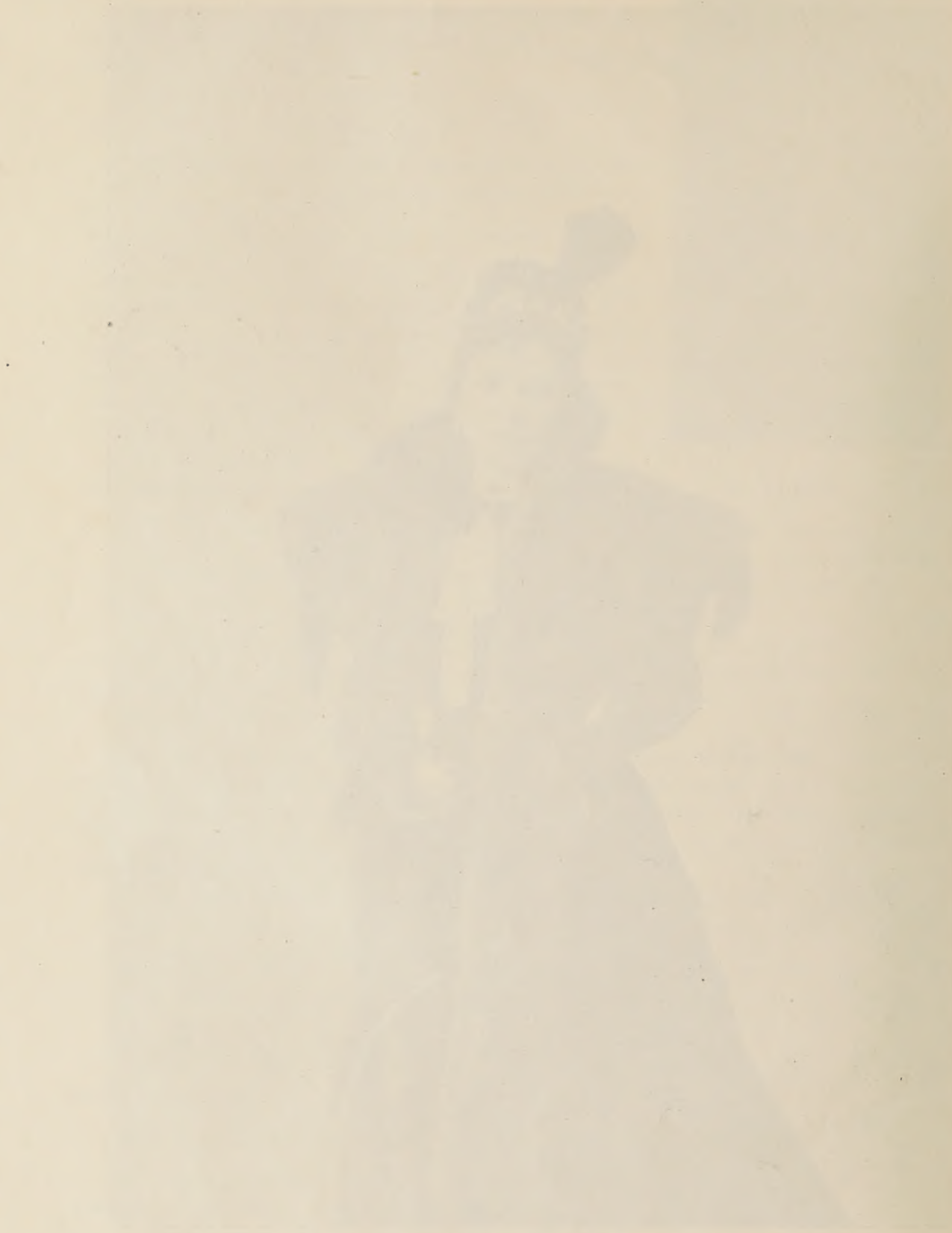
242) „Цѣна жизни", др. Вл. Немировича-Данченко. Анна Демурина. (Бенефисъ М. Г. Савиной).
243) „Невѣрная", ком. Бракко. Кларе.
244) „Мнимый больной", ком. Мольера. Туанета.
245) „Ивановъ", др. А. Чехова. Анна Петровна.
246) „Защитникъ", др. Н. Тимковскаго. Елена Николаевна.
247) „Мірская вдова", др. Е. Карпова. Вдова Батина. (Бенефисъ вторыхъ артистовъ).
248) „Смерть Іоанна Грознаго", траг. гр. А. Толстого. Царевна Нагая. (Прощальный бенефисъ Нильскаго).
249) „Въ новой семьѣ", др. Александрова. Наталья Комарова. (Бенефисъ Стрѣльской).
250) „Джентльменъ", ком. А. Сумбатова. Эмма Леопольдовна. (Бенефисъ Сазонова).

Изъ всѣхъ этихъ пьесъ наиболѣе интересной оказалась „Цѣна жизни". О ней появились слѣдующіе отзывы въ газетахъ.

„Новое Время" (17-го января 1897 г. № 7504.)

„Бенефисъ г-жи Савиной начался „Местью амура" и закончился драмой В. Немировича-Данченки „Цѣна жизни". Выходитъ какъ бы каламбуръ. „Цѣна жизни" интересная пьеса, имѣвшая

Адда. („Гибель Содома". 1896 г.).



солидный успѣхъ, тотъ успѣхъ, который захватываетъ вниманіе публики. Бенефиціанткѣ поднесено множество цвѣтовъ и подарки и встрѣтили ее съ тѣмъ же задушевнымъ радушіемъ, съ какимъ встрѣчали всегда. Театръ въ ея бенефисы имѣетъ всегда очень привлекательный видъ, собирая всѣхъ тѣхъ, которые цѣнятъ эту артистку и восхищались ею во всѣ два десятка лѣтъ слишкомъ. Намъ показалось сегодня, что роль Анны, которую исполняла гжа Савина въ „Цѣнѣ жизни“ слишкомъ пассивная роль; въ ней нѣтъ ни одного момента, гдѣ-бы артистка могла выказать лучшія стороны своего дарованія“.

Юлія Компіани („Идеальная жена“ 1896 г.).

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ (18-го января 1897 года, № 17).

„Г-жа Савина можетъ быть довольна своимъ бенефисомъ. Поставленная ею пьеса оказалась талантливымъ произведеніемъ, а сама она провела свою роль съ большимъ успѣхомъ. Драма В. И. Немировича-Данченко „Цѣна жизни“ несомнѣнно лучшая пьеса сезона.

Г-жа Савина превосходно справилась со своей ролью. Можетъ быть она нѣсколько злоупотребляла внѣшними рѣзкими пріемами игры, подергиваніемъ плечъ и лицевыми движеніями, но въ общемъ создала вполнѣ жизненную фигуру, съ правдивостью выдвигающую всю пустоту и несимпатичность Анны Викторовны“.

Очень интересную, вполнѣ заслуживающую быть особенно выдѣленною, характеристику игры въ „Цѣнѣ жизни“—сдѣлалъ г. Old gentlman (А. В. Амфитеатровъ) въ „Новомъ Времени“ спустя недѣлю послѣ бенефиса.

„Пашенька“ (1896 г.)

Г. Old gentlman писалъ такъ: („Н. В.“ 26-го января 1897 года, № 7513).

„Я глубоко благодаренъ высокоталантливой М. Г. Савиной за то, что она, какъ находятъ нѣкоторые другіе, плохо играла героиню „Цѣны жизни“—Анну Демурину. Плохо, будто-бы потому, что „Савина ничего не сдѣлала изъ этой роли“. Я, напротивъ, нахожу, что г-жа Савина играла Анну превосходно и именно потому, что она ничего изъ этой роли не сдѣлала, т. е. не создала изъ глупой, наглой и скучной женщины, недостойной не то, что участія,—вниманія, возвышенную и оплакиваемую героини...

... М. Г. Савина не только не возбуждала ложно-сентиментальныхъ негодованій, но, наоборотъ, нѣсколько пассивною игрою своею, доходившею даже до самоотверженія артистическаго, вѣрно передала дрянность героини. Дрянность эта, оттѣняемая еще наивнымъ пустословіемъ чуть не апоѳеозирующаго Анну профессора, выступила впередъ такъ рельефно, что я уже сталъ было сомнѣ-

ваться: а не хитритъ ли Влад. Ив. Немировичъ? не слѣдуетъ ли видѣть въ этой драмѣ секретную сатиру на „интеллигенцію“, неспособную жить въ сферѣ здоровой и рабочей?“

Драму г. Чехова „Ивановъ“ возобновили для г. Ге, взявшаго роль, которую ранѣе исполнялъ В. Н. Давыдовъ. А М. Г. Савина играла Анну Петровну вмѣсто г-жи Стрепетовой. Такое распредѣленіе ролей естественно должно было вызвать сравненіе игры двухъ артистовъ и двухъ артистокъ.

Анна Демурина („Цѣна жизни“ 1897 г.).

Такое сравненіе сдѣлало, между прочимъ, „Новое Время“ (18-го сентября 1898 года, № 7745).

„У г. Давыдова была одна изумительная сцена по вдохновенному драматизму, когда Ивановъ называетъ свою жену „жидовкой“ и говоритъ, что она скоро умретъ. Кажется, сказать одно слово — не Богъ вѣсть что такое, но бываютъ въ жизни каждаго артиста такія мгновенія, когда онъ возвышается необыкновенно, когда онъ находитъ внутри себя, въ своемъ голосѣ, какъ выразителѣ ощущеній, такія удивительныя ноты, которыя поднимаютъ весь театръ, какъ поднимаетъ весь театръ звучно и прекрасно взятое до-діэзъ превосходнаго тенора. Г. Давыдовъ именно сдѣлалъ тогда это и театръ былъ потрясенъ такъ, точно какой-нибудь Сальвини сказалъ свой лучшій монологъ. Стрепетова въ этой сценѣ тоже была превосходна. Сегодня г. Ге крикнулъ, это былъ только крикъ, обыкновенный крикъ разсерженнаго, выведеннаго изъ себя человѣка; но зато г-жа Савина была превосходна въ этой сценѣ. Я думалъ, что она не овладѣетъ этой сценой такъ, какъ владѣла г-жа Стрепетова, и пріятно ошибся: она была поразительно правдива и до глубины души, мучительно тронула зрителей.“

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1897 года собрался въ Москвѣ первый съѣздъ русскихъ сценическихъ дѣятелей.

Объ открытіи его имѣются, между прочимъ, слѣдующія строки въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (10-марта 1897 года, № 68):

„Великій Князь занялъ мѣсто за столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, имѣя съ правой стороны почетную предсѣдательницу съѣзда Н. М. Медвѣдеву, а съ лѣвой — петербургскую артистку М. Г. Савину. За этимъ же столомъ размѣстились: предсѣдатель съѣзда А. А. Потѣхинъ, предсѣдатели отдѣловъ, секретарь съѣзда и нѣкоторыя другія лица.“

На съѣздѣ сценич. дѣятелей въ Москвѣ 1897 г.

М. Г. Савина принимала дѣятельное участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ, возбуждавшихся на съѣздѣ, завѣдуя, между прочимъ, сборомъ для основанія фонда на устройство пріюта для дѣтей сценическихъ дѣятелей.

На закрытіи съѣзда была сдѣлана оцѣнка трудовъ М. Г. Савиной на пользу

русскаго актера товарищемъ предсѣдателя съѣзда г. Лавровымъ-Орловскимъ. М. Г. Савина отвѣтилана обращенныя къ ней лестныя слова очень остроумно и оригинально:

М. Г. Савину г. Лавровъ благодарилъ за ея труды по учредительству Русскаго театральнаго общества и по организаціи съѣзда, за ея вниманіе къ его работамъ, за то, что, присутствуя на всѣхъ засѣданіяхъ съѣзда, она дала возможность запечатлѣть въ памяти членовъ съѣзда ея образъ,—„чарующій образъ русской женщины и русской артистки". Рѣчь эта была встрѣчена громомъ апплодисментовъ.

Елена (Соломонія и Елена).

М. Г. Савина свою отвѣтную рѣчь произнесла съ каѳедры и произнесла ее мастерски. Появленіе ея вызвало восторгъ—опять овація, всѣхъ охватившая и всѣхъ взволновавшая. Слегка дрожащимъ голосомъ, блѣдная отъ волненія, г-жа Савина начала, наконецъ, свою рѣчь:

— Въ пьесѣ „Царевна Софья" я, играя Стрѣльчиху, должна была выбѣгать съ толпой народа, въ которой было много статистовъ солдатъ. Режиссеръ поставилъ насъ въ самую глубину сцены, и я, задолго до начала занимала свое мѣсто. Въ одинъ изъ спектаклей, близь стоявшій солдатикъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ „откуда ты родомъ"? И когда я назвала губернію, гдѣ родилась, его лицо просіяло, и онъ, схвативъ меня за руку, вскрикнулъ: „не изъ нашей ли деревни"? Я никогда не забуду ни выраженія его лица, ни глазъ, полныхъ радостныхъ слезъ, ни звука его голоса... Петербургъ далъ мнѣ славу, положеніе, деньги, но я ни на минуту не забывала „нашу деревню", мою родину—провинцію и, при встрѣчѣ съ каждымъ изъ прежнихъ товарищей, я испытываю то же, что мой „землякъ" солдатикъ... Труды мои въ коммиссіи по организаціи перваго всероссійскаго съѣзда слишкомъ ничтожны, но я счастлива, что могла услужить вамъ и, присутствуя на вашемъ праздникѣ, пережить съ вами нашу общую радость. Поздравляю васъ и отъ всего сердца желаю успѣха всѣмъ вашимъ начинаніямъ! До свиданія, товарищи! Не забывайте, что въ столицѣ, въ Русскомъ театральномъ обществѣ, ваша землячка работаетъ для васъ, и ваши интересы ей такъ же дороги, какъ и свои собственные!"

Елена (Соломонія и Елена 1898 г.).

Рѣчь эта произвела очень сильное впечатлѣніе, и г-жа Савина должна была нѣсколько разъ выходить на авансцену, гдѣ низко, низко кланялась шумно апплодировавшему собранію". (Моск. Лист. 24 Марта 1897 г.).

Въ **1898 году** у М. Г. Савиной были новыя роли въ десяти пьесахъ:

251) „Маріанна Ведель", Маріанна. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

252) „Женская чепуха", шутка И. Щеглова. Людмила Алексѣевна. (Бенефисъ М. Г. Савиной).

253) „Женитьба", ком. Н. Гоголя. Агафья Тихоновна.

254) „Семейство Волгиныхъ", пьеса Вербицкой. Катя. (Бенефисъ вторыхъ артистовъ).

255) „Отъ преступленія къ преступленію“, ком. Г. Д. Елена Дмитріевна.
256) „Поздно“, др. З. Яковлевой. Зинаида Раевская.
257) „Загадка жизни“, др. С. Шевиль. Марья Петровна.
258) „Соломонія и Елена“, др. Н. Пушкарева. Елена (Бенефисъ Дюжиковой 1-ой за 25 лѣтъ).
259) „Исторія одного увлеченія“, пьеса І. Радзивилловича. Елена Александрова.
260) „Царь Борисъ“ траг. гр. А. Толстого. Царица Ирина. (Бенефисъ Горева).

Въ 1898 году М. Г. Савина играла мало.

Въ октябрѣ 1898 года возобновили комедію г. Боборыкина „Клеймо“. По поводу этого возобновленія г. Прозаикъ (Кн. Д. П. Голицынъ) говоритъ слѣдующее („С.-Петербургскія Вѣдомости“, 20-го октября1898 г., № 288):

„Въ общемъ, по замыслу, пьеса не особено примѣчательна, но написана она мастерски и даетъ превосходныя роли. Пожалуй, неясно установлено взаимное отношеніе дѣйствующихъ лицъ, но каждое изъ этихъ лицъ поставлено такъ, что даетъ для артиста отличный матеріалъ. Болѣе всего сумѣла воспользоватся этимъ г-жа Савина. За послѣднее время она рѣдко выступала на сценѣ. Кстати, въ этомъ году была у ней роль только въ довольно плохой пьесѣ „Загадка жизни“. Зато она вполнѣ вознаградила себя и публику въ „Клеймѣ“. Болѣе тонкаго и художественнаго олицетворенія падшей Агніи нельзя себѣ представить. Наружность, каждое движеніе, голосъ,—все было обдуманно, умѣстно, совсѣмъ хорошо. Я даже нахожу, что столь вѣрное изображеніе типа невыгодно для автора, такъ какъ, выставивъ все ничтожество Агніи, какъ глупенькаго животнаго, словно подчеркиваетъ неестественность замысла, основаннаго на томъ, что развитой молодой человѣкъ, техникъ Подрѣзковъ, ради ея идетъ на преступленье. Г-жа Савина, когда захочетъ, можетъ проявить рѣдкое разнообразіе оттѣнковъ и умѣетъ ни-мало не повторяться. Ради игры г-жи Савиной слѣдуетъ посмотрѣть „Клеймо“.

Бенефисъ М. Г. Савиной описанъ слѣдующимъ образомъ въ „Антрактахъ“ „Петербургской Газеты“ (16-го января 1898 года, № 15):

„Бенефиціантка встрѣчена продолжительными рукоплесканіями. Цвѣты подавались неустанно и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и фигурахъ. Въ числѣ подарковъ сервизъ фарфоровый, серебрянный, плато, золотая утварь и много другого. При этомъ соблюдались градаціи. Сначала несли фарфоръ, потомъ серебро, потомъ золото и наконецъ брилліанты.

Туалеты г-жи Савиной это цѣлая „дрезденская галлерея“. Во-первыхъ, платье fraise écrasée, лифъ весь въ воздушныхъ складкахъ, съ бѣлымъ—очень эффектно. Потомъ другое платье, тоже какое-то écrasée (во всякомъ случаѣ, argent écrasée) съ отдѣлкой мечтательной и нѣжной, какъ пухъ. Далѣе пеньюаръ съ кружевными рукавами, аршина въ полтора длины. Кружева старинныя, желтоватыя, надо думать, венеціанскія.“

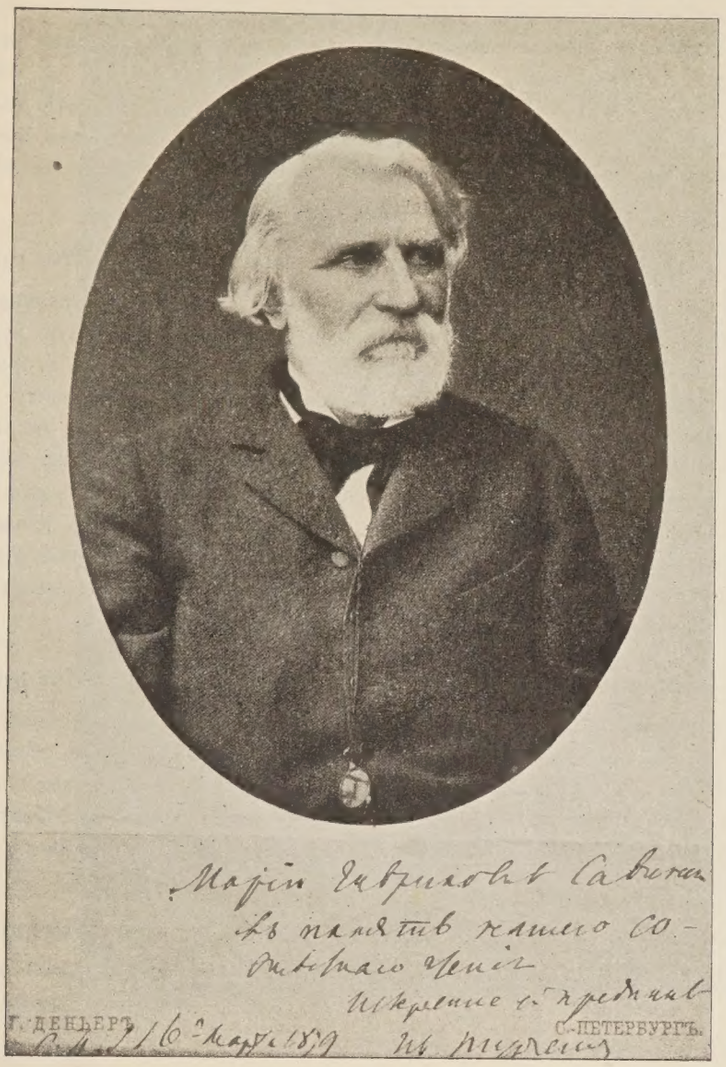
Царица Ирина („Царь Борисъ“ 1898 г.).

Что касается до игры Маріи Гавріиловны въ обѣихъ бенефисныхъ пьесахъ то объ этомъ театральный критикъ той-же газеты г. Homo novus высказывается очень опредѣленно:

„Авторъ далъ бенефиціанткѣ мало матеріала. Я говорю не о характерѣ Маріанны, о которомъ можно составить достаточное сужденіе, но о количествѣ словъ, движеній, такъ сказать, психологическихъ интерваловъ. Г-жа Савина нашла чудесныя по искренности ноты, движенія, полныя драматизма и выразительно-

сти, мимика же г-жи Савиной, по обыкновенію, представляла верхъ совершенства. Публикѣ было трудно оцѣнить рѣдкія достоинства игры г-жи Савиной, потому-что повторяю, сама пьеса оставляетъ зрительную залу довольно безучастной.

Послѣ „Маріанны Ведель“ шла одноактная комедія г. Щеглова „Женская Чепуха“. Г-жа Савина внесла столько веселости, неожиданныхъ переходовъ и милыхъ оттѣнковъ въ „эту роль...“



Портретъ Ив. Серг. Тургенева, принадл. М. Г. Савиной.

Въ этомъ году М. Г. Савина играла еще Елену въ драмѣ г. Пушкарева „Соломонія и Елена“. Роль у нея была небольшая, пьеса успѣха не имѣла, но критика нашла Марію Гавріиловну „очень эффектной въ русско-литовскомъ нарядѣ съ русыми кудрями по щекамъ“ („Новое Время“ 4-го ноября 1898 года, № 8150) и „очень интересной въ живописномъ костюмѣ“ („Петербургская Газета“ 5-го ноября 1898 года, № 304).

Въ **1899 г.** бенефисъ М. Г. Савиной состоялся 19 января. Марія Гавріиловна выбрала для этого спектакля „Невольницъ“ Островскаго, и сыграла Евлалію—роль, въ которой она впервые выступила 9-го сентября 1888 года.

Почти 11 лѣтъ пронеслись для высокодаровитой артистки не безслѣдно. Правда, она осталась такой-же молодой красивой Евлаліей Андреевной, но за то теперь ея природное сильное дарованіе развилось такъ широко, заблестѣло такъ ярко, что роль Евлаліи получила въ ея игрѣ совсѣмъ новое освѣщеніе.

О Савиной—Евлаліи писали во всѣхъ газетахъ очень много. Я ограничусь здѣсь только небольшими выдержками, изъ которыхъ, однако, можно составить себѣ достаточно полное представленіе о впечатлѣніи, произведенномъ бенефиціанткой—„Невольницей“ на прессу и публику.

„Новое Время“ (22-го января 1899 г., № 8227).

„Г-жа Савина играла роль Евлаліи Андреевны. Роль эту можно играть драматически. Элементы для этого есть въ пьесѣ; личность эта такъ ничтожна по своей нравственной сущности и такъ быстро мирится со своимъ положеніемъ, что г-жа Савина совершенно права, освѣтивъ ее

совершенно иначе: она взяла это лицо, какъ комическое; ея сантиментальность, ея навязчивость со своей любовью, ея поцѣлуй въ лобъ Мулина, когда онъ цѣлуетъ ея руку, ея разочарованіе въ предметѣ своей любви, ея восторженное состояніе, когда мужъ ей даетъ „полную свободу“, съ которой она не знаетъ, что дѣлать,—все это дало артисткѣ превосходный матеріалъ для ея тонкаго комическаго элемента, въ особенности въ концѣ перваго и во второмъ дѣйствіи, гдѣ вполнѣ почти опредѣляется этотъ характеръ...

... Для г-жи Савиной настали переходные годы, и она вступаетъ въ нихъ съ тѣмъ-же яркимъ талантомъ, съ тою-же изумительною мимикой и силой выраженія, съ тою-же изящною фигурой, которая остается совсѣмъ молодой. И я желаю прекрасной артисткѣ быть смѣлѣе въ эти переходные годы, то есть смѣлѣе смотрѣть впередъ и думать больше объ искусствѣ, о своемъ большомъ талантѣ и находить ему приложеніе въ тѣхъ роляхъ, которыя не требуютъ свѣжести и блеска молодости“.

А. Суворинъ.

„Биржевыя Вѣдомости“ (20-го января 1899 г., № 19).

„Вчерашній бенефисъ г-жи Савиной наводилъ на свѣтлыя мысли о неувядаемости неподдѣльнаго таланта, о силѣ искусства, заставляющаго живо и полно переживать чужое горе и чужія радости. Были минуты, когда зрителю приходилось совершенно забывать о томъ, что передъ его глазами подмостки сцены, приходилось видѣть въ бенефиціанткѣ не даровитую исполнительницу, а живой типъ женщины, изстрадавшейся въ тоскѣ нераздѣленной любви, но неотразимо привлекательной и въ рѣдкіе моменты призрачнаго счастья, и въ тяжелые часы нравственныхъ страданій. Серьезная и умная комедія Островскаго дала прекрасный матеріалъ для того, чтобы тріумфъ высокодаровитой артистки былъ дѣйствительно, хотя и сдержаннымъ до извѣстной степени, торжествомъ. Бурныя рукоплесканія, цвѣты и цѣнныя подношенія, передаваемыя артисткѣ послѣ каждаго акта, были посильнымъ выраженіемъ преклоненія публики передъ высокимъ артистическимъ талантомъ бенефиціантки“.

А. Изм.

„Петербургская Газета“ (20-го января 1899 г., № 19).

„Роль Евлаліи можно играть въ тонѣ легкой, очень легкой комедіи, изображая Евлалію полудурой,—и тогда зрителю преподнесется веселое зрѣлище, очень забавное, очень несерьезное. Такъ именно играетъ Евлалію г-жа Савина, и играетъ превосходно, съ оттѣнками граціознѣйшаго комизма, все время граничащаго съ фарсомъ, но не вступающаго въ эту область. Этотъ техническій пріемъ—чрезвычайно труденъ, и доступенъ только такому законченному художнику сцены, какъ г-жа Савина“.

Homo novus.

По поводу этого бенефиса сдѣлалъ прекрасную характеристику дарованія М. Г. Савиной Прозаикъ (кн. Д. П. Голицынъ) въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ „Драмы и комедіи“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (26-го января, 1899 г., № 25).

Вотъ эта характеристика:

„Г-жа Савина—артистка настоящая, въ полномъ смыслѣ этого слова, умная и вдумчивая, опытная и нервная. Иные упрекаютъ ее въ томъ, что она однообразна—упрекъ несправедливый, но объясняющійся тѣмъ, что она обладаетъ яркою артистическою индивидуальностью, сразу врѣзывающеюся въ воспріятіе зрителя, который, поэтому, и становится особенно чуткимъ къ повторнымъ произведеніямъ этой индивидуальности. Дѣйствительно однообразны только безцвѣтныя актрисы. Напротивъ, дарованіе г-жи Савиной крайне разностороннее, позволяющее намъ безъ утомленія любоваться имъ почти двадцать пять лѣтъ. Столько ролей она за это время переиграла, что, если и были въ ихъ числѣ роли неудачныя, либо даже плохія совсѣмъ,—то онѣ заслоняются цѣлымъ рядомъ блестящихъ олицетвореній!“

Внѣшняя сторона бенефиса, какъ это уже видно изъ вышеприведенной рецензіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“, была блестяща. „Петербургская Газета“ говоритъ о ней въ „Антрактахъ“ такимъ образомъ:

„Бенефисъ г-жи Савиной. День премьеръ representation-gala, какъ писали одно время въ афишахъ. День—„crevaison-gala“, какъ съострилъ одинъ франтъ въ смокингѣ, что значитъ хоть лопни, а доставай билетъ...

Превосходную артистку привѣтствовала искренно и отъ души самая интеллигентная публика.

Подношеній, конечно, масса. Цвѣтовъ въ умѣренномъ количествѣ, но за то множество драгоцѣнныхъ подарковъ: прекрасная брошь съ изумрудомъ, браслетъ, еще браслетъ, серебро, серебрянная жардиньерка и пр.... Всего не перечтешь".

М. Г. Савина въ своемъ будуарѣ.

До Великаго поста М. Г. Савина сыграла въ этомъ году новыя роли всего въ двухъ пьесахъ: Лунину (261) въ драмѣ С. И. Смирновой „Девятый валъ" (бенефисъ Е. Н. Жулевой) и Коркунову (262) въ ком. Островскаго „Сердце не камень" (бенефисъ М. И. Писарева).

Великимъ постомъ 1899 г. М. Г. Савина отправилась съ труппой русскихъ артистовъ въ Берлинъ и Прагу. Петербургское интеллигентное общество и печать слѣдили за этими спектаклями съ громаднымъ интересомъ, но, однако, не безъ нѣкоторой тревоги. Вопросъ успѣха за границей М. Г. Савиной, какъ первой русской драматической артистки, сталъ на почву національнаго самолюбія въ области искусства. Неуспѣхъ Савиной былъ бы посрамленіемъ русскаго искусства передъ всей Европой. И потому, каждый, кому дорого это искусство, съ нетерпѣніемъ ждалъ, какія вѣсти придутъ изъ Берлина.

Марія Гавріиловна поддержала славу свою и русскаго искусства; ея успѣхъ и тріумфы превзошли всѣ ожиданія и все заграничное турне русской труппы превратилось въ тріумфальное шествіе М. Г. Савиной. Петербургскія газеты подробно сообщали какъ впечатлѣнія Берлинской публики, такъ и отзывы берлинскихъ критиковъ. Приводимъ лишь слѣдующія выдержки.

„Новости" (27-го марта 1899 г., № 85).

Берлинъ. 23-го марта (4-го апрѣля).

„Сегодня въ „Lessing-Theater" состоялся первый дебютъ Маріи Гавріиловны Савиной и ея талантливыхъ товарищей. Была поставлена „Чародѣйка" Шпажинскаго.

Обширный „Lessing-Theater“, не смотря на высокую, сравнительно, входную плату, былъ занятъ публикой почти на двѣ трети. Мѣста въ партерѣ, стоящія по 10 марокъ, были почти всѣ заняты. Число пустыхъ ложъ, гдѣ каждое мѣсто стоило по 20—15 марокъ, также было не особенно велико. Русская берлинская колонія была представлена въ театрѣ въ значительномъ количествѣ.

Спектакль начался въ $7^1/_2$ часовъ. Раздался послѣдній звонокъ. Погасло электричество. Занавѣсъ взвился. Публика впилась глазами въ сцену. Дѣйствіе начинается. Появляется Марія Гавріиловна. Она—нѣсколько блѣдна и какъ бы внутренно взволнована. Проходитъ нѣсколько моментовъ. Савина овладѣваетъ собою и ведетъ свою роль „кумы“ съ обычными силой, яркостью и выразительностію. Холодная, сдержанная нѣмецкая публика оставляетъ свою чопорность и, сверхъ своего обыкновенія, горячо привѣтствуетъ г-жу Савину и съ поразительной настойчивостью вызываетъ ее подъ-рядъ три раза.

Талантливѣйшей артисткѣ поднесли двѣ прекрасныхъ корзины и два букета живыхъ цвѣтовъ. Четвертый и пятый заключительные акты прошли съ силой, яркостью и превосходнымъ общимъ ансамблемъ. Послѣ четвертаго акта г-жа Савина и г. Аполлонскій были вызваны трижды. Ихъ каждый разъ встрѣчали и провожали горячими апплодисментами. Пятый заключительный актъ вызвалъ бурю овацій.

Итакъ, первый дебютъ М. Г. Савиной и ея товарищей можно признать вполнѣ удачнымъ, имѣвшимъ огромный успѣхъ. Но позволимъ себѣ надѣяться, что настоящіе лавры ожидаютъ нашу великую артистку еще впереди, а именно—завтра, когда она будетъ играть въ „Новой королевской оперѣ“, гдѣ, согласно высочайшему повелѣнію, въ присутствіи императора, его семьи и высшей аристократіи Берлина, будетъ исполнена извѣстная пьеса Островскаго „Василиса Мелентьева“.

„Новое Время“ (29-го марта 1899 г., № 8292).

Гастроли М. Г. Савиной въ Берлинѣ.

Берлинскія газеты принесли отчетъ о второмъ спектаклѣ труппы Савиной въ Берлинѣ. Отзывы въ общемъ самые благопріятные. Этотъ спектакль состоялся, какъ извѣстно, въ новомъ королевскомъ Opera Theather по желанію императора Вильгельма, который къ общему сожалѣнію берлинцевъ, не могъ прибыть по болѣзни. „Norddeut. Allgem. Zeitung“ заявляетъ, что успѣхъ „Василисы Мелентьевой“ былъ вообще большимъ, а послѣ послѣдняго дѣйствія „бурный“ (stürmisch), указавъ, что въ отличіе отъ спектаклей Дузе, Режанъ, Цаккони, русская труппа производитъ впечатлѣніе цѣльностью спектакля, его національными рамками и стилемъ, выражающимся и въ декораціяхъ, и въ костюмахъ, и въ игрѣ. Въ исполненіи М. Г. Савиной рецензентъ отмѣчаетъ ту кошачью ласку, съ которой Василиса старается склонить своего любовника Колычева на то, чтобы извести царицу, то искусство обольщенія, которое она пускаетъ въ ходъ по отношенію страшно жаждущему ея любви царю и говоритъ, что все это было такъ полно стиля, такъ по славянски (so slawisch), такъ искренно и въ то же время такъ не похоже (иначе) на игру нѣмецкихъ артистокъ, что зрители были въ высшей степени заинтересованы, очарованы. М. Г. Савина не поклонница пафоса, въ ея игрѣ много той естественности, того стиля вседневной жизни, внесеннаго въ историческую костюмную пьесу, который никакъ не можетъ получить право гражданства у „насъ, нѣмцевъ“.

„Berliner Tageblatt“ свидѣтельствуетъ о громадномъ, шедшемъ crescendo, тріумфѣ М. Г. Савиной въ вечеръ второго спектакля. Рецензентъ, говоря о сильномъ впечатлѣніи новаго для берлинцевъ зрѣлища, богатствѣ костюмовъ и обстановки, заявляетъ, что тѣмъ больше чести г-жѣ Савиной, таланту которой все это не помѣшало проявиться истиннымъ, сильнымъ и яркимъ. Признавая труппу отчасти старомодной (altmodisch), то, что теперь называется академической, критикъ находитъ, что г-жа Савина обновляетъ традиціи своей сцены, влагаетъ въ нихъ свою индивидуальность. Своею неотразимо дѣйствующею игрою она сближаетъ устарѣвшую манеру исполненія своей сцены съ доктринами современныхъ западныхъ сценъ. Въ сценѣ безумія она обнаруживаетъ столько же вкуса и образцоваго стиля, сколько неподражаемаго искусства въ изображеніи лирическихъ сторонъ женской натуры въ сценахъ любви и обольщенія“.

„Новости“ (31-го марта 1899 г., № 89)

Берлинъ, 26-го марта (6-го апрѣля).

„Вчера въ „Lessing-Theater“ состоялся третій спектакль. Шла комедія А. С. Суворина „Татьяна Рѣпина“. Въ театръ собралась многочисленная публика. Было много видныхъ литературныхъ и театральныхъ представителей.

М. Г. Савина, по отзывамъ критиковъ, въ роли Татьяны Рѣпиной обнаружила во всѣхъ

М. Г. Савина въ своемъ кабинетѣ наканунѣ юбилея.

отношеніяхъ великолѣпную игру. Отъ начала до конца она была вполнѣ естественна.

Моментъ смерти дѣйствуетъ потрясающе. Намъ кажется, замѣчаетъ критикъ „Voss. Zeit.“, что мы видѣли трупъ, когда г-жа Савина падаетъ въ кресло и, выдвинувши голову впередъ, сидитъ съ открытыми мертвыми глазами. Это было торжество высшей мимики.

Г-жа Савина—большая реалистка,—замѣчаетъ другой критикъ, — хорошая, умная артистка. По характеру своей игры она приближается къ Дузе. Правда, она имѣетъ индивидуальное преимущество въ своей игрѣ, которое носитъ національную оболочку русскаго драматическаго искусства“.

М. Г. Савина въ своемъ кабинетѣ. (Видъ изъ гостинной).

„Новое Время“ (31-го марта 1899 года, № 8294).

Гастроли Савиной въ Берлинѣ.

„Отзывы берлинской печати продолжаютъ быть самыми лестными по отношенію нашей высокодаровитой артистки-художницы. Послѣ имѣвшей громадный успѣхъ „Татьяны Рѣпиной“, М. Г. Савина выступила въ роли „Маргариты Готье“. „Дама съ камеліями“ въ ея исполненіи оставила отличное впечатлѣніе, вызвавъ, по удостовѣренію „Börsen-Courier“, бурныя овація. „Если,—говоритъ рецензентъ,—въ „Маргаритѣ Готье“ чувствовался нѣкоторый недостатокъ никакимъ искусствомъ незамѣнимаго обаянія юности, то, все-таки, г-жа Савина дала вчера полнѣйшее доказательство большого сценическаго дарованія. Высшей точки достигло ея исполненіе въ третьемъ актѣ. Сцена съ отцомъ Армана, въ которой она какъ бы цѣпенѣетъ отъ страданія, затѣмъ тотъ моментъ, когда она принимаетъ рѣшеніе разстаться съ Арманомъ, и въ особенности прощаніе съ нимъ съ принужденнымъ смѣхомъ сквозь искреннія слезы,—все это было такъ глубоко правдиво, производило такое неотразимое впечатлѣніе, что образъ грѣшницы-блудницы просвѣтлялся и обращался въ образъ мученицы.

Рецензентъ „National Zeitung“, отказываясь отъ сравненія г-жи Савиной съ другими иностранными артистками, которыхъ видѣлъ Берлинъ въ этой излюбленной гастролершами роли,

находитъ, что наша артистка и въ образѣ парижанки-кокотки проявляетъ свою могучую индивидуальность, оставаясь въ то же время чистой представительницей славянской расы. Въ ея исполненіи господствуетъ сдержанное чувство, какая-то тихая строгость, которыя отражаются въ ея лицѣ, говорѣ и игрѣ, пока не прорывается какое-нибудь сильное чувство страданія или страсти. Роль Маргариты Готье, которая, начиная со 2-го дѣйствія, полна самоотреченія и страданія, какъ нельзя болѣе благодарна для г-жи Савиной. Впечатлѣніе ея игры росло съ каждымъ актомъ, соотвѣтственно тому, какъ характеръ изображаемаго ею лица приближался къ сущности ея собственной натуры. Этотъ рецензентъ также отмѣчаетъ въ особенности сцены съ отцомъ Армана и прощаніе съ Арманомъ: превосходно, безъ подчеркиваній и сантиментализма, сыгранныя сцены, въ которыхъ, по его выраженію, „куртизанка просвѣтляется въ мученицу“. Далѣе онъ обращаетъ вниманіе на эстетичность и чувство мѣры въ изображеніи больной и умирающей Маргариты.

Представляетъ также интересъ отзывъ „Berl. Tageblatt“, который находитъ, что изящная гибкость и выразительность движеній и жестовъ даютъ г-жѣ Савиной неоспоримое преимущество надъ всѣми выдающимися нѣмецкими артистками. Въ самомъ отзывѣ замѣчательно также признаніе берлинца-рецензента въ томъ, что наша соотечественница умѣетъ одѣваться съ такимъ вкусомъ и носитъ свои туалеты такъ элегантно и красиво, что едва ли можно встрѣтить что либо подобное на берлинскихъ сценахъ“.

„Новое Время“ (30-го марта 1899 года, № 8293).

Телеграмма собственнаго корреспондента.

„Берлинъ, 28-го марта (9-го апрѣля). „Вчерашній спектакль былъ апогеемъ успѣха нашей замѣчательной художницы М. Г. Савиной; шла драма „Heimath“ Зудермана. Такихъ бурныхъ апплодисментовъ и вызововъ, такихъ восторженныхъ овацій, кажется, еще не было въ Берлинѣ. Публика громадной толпой провожала нашу артистку изъ театра и оглашала воздухъ кликами: „Hoch Sawina!“ Нѣтъ возможности въ краткой телеграммѣ описать тотъ восторгъ, который царилъ вчера въ теченіи всего спектакля въ зрительномъ залѣ, — вы прочтете о немъ въ берлинскихъ газетахъ, которыя теперь единодушно признаютъ М. Г. Савину одной изъ величайшихъ и наиболѣе яркихъ міровыхъ звѣздъ сценическаго искусства. Сегодня въ придворномъ театрѣ, по высочайшему повелѣнію императора Вильгельма, назначенъ спектакль-gala при участіи русскихъ артистовъ; идетъ по выбору самого императора, второй разъ „Василиса Мелентьева“.

„Новое Время“ (2-го апрѣля 1899 года, № 8296).

„Телеграфъ уже принесъ извѣстіе о громадномъ, наряду съ „Татьяной Рѣпиной“, успѣхѣ М. Г. Савиной въ „Родинѣ“ Зудермана. Берлинскія газеты подтверждаютъ эти вѣсти. Такъ, рецензентъ „Norddeut. Allgem. Zeit.“ пишетъ по поводу роли Магды, что г-жа Савина исполненіемъ этой роли довела и безъ того прекрасный успѣхъ до успѣха исключительнаго. „Она заставила зазвучать новыя струны своего таланта. Чѣмъ чаще видишь эту художницу, тѣмъ болѣе возвышается уваженіе къ ея искусству, тѣмъ выше приходится цѣнить ея дарованіе, тѣмъ болѣе справедливою оказывается предшествовавшая ей громкая репутація. Главная сила ея таланта, если судить по Магдѣ, въ современной драмѣ. Ея проявившіяся уже въ другихъ роляхъ, въ особенности въ „Татьянѣ Рѣпиной“, и всѣми признанныя достоинства выступили въ „Родинѣ“ въ блестящемъ освѣщеніи. Магда—превосходная роль для того, чтобы показать себя.

Извѣстный успѣхъ въ этой роли будетъ имѣть каждая исполнительница, такъ какъ внѣшнія проявленія характера Магды въ отдѣльныхъ частяхъ, рисующихъ привычки ея свободной артистической жизни, ея несдержанность, внезапные переходы отъ одного настроенія къ другому, могутъ удаваться и производить хорошее впечатлѣніе, но при этомъ будетъ отсутствовать психологическая основа личности. Исполненіе М. Г. Савиной не грѣшитъ такимъ отсутствіемъ. Она отнюдь не гонялась за эффектами и сдѣлала образъ Магды глубоко-человѣчнымъ. Великолѣпно удалось ей изображеніе постоянно измѣняющихся настроеній и впечатлѣній, и поразительное умѣнье ея придавать различные оттѣнки. Когда она говорила съ сестрой, въ ея голосѣ звучало иное чувство привязанности и любви, чѣмъ въ обращеніяхъ къ отцу и матери. А этотъ міръ ощущеній, который отражался въ ея взглядахъ и мимикѣ! Ее понимаешь вполнѣ, даже не зная русскаго языка“.

Критикъ „Berl. Tageblatt“ съ своей стороны находитъ, что М. Г. Савина оттѣняетъ въ своей передачѣ не столько необузданную цыганскую натуру возвратившейся подъ отчій домъ Магды,

сколько женщину, окрѣпшую и сложившуюся въ жизненныхъ испытаніяхъ и въ борьбѣ за существованіе, но при томъ такую—и въ этомъ отношеніи г-жа Савина выгодно отличалась отъ актрисъ, которыхъ видѣлъ Берлинъ,—въ которой чувствовалось все время ея происхожденіе изъ хорошей семьи. Это придавало ея исполненію, при всѣхъ рѣзкостяхъ и выходкахъ Магды, какую-то обаятельную сдержанность и чувство мѣры. Крайне выразительная мимика, деликатность интонацій, сквозь которыя прорывалась необузданность гордящейся своимъ искусствомъ артистки,—все это дѣлало созданную ею Магду дѣйствительно правдивымъ жизненнымъ характеромъ, при чемъ не было даже и отдаленнаго намека на то комедіантство, въ которое другія актрисы такъ легко впадаютъ, играя Магду. Немудрено, что успѣхъ дошелъ до размѣровъ, не слыханныхъ для Берлина.

Послѣ „Родины“ г-жа Савина играла въ королевскомъ оперномъ театрѣ, въ присутствіи императора и императрицы, при чемъ какъ сама г-жа Савина, такъ и ея труппа имѣли большой

Гостинная М. Г. Савиной.

успѣхъ, при исполненіи данной во второй разъ, по желанію императора, „Василисы Мелентьевой“. Нашихъ артистовъ много вызывали, были и цвѣточныя подношенія. По окончаніи спектакля М. Г. Савина, вмѣстѣ съ исполнительницей роли царицы Анны, г-жею Стравинской, были приглашены въ императорскую ложу и удостоены продолжительнаго разговора. Императоръ, между прочимъ, высказалъ ей, что онъ желалъ бы, чтобы нѣмецкіе артисты посмотрѣли ея игру для того, чтобы поучиться исполнять классическія роли такъ, какъ она—естественно и правдиво. Онъ спросилъ нашу артистку, гдѣ она училась своему искусству и, когда М. Г. отвѣтила: „нигдѣ“, выразилъ удивленіе ея дарованію. Заканчивая разговоръ, императоръ передалъ г-жѣ Савиной на память браслетъ, украшенный прусскимъ орломъ изъ бриліантовъ и рубиновъ. Г-жа Стравинская получила брошь въ такомъ же родѣ. („Berl. Tageblatt“, 11-го апрѣля).

„Новости“ (6-го апрѣля 1899 г., № 95).

Берлинъ 1-го (13-го) апрѣля.

„29-го марта (10-го апрѣля) въ новомъ оперномъ королевскомъ театрѣ вторично дана была, по желанію императора Вильгельма, драма А. Н. Островскаго „Василиса Мелентьева“.

Императоръ Вильгельмъ отнесся съ особеннымъ интересомъ и внимательностью къ этому спектаклю. По его распоряженію почти всѣ ложи бель-этажа были оставлены для двора и офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ.

Спектакль прошелъ съ огромнымъ успѣхомъ. По окончаніи его, овацiи приняли прямо бурный характеръ и затянулся-бы, вѣроятно, порядочно, если-бы не желаніе императора лично видѣть нѣкоторыхъ артистовъ и не спущенный поэтому желѣзный занавѣсъ. Императоръ, видимо, очень былъ доволенъ спектаклемъ. Онъ много разъ горячо и съ видимымъ удовольствіемъ апплодировалъ исполнителямъ. Послѣ-же спектакля онъ пожелалъ лично побесѣдовать съ г-жами Савиной и Стравинской. Русскій посолъ графъ Остенъ-Сакенъ представилъ императору явившихся артистокъ.

Императоръ и императрица долго и любезно бесѣдовали съ ними о русскомъ сценическомъ искусствѣ, драматической литературѣ и ихъ современномъ направленіи.

— Вы открыли мнѣ совершенно новый, глубоко интересный міръ!—сказалъ императоръ Маріи Гавріиловнѣ, какъ она передала намъ потомъ,—до сихъ поръ онъ былъ для меня terra incognita. Я отъ души желалъ-бы, чтобы наши артисты видѣли вашу игру и поучились у васъ той естественности и простотѣ, съ которой вы умѣете передавать классическія роли.

Затѣмъ,—передавала Марія Гавріиловна, императоръ обратился къ ней и спросилъ,—гдѣ она училась.

— Нигдѣ!—отвѣтила она.

— Я правъ! Я говорилъ! Я говорилъ вамъ, что это самородный талантъ...—весело и оживленно обратился императоръ къ присутствующимъ.

Прощаясь, императоръ передалъ г-жѣ Савиной роскошный, цѣнный браслетъ, усыпанный рубинами, съ брилліантовымъ изображеніемъ прусскаго орла.

Хотя вторичнымъ исполненіемъ „Василисы Мелентьевой“ періодъ остраго интереса со стороны прессы окончился, однако, зрительный залъ былъ совершенно полонъ.

Бросалось въ глаза одно характерное явленіе, это—преобладаніе военнаго элемента въ бельэтажѣ, чего прежде не было“.

„Новое Время“ (2-го апрѣля 1899 года, № 8296).

Телеграмма собственнаго корреспондента.

„Берлинъ, 1-го (13-го) апрѣля. Вчерашній прощальный спектакль М. Г. Савиной въ Лессингъ-театрѣ былъ сплошнымъ рядомъ самыхъ сердечныхъ овацій какъ по адресу самой знаменитой артистки, такъ и всей ея труппы. М. Г. Савиной было поднесено нѣсколько цѣнныхъ подарковъ и много цвѣточныхъ подношеній, въ томъ числѣ одинъ лавровый вѣнокъ отъ русскаго посла графа Остенъ-Сакена и одинъ отъ извѣстной берлинской актрисы Баркани. Въ заключеніе публика вызвала на сцену всю русскую труппу и, восторженно привѣтствуя всѣхъ ея членовъ, осыпала ихъ цвѣтами и билетиками съ надписью: „Привѣтъ дорогимъ гостямъ! До свиданья“. Овацiи въ этотъ вечеръ не ограничились стѣнами театра, а значительная часть публики провожала М. Г. Савину вплоть до ея гостинницы, оглашая путь привѣтственными кликами. Сегодня, въ 8 часовъ утра, М. Г. Савина покинула Берлинъ и отправилась въ Прагу. Не смотря на ранній часъ, толпа публики собралась на вокзалъ проводить нашу высокодаровитую артистку; всѣ наперерывъ спѣшили выразить ей благодарность за доставленое художественное наслажденіе и привѣтствовали ее добрыми пожеланіями. Сегодняшнія берлинскія газеты, подводя итогъ гастролямъ здѣсь М. Г. Савиной, единодушно придаютъ имъ выдающееся значеніе“.

„Berliner Tagebl.“ о прощальномъ спектаклѣ М. Г. Савиной въ Берлинѣ въ „Lessing Theater“. говоритъ:

„Если раньше можно было говорить объ южномъ энтузіазмѣ, то теперь можно говорить о чисто русскомъ энтузіазмѣ. Всѣ, собравшіеся въ театрѣ русскіе, какъ баронъ Остенъ-Сакенъ, такъ и молодежь, съ увлеченіемъ апплодировали и подавали примѣръ берлинской публикѣ. Они вызывали г-жу Савину и труппу безъ конца. Было такое же безконечное количество цвѣточныхъ подношеній, какъ это бываетъ и у насъ; но было и проявленіе энтузіазма, намъ не понятное. Такъ, послѣ второго акта, на сцену полетѣли букетики изъ нѣсколькихъ нижнихъ ложъ, а послѣ третьяго акта къ ногамъ артистки посыпался сверху цѣлый дождь бумажекъ, записокъ отъ русскихъ студентовъ, привѣтствовавшихъ свою соотечественницу и высказывавшихъ пожеланія скораго свиданія.

Г-жа Савина играла и на этотъ разъ роль Магды въ Зудермановской „Родинѣ“, причемъ дала захватывающій, но болѣе страдальческій, чѣмъ героическій образъ. Послѣ „Родины“ была дана одноактная пьеса О. К. Нотовича—„Nocturno“.

„Архи-примадонна драматической сцены". (Каррикатура „Шута" 1882 г.).

Полагаю, что этими цитатами достаточно наглядно представленъ тріумфъ М. Г. Савиной въ Берлинѣ. Тріумфъбылъ, дѣйствительно, грандіозный, поставившій имя Савиной наряду съ именами Сарры Бернаръ и Дузе. Уѣзжая изъ Берлина, М. Г. Савина простилась съ публикой, устраивавшей такія горячія овацiи, слѣдующимъ письмомъ, напечатанномъ во всѣхъ берлинскихъ газетахъ:

Къ юбилейному бенефису Леонидова. „Дѣдушка Леонидовъ съ своими внуками". („Осколки" № 9—1888 г.).

„Прежде, чѣмъ покинуть Берлинъ, я чувствую душевную потребность выразить искренній привѣтъ и благодарность нѣмецкой печати и нѣмецкой публикѣ.

Если я всегда вѣрила въ высокій художественный вкусъ Берлина, то мы никогда не ожидали, все-таки, такого дружественнаго, такого трогательнаго пріема. Когда я слышала рукоплесканья публики, мнѣ казалось, будто я у себя на родинѣ; ни одну минуту, даже въ первый день пріѣзда, я не чувствовала себя на чужбинѣ. Съ глубокимъ сожалѣніемъ покидаю я гостепріимныя стѣны и говорю „до свиданья". Кто меня знаетъ, тотъ повѣритъ, что этотъ привѣтъ—искренній, душевный, а не театральный. Судъ же печати для меня дороже самыхъ дорогихъ золотыхъ лавровъ. И такъ думаемъ мы всѣ. Благодарю, благодарю, и „до свиданья".

М. Г. Савина.

Изъ Берлина М. Г. Савина отправилась въ Прагу. Интересъ ея спектаклей здѣсь, конечно, былъ не такъ великъ, какъ въ Берлинѣ и потому петербургскія газеты ограничивались сообщеніемъ о спектакляхъ М. Г. Савиной въ Прагѣ однѣми телеграммами своихъ корреспондентовъ.

„Не безпокойтесь, Марья Гавриловна—*съ нами* не упадете". („Шутъ" № 8—1890 г.).

Эти телеграммы были слѣдующаго содержанія:

„Прага, 2-го апрѣля. Первый спектакль въ Прагѣ прошелъ въ переполненномъ театрѣ. Присутствовала самая избранная публика. Аппплодисментамъ и вызовамъ не было конца. Г-жѣ Савиной сдѣлано много подношеній. Пріемъ членовъ русской труппы мѣстными артистами былъ самый радушный, братскій".

(„Новости").

Телеграммы „Новаго Времени"

„Прага, 2-го (14-го) апрѣля. Первый спектакль русской драматической труппы прошелъ блестяще при переполненномъ театрѣ. Публика устрои-

ла задушевную встрѣчу русскимъ артистамъ и наградила ихъ безчисленными овaціями, въ особенности М. Г. Савину, которая получила множество подношеній. Пріемъ отъ артистовъ чеховъ—самый братскій"

„Прага, 3-го (15-го) апрѣля. Вчера М. Г. Савина, въ числѣ прочихъ подношеній, получила букетъ отъ дирекціи театра и серебрянный вѣнокъ отъ общества любителей русскаго языка; вообще пріемъ былъ болѣе чѣмъ радушный—трогательный, братскій. Огромный театръ былъ переполненъ и многочисленныя восторженныя овaціи публики отличались полнымъ единодушіемъ".

„Прага, 4-го (16-го) апрѣля. Русскіе артисты, приглашенные на дневной спектакль въ національномъ чешскомъ театрѣ, были предметомъ шумныхъ и дружескихъ манифестацій публики. Шла опера Сметаны „Проданная невѣста". По ходу оперы въ третьемъ актѣ на сценѣ представляется интермедія, предъ началомъ которой артистъ со сцены громко произнесъ: „Теперь мы представимъ въ честь милыхъ нашихъ русскихъ гостей". Весь театръ отвѣтилъ на это громкими, долго неумолкавшими апплодисментами. Русскіе артисты благодарили стоя."

Вѣнки, поднесенные М. Г. Савиной во время юбилейнаго спектакля.

„Прага, 6-го (18-го) апрѣля. Чешскіе журналисты чествовали артистовъ русской драматической труппы банкетомъ и раутомъ на Софійскомъ островѣ. Въ парадномъ залѣ собралось около 500 человѣкъ: представители періодической печати, писатели, профессора, депутаты, съ президентомъ сейма во главѣ, артисты, представители сословій. Русскихъ артистовъ при входѣ ихъ въ залъ, встрѣтили тушемъ и апплодисментами; оркестръ студентовъ, въ числѣ 70 человѣкъ, исполнилъ русскій народный гимнъ, восторженно встрѣченный всѣмъ собраніемъ, затѣмъ чешскій національный гимнъ; оба гимна постоянно чередовались. Произнесены были рѣчи; тема ихъ—искреннее сочувствіе чеховъ великой Россіи, радость услыхать на подмосткахъ чешскаго театра русскую рѣчь. Чехи исполнили и пропѣли русскій гимнъ, русскіе артисты отвѣтили чешскимъ гимномъ. Радушіе и гостепріимство чеховъ чисто братское—этимъ все сказано".

Такъ закончилась первая заграничная поѣздка М. Г. Савиной. Я говорю „первая", увѣренный, что высоко даровитая артистка еще не разъ доставитъ своей игрой эстетическое наслажденіе европейцамъ разныхъ національностей, а

Выставка юбилейныхъ подарковъ въ квартирѣ М. Г. Савиной.

намъ русскимъ—громадное нравственное удовлетвореніе на почвѣ того чувства, которое такъ образно названо Карамзинымъ „народной гордостью"!

Крышка бювара къ адресу труппы Александринскаго театра

Какое значеніе имѣла поѣздка М. Г. Савиной въ Берлинъ и Прагу? На этотъ вопросъ даетъ прекрасный отвѣтъ кн. Д. П. Голицынъ (Прозаикъ).

„Г-жа Савина имѣла въ Берлинѣ громадный успѣхъ. Отзывы берлинскихъ газетъ, посвященные разбору игры нашей прекрасной артистки, свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣмецкіе зрители отнеслись къ ея дарованію съ серьезнымъ вниманіемъ и сумѣли оцѣнить блестящій талантъ лучшей въ настоящее время русской актрисы. Мнѣ лично особенно дорого, что успѣхъ этотъ выпалъ на долю г-жи Савиной именно въ Берлинѣ,—у такой публики, чуткость которой, очевидно, не обострилась побочными обстоятельствами и соображеніями. Если-бы г-жа Савина поѣхала въ Парижъ буря восторговъ, быть можетъ, затмила-бы берлинскіе успѣхи, но, конечно, основныя черты савинскаго таланта остались бы не понятыми. Въ Берлинѣ-же наша артистка побѣдила исключительно силою своего искусства. И замѣтьте, что въ этомъ городѣ театры находятся въ блестящемъ состояніи. При такихъ условіяхъ тріумфальность берлинскихъ гастролей г-жи Савиной пріобрѣтаетъ совершенно особое значеніе. Можетъ быть и наша публика отнынѣ станетъ понимать, какою выдающеюся артисткою обладаетъ наша сцена. Я этимъ не хочу сказать, что г-жа Савина не нашла у насъ вѣрной оцѣнки. Вовсе нѣтъ: дарованіе ея издавно признано всѣми, но постоянно приходится видѣть, какъ съ нею въ одинъ уровень стремятся ставить актрисъ, того не заслуживающихъ.

Г-жа Савина—прекрасная, чисто русская актриса, много и плодотворно поработавшая на пользу русской сцены, а теперь дающая ей зарубежную славу. Петербургъ, который восторгается игрою Режанъ и Гадингъ и который благодушно признаетъ дарованіе за Тиною ди-Лоренцо,—навѣрное ознаменуетъ особенно дружелюбною встрѣчей первое выступленіе у насъ г-жи Савиной по возвращеніи изъ заграницы. Тутъ она найдетъ себѣ выраженіе благодарности за то, что она расширила территорію воздѣйствія русскаго сценическаго искусства.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Прагѣ г-жу Савину и ея труппу встрѣтилъ успѣхъ не меньшій,

нежели въ Берлинѣ. Для чешской публики русскіе спектакли имѣютъ особенное значеніе. Чехи знаютъ и любятъ русскую литературу, многіе изъ нихъ отлично говорятъ на нашемъ языкѣ. Для нихъ былъ-бы, я думаю, дорогъ по преимуществу историческій и бытовой репертуаръ".

По пріѣздѣ въ Петербургъ М. Г. Савина, „въ виду оказанныхъ ею особыхъ услугъ русскому сценическому искусству", была Высочайше пожалована солисткою Его Императорскаго Величества, и получила присвоенный этому званію золотой нагрудный знакъ.

Въ 1899 г. М. Г. Савина сыграла еще слѣдующія четыре новыя роли:

263) „Каменный гость", сц. А. Пушкина. Донна Анна. (Юбилейный спект. 100 лѣтъ со дня рожденія поэта).

264) „Глухая стѣна", др. О. Шапиръ. Глаша.

565) „Вторая жена", др. А. Пинеро. Паула.

265) „Идіотъ", др. В. Крылова и С. Сутугина. Настасья Филипповна.

Изъ альбома, поднесеннаго М. Г. Савиной художниками-декораторами 19 Января 1900 года.

Юбилей М. Г. Савиной.

19-го января **1900 г.** въ Маріинскомъ театрѣ происходило торжество, какого не запомнитъ русская сцена.

Это былъ юбилейный бенефисъ Маріи Гавріиловны Савиной.

Торжественный спектакль собралъ въ Маріинскій театръ общество, какого навѣрно еще никогда не видѣли его стѣны. Вся аристократія ума и таланта, вся аристократія родовая были на лицо. Спектакль удостоили своимъ присутствіемъ Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великіе Князья и Княгини.

Билеты на это торжество были всѣ расписаны еще мѣсяца за два, а за нѣсколько дней до бенефиса за ложи и кресла предлагались огромныя деньги: до 300 рублей за ложу и до 100 рублей за кресло.

М. Г. Савина составила очень интересную литературную программу своего юбилейнаго бенефиса. Она показала публикѣ:

1) 4-ое д. „Ревизора“ Н. В. Гоголя (Марья Антоновна).
2) „Провинціалка“ И. С. Тургенева (Ступендьева).
3) 3 д. „Волки и овцы“ А. Н. Островскаго (Глафира).
4) 4-ое д. „Послѣдняя жертва“ А. Н. Островскаго (Тугина).
5) „Лакейская“ Н. В. Гоголя (безъ участія бенефиціантки).

Чествованіе Юбилярши началось съ момента прибытія Маріи Гавріиловны въ театръ.

... Безъ четверти семь часовъ. На сценѣ Маріинскаго театра въ сборѣ уже почти вся труппа: мужчины во фракахъ, дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ. Черезъ сцену, отъ входа, до корридора, гдѣ устроена уборная М. Г. (во время оперныхъ спектаклей уборная г-жи Фигнеръ, а во время балетовъ — г-жи Кшесинской), положено красное сукно и нѣсколько восточныхъ ковровъ, — это путь высокодаровитой юбилярши.

Ровно въ семь часовъ артистки и артисты собираются на сцену у входа. — Тутъ же — оркестръ. Проходитъ нѣсколько минутъ ожиданія, раздаются звуки туша и появляется прибывшая сейчасъ въ театръ М. Г. Савина. Она, блѣдная, взвол-

Листъ изъ альбома декораторовъ.

нованная, низко кланяется встрѣчающимъ ее товарищамъ. Тѣ отвѣчаютъ дружными апплодисментами. Е. Н. Жулева подходитъ къ М. Г. съ букетомъ, обнимаетъ и цѣлуетъ ее. Апплодисменты продолжаются. М. Г. жметъ руку одному, цѣлуетъ другую и, продолжая низко кланяться, проходитъ въ уборную.

Изъ небольшой, сравнительно скромной комнатки, товарищи М. Г. сдѣлали чудный уголокъ: убрали ее гобелэнами, цвѣтами, коврами, электрическими лампочками.

Едва М. Г. успѣваетъ войти въ уборную, къ ней является депутація отъ помощниковъ режиссеровъ и суфлеровъ. Это гг.: Ѳ. Ѳ. Поляковъ, М. Е. Евгеніевъ, Н. М. Рудневъ, С. Панчинъ, Н. А. Корневъ, И. И. Агафоновъ, и К. П. Ларинъ. Депутація передаетъ юбиляршѣ очень изящный золотой жетонъ, на ониксовой крышкѣ котораго сдѣланъ брилліантовый вѣнокъ, иниціалы юбиляршы и звѣзды, бросающія лучи на лавры.

При этомъ М. Е. Евгеніевъ говоритъ слѣдующее:

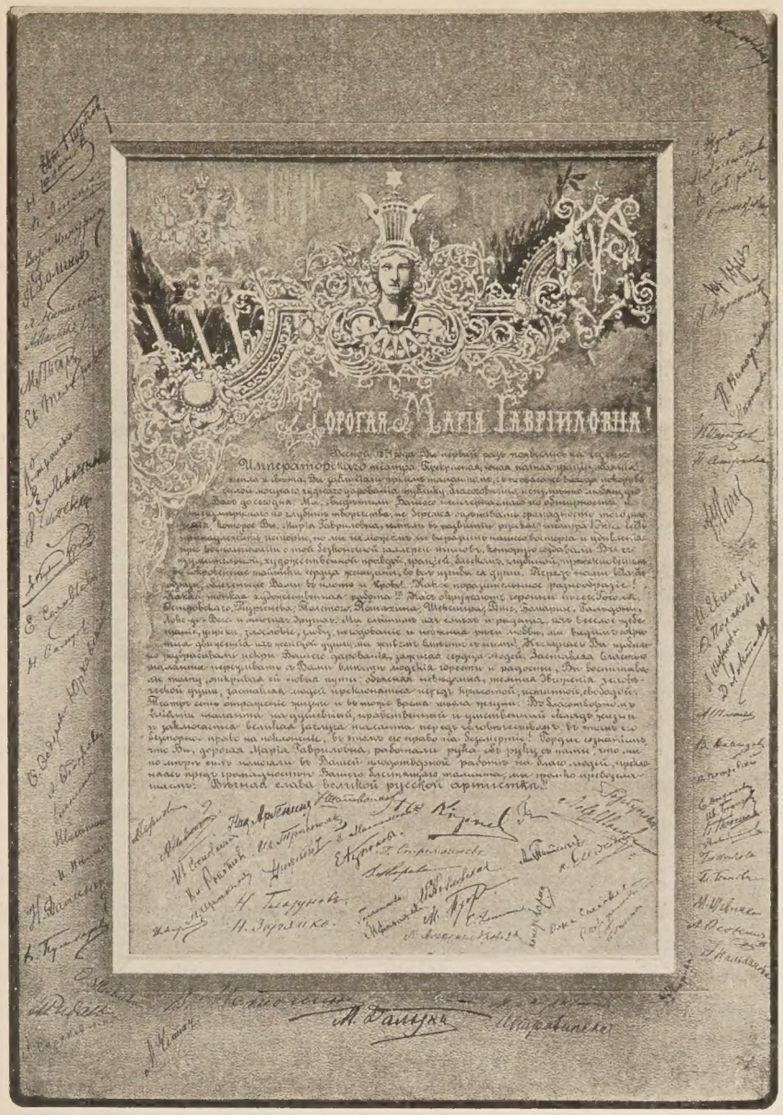
Марія Гавріиловна!

Черезъ нѣсколько часовъ весь Петербургъ будетъ чествовать Вашъ артистическій геній, 25 лѣтъ благотворно проявлявшій свою мощь на русской сценѣ, гдѣ вы съ честью высоко держали знамя первой артистки во славу родного искусства. Въ этотъ торжественный день, когда Васъ привѣтствуетъ вся Россія, мы темные труженики закулисъ и подсцены, Ваши скромные соработники, присоединяясь къ общему празднеству, просимъ принять наши искреннія, сердечно благоговѣйныя выраженія безпредѣльной благодарности Вамъ, какъ человѣку, какъ другу, за доброе, участливое къ намъ расположеніе, полное готовности на поддержку каждаго изъ насъ и, по истинѣ всегда, товарищескія отношенія.

Да послужитъ бездѣлка эта символомъ крѣпости нашей вѣчной Вамъ признательности. Какъ на камнѣ—камнемъ, на вѣчности—вѣчностью,—такъ, на нашей преданности и любви, пусть безконечно блеститъ Ваше славное, чудное имя!

Благодаримъ и поздравляемъ!

М. Г. Савина благодаритъ депутацію и цѣлуетъ г. Евгеніева. Она видимо волнуется все больше и больше.



Адресъ артистовъ казенной драматической труппы.

На сценѣ при закрытомъ занавѣсѣ директоръ театровъ кн. Волконскій произнесъ небольшую рѣчь при чемъ выразилъ, что онъ счастливъ привѣтствовать гордость нашей сцены и надѣется, что чудный талантъ Савиной будетъ еще долго украшать русскій театръ.

Это была неоффиціальная часть торжества. Оффиціальныя привѣтствія приносились послѣ сценъ изъ ком. „Волки и овцы". Занавѣсъ взвился и публика увидѣла сцену Маріинскаго театра, заполненную мужчинами во фракахъ и дамами въ свѣтлыхъ платьяхъ. Это были товарищи М. Г. Савиной и депутаціи, явившіяся поздравить ее съ юбилеемъ.

Громъ апплодисментовъ огласилъ театръ: апплодировали и въ публикѣ, и на сценѣ. М. Г. Савина, блѣдная отъ волненія, вышла изъ за кулисъ подъ руку съ П. Н. Медвѣдевымъ. На одной рукѣ ея красовался браслетъ, подаренный въ Берлинѣ Императоромъ Вильгельмомъ, а на другой только что полученный подарокъ

Государя Императора Николая II: золотой браслетъ цѣпью съ золотымъ изображеніемъ Его Величества, окруженнымъ крупными брилліантами.

Первымъ сказалъ высокодаровитой юбиляршѣ слѣдующее привѣтствіе отъ русской драматической труппы главный режиссеръ Е. П. Карповъ:

Дорогая
Марія Гавріиловна!

Весной 1874 года Вы первый разъ появились на сценѣ Императорскаго театра.

Прекрасная, юная, полная граціи, обаянія, тепла и свѣта, Вы заблестѣли яркимъ талантомъ, съ перваго-же выхода, покоривъ силой могучаго, чуднаго дарованія, публику, благоговѣйно, неизмѣнно любящую Васъ до сего дня.

Мы, свидѣтели Вашего неисчерпаемаго по обширности, и неизмѣримаго по глубинѣ творчества, не беремся оцѣнивать громадность того значенія, которое Вы, Марія Гавріиловна, имѣли въ развитіи русскаго театра. Эта честь принадлежитъ исторіи, но мы не можемъ не выразить нашего восторга и удивленія при воспоминаніи о той безконечной галлереѣ типовъ, которую создавали Вы съ изумительной художественной правдой, граціей, блескомъ, глубиной, проникновеніемъ въ сокровенные тайники сердца женщины, во всѣ изгибы ея души.

Передъ нами встаютъ образы, облеченные Вами въ плоть и кровь... Какое поразительное разнообразіе! Какая тонкая, художественная работа!..

Насъ окружаютъ героини пьесъ Гоголя, Островскаго, Тургенева, Толстого, Потѣхина, Шекспира, Гете, Бомарше, Гольдони, Лопе-де-Вега и многихъ другихъ. Мы слышимъ ихъ смѣхъ и рыданія, ихъ веселое щебетаніе, упреки, злословіе, злобу, негодованіе и нѣжныя рѣчи любви, мы видимъ скрытыя движенія ихъ женской души, мы живемъ вмѣстѣ съ ними!

Не скупясь, Вы изобильно разбрасывали искры Вашего дарованія, зажигая сердца людей.

Заставляя властью таланта переживать съ Вами вмѣстѣ людскія горести и радости, Вы воспитывали толпу, открывая ей новые пути, объясняя невѣдомыя, темныя движенія человѣческой души, заставляя людей преклоняться передъ красотой, истиной, свободой!

Театръ есть отраженіе жизни, и въ то-же время—школа жизни.

Въ благотворномъ вліяніи таланта на душевный, нравственный и умственный складъ жизни и заключается великая заслуга таланта передъ человѣчествомъ, въ этомъ его безспорное право на поклоненіе, въ этомъ его право на безсмертіе!

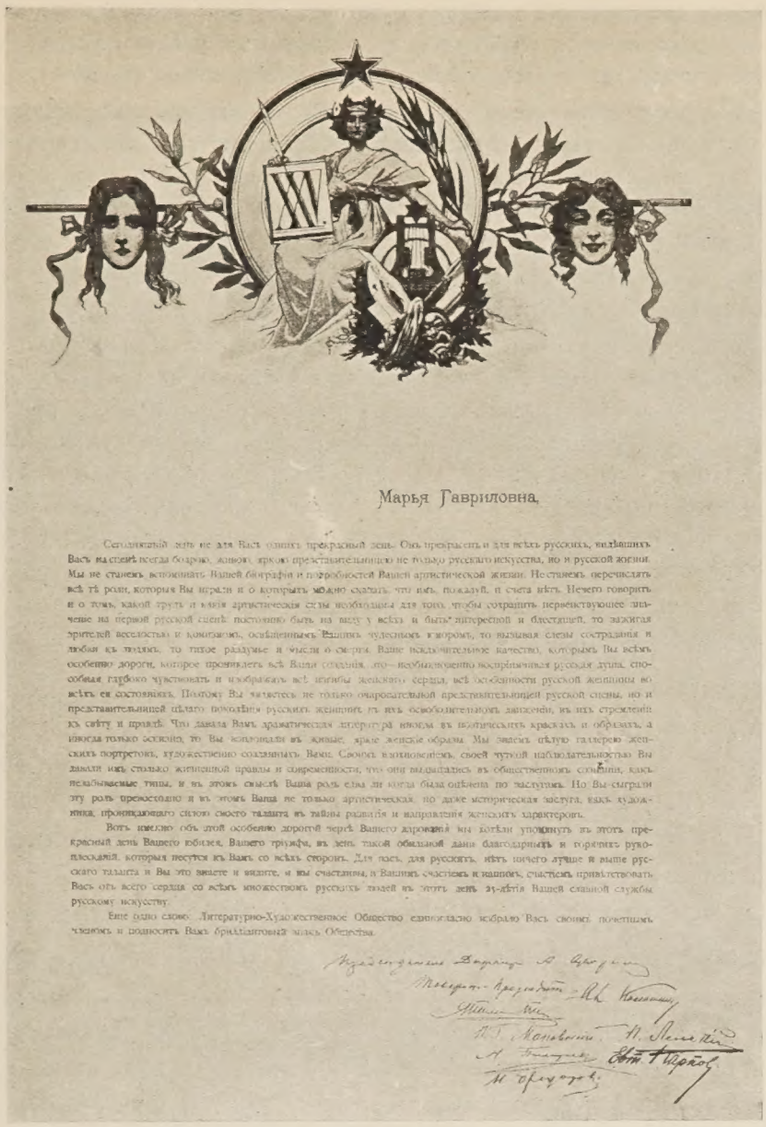
Гордые сознаніемъ, что Вы, дорогая Марія Гавріиловна, работали рука объ руку съ нами, что мы по мѣрѣ силъ помогали въ Вашей плодотворной работѣ на благо людей, преклоняясь предъ громадностью Вашего блестящаго таланта, мы громко провозглашаемъ:

Вѣчная слава великой русской артисткѣ!

Этотъ адресъ художественной работы извѣстнаго художника-декоратора г. Иванова былъ вложенъ въ роскошный бюваръ темно-краснаго бархата. Крышка этого бювара украшена серебрянымъ вѣнкомъ, въ серединѣ котораго красуется вензель М. Г. Савиной, а надъ нимъ сіяетъ серебряная Андреевская звѣзда. Такую же звѣзду, только брилліантовую, передала М. Г. Савиной заслуженная артистка Е. Н. Жулева, подошедшая къ юбиляршѣ вмѣстѣ съ Е. П. Карповымъ. Брилліантовая Андреевская звѣзда (брошь) съ помѣщенной внутри ея цифрою XXV была приколота къ голубой шелковой лентѣ, охватывавшей подушку изъ розъ и гіацинтовъ.

Послѣ Е. П. Карпова прочелъ слѣдующую, прекрасную рѣчь, которая произвела очень сильное впечатлѣніе, Н. Ѳ. Сазоновъ:

Позвольте старому товарищу, свидѣтелю Вашихъ первыхъ успѣховъ по родной сценѣ, привѣтствовать безподобную артистку. Я не буду говорить о томъ, что Вы сдѣлали для русскаго искусства. Ваши заслуги оцѣнили другіе. Я могу только гордиться, что 25 лѣтъ игралъ съ такой артисткой, что я видѣлъ какъ ея дарованіе, блеснувшее яркой звѣздой четверть вѣка назадъ, съ тѣхъ поръ все ярче блистало и развивалось на этой сценѣ. Не мнѣ повторять здѣсь, какъ Вы все озаряли своимъ удивительнымъ гибкимъ разностороннимъ талантомъ, какъ Вы были заразительно веселы въ одной пьесѣ и трогали до слезъ въ другой, какъ прошелъ передъ нами цѣлый рядъ женскихъ образовъ, вызванныхъ къ жизни Вашимъ вдохновеннымъ исполненіемъ.



Марья Гавриловна.

Сегодняшній день не для Васъ одинъ прекрасный день. Онъ прекрасенъ и для всѣхъ русскихъ, чтящихъ Васъ на сценѣ всегда бодрою, живою, ярко представительницею не только русскаго искусства, но и русской жизни. Мы не станемъ вспоминать Вашей біографіи и подробностей Вашей артистической жизни. Не станемъ перечислять всѣ тѣ роли, которыя Вы играли и о которыхъ можно сказать что нибудь, пожалуй, и свѣта нѣтъ. Нечего говорить и о томъ, какой трудъ и какія артистическія силы необходимы для того, чтобы сохранить первенствующее значеніе на первой русской сценѣ постоянно быть на виду у всѣхъ и быть интересной и блестящей, то зажигая зрителей веселостью и комизмомъ, освѣщеннымъ Вашимъ чуднымъ юморомъ, то вызывая слезы сострадания и любви къ людямъ, то тихое раздумье и мысли о смерти. Ваше исключительное качество, которымъ Вы всѣмъ особенно дороги, которое проявляетъ всѣ Ваши создания, это—необыкновенно воспріимчивая русская душа, способная глубоко чувствовать и изображать всѣ изгибы женскаго сердца, всѣ особенности русской женщины во всѣхъ ея состояніяхъ. Поэтому Вы являетесь не только очаровательной представительницей русской сцены, но и представительницей цѣлаго поколѣнія русскихъ женщинъ, ихъ освободительныхъ движеній, ихъ стремленій къ свѣту и правдѣ. Что дала Вамъ драматическая литература иногда въ поэтическихъ краскахъ и образахъ, а иногда только эскизно, то Вы воплощали въ живые, яркіе женскіе образы. Мы знаемъ пеструю галерею женскихъ портретовъ, художественно созданныхъ Вами. Своимъ вдохновеніемъ, своей чуткой наблюдательностью Вы давали имъ столько жизненной правды и современности, что они выдавались въ общественныя симпатіи, какъ полюбившіеся типы, и въ этомъ смыслѣ Ваша роль едва ли когда была оцѣнена по заслугамъ. Но Вы сыграли эту роль преимущественно и въ этомъ Ваша не только артистическая, но даже историческая заслуга, какъ художника, проникающаго силою своего таланта въ тайны развитія и направленія женскихъ характеровъ.

Вотъ именно объ этой особенно дорогой чертѣ Вашего дарованія мы хотѣли упомянуть въ этотъ прекрасный день Вашего юбилея, Вашего триумфа, въ день такой обильной дани благодарныхъ и горячихъ рукоплесканій, которыя несутся къ Вамъ со всѣхъ сторонъ. Для насъ, для русскихъ, нѣтъ ничего лучше и выше русскаго таланта и Вы это знаете и видите, и мы счастливы, и Ваши счастливы и нашимъ счастьемъ привѣтствовать Васъ отъ всего сердца со всѣми множествомъ русскихъ людей въ этотъ день 25-лѣтія Вашей славной службы русскому искусству.

Еще одно слово. Литературно-Художественное Общество единогласно избрало Васъ своимъ почетнымъ членомъ и поднесетъ Вамъ бриллиантовый знакъ Общества.

Адресъ Литературно-Художественнаго Общества.

Вы, какъ великая художница, одухотворяли все. Но сколько нервнаго напряженія, безсонныхъ ночей, мучительныхъ волненій вложили Вы въ это творчество, объ этомъ знаемъ только мы, ваши товарищи. Мы знаемъ, сколько силъ уноситъ этотъ первый подъемъ, какой цѣной дается это вдохновеніе. Но взгляните на эту залу, на этотъ блескъ ума и таланта, собравшійся здѣсь, чтобы привѣтствовать Васъ и сказать себѣ вмѣстѣ съ поэтомъ:

И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть буря и сомнѣнія
Невзгоду и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя мгновенія,
Мгновенія радости великой и святой!..

Русское Театральное Общество обратилось къ М. Г. Савиной въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Русское Театральное Общество привѣтствуетъ Васъ, своего блестящаго богато одареннаго талантомъ сочлена, съ радостнымъ днемъ серебрянаго юбилея и шлетъ пожеланіе въ будущемъ такъ же торжественно отпраздновать Вашу золотую свадьбу съ театромъ.

Въ исторіи нашего общества Вы сыграли выдающуюся роль, оставили замѣтный слѣдъ на всегда. Вмѣстѣ съ очень маленькимъ кружкомъ любителей искусства, Вы дали жизнь обществу пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, которое выросло впослѣдствіи на Вашихъ глазахъ и при Вашемъ непосредственномъ содѣйствіи, въ современное русское театральное общество, раскинувшееся на все государство и насчитывающее уже многія сотни членовъ.

За все время существованія этихъ учрежденій, Вы принимали самое дѣятельное и сердечное участіе въ ихъ постепенномъ развитіи, посвящая имъ свои досуги, свои труды; хлопотали, волновались, работали въ канцеляріи; появлялись на сценѣ въ пользу обществъ, приносили отраду въ убѣжище артистовъ пансіонеровъ и вездѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались все болѣе и болѣе расправить крылья Обществу.

Русское Театральное Общество съ благодарностью отнеслось къ Вашей общественной дѣятельности и избрало Васъ своимъ почетнымъ членомъ.

Истинно товарищескія отношенія къ необезпеченнымъ сценическимъ дѣятелямъ были по заслугамъ оцѣнены на артистическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Нельзя не вспомнить съ отраднымъ чувствомъ о той трогательной минутѣ, когда Вы, въ своей сердечной теплой рѣчи, сказали, что въ Петербургѣ живетъ „землячка“ провинціальныхъ артистовъ, никогда не забывающая своихъ старыхъ товарищей, душевно имъ сочувствующая и всегда готовая отозваться на ихъ оклики о помощи. Тогда у многихъ навернулись на глазахъ слезы и зрительный залъ московскаго Малаго театра огласился долго не смолкавшими, восторженными апплодисментами, такими же дружными и громкими, какіе раздаются сегодня на Вашемъ юбилейномъ торжествѣ.

Будьте же здоровы! Будьте счастливы! Украшайте еще долгіе годы нашу родную сцену и продолжайте Вашу работу на пользу Театральнаго Общества.

Депутація Русскаго Театральнаго Общества, подносившая этотъ адресъ, состояла изъ Е. Н. Жулевой, А. А. Потѣхина, П. Д. Боборыкина, В. А. Крылова, Н. А. Лейкина, П. М. Медвѣдева, Ф. А. Юрковскаго, Е. П. Карпова, Ѳ. И. Стравинскаго, Н. Н. Фигнера и другихъ. Адресъ украшенъ оригинальной красивой акварелью Е. П. Самокишъ-Судковской и заключенъ въ роскошный бюваръ голубой кожи, на которомъ эффектно выдѣляется монограмма М. Г. Савиной, сдѣланная по рисунку той же талантливой художницы въ стилѣ „moderne“.

Адресъ покрытъ множествомъ подписей, въ числѣ которыхъ имѣются подписи почетныхъ членовъ общества: графа И. И. Воронцова-Дашкова, П. К. Гудимъ-Левковича, И. А. Всеволожскаго, В. С. Кривенко, А. А. Потѣхина, Е. Н. Жулевой, Н. Н. Фигнера, В. Р. Шемаева, А. Е. Молчанова и др. многихъ общественныхъ дѣятелей и литераторовъ, а также артистокъ и артистовъ театровъ Александринскаго, Малаго (Литературно-Художественнаго Общества) и другихъ.

Отъ Русскаго Литературнаго Общества слѣдующій адресъ прочелъ А. А. Потѣхинъ:

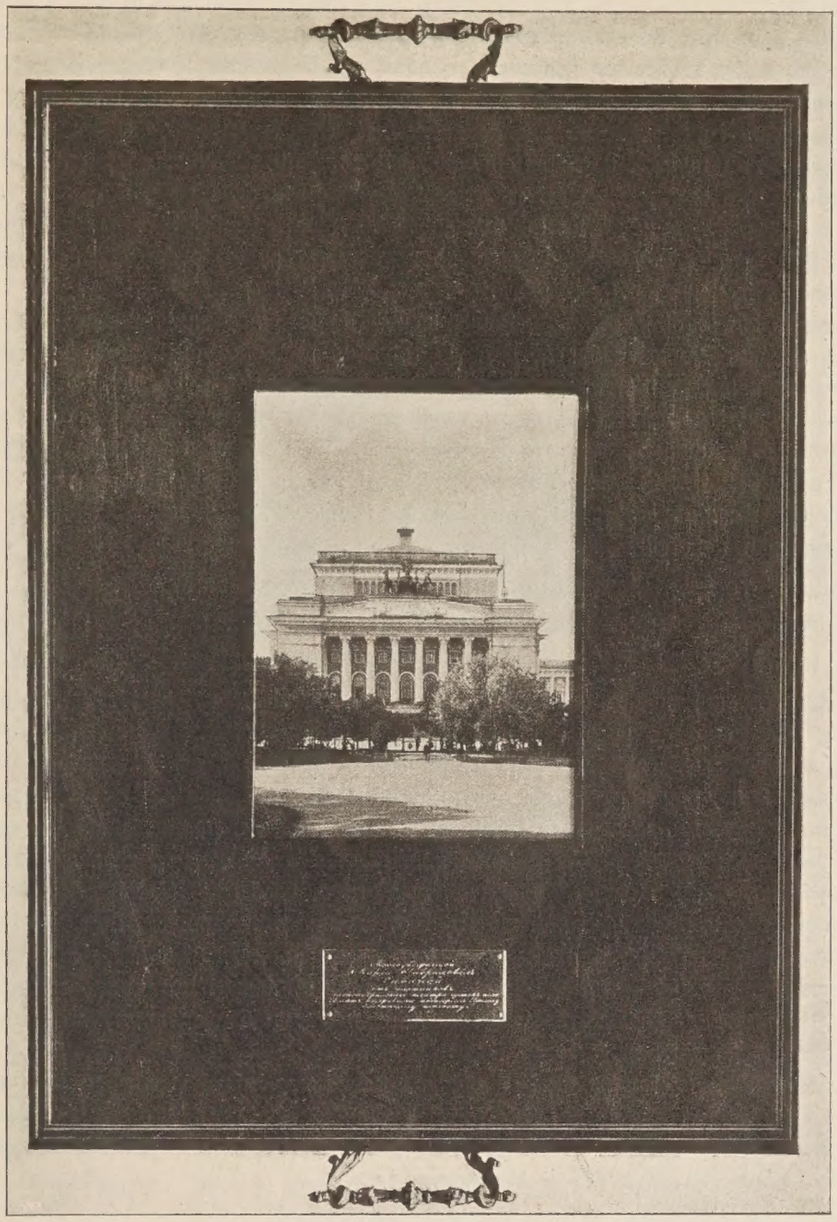
„Въ торжественный для васъ и знаменательный для русскаго искусства день двадцатипятилѣтія служенія вашего дѣлу сценическаго воплощенія образовъ, созданныхъ драматическою литературою, Русское Литературное Общество считаетъ своимъ радостнымъ долгомъ привѣтствовать васъ. Являясь не только носительницею лучшихъ завѣтовъ нашей сцены, но и создательницей своеобразныхъ пріемовъ, исполненныхъ вдумчивости и глубокаго пониманія задачъ искусства, Вы, годами благотворнаго труда, стяжали себѣ право на признательное уваженіе русскаго образованнаго общества и русской литературы—выразительницы его нравственныхъ требованій, Вы слѣдовали завѣту великаго художника, обогатившаго русскую сцену безсмертными произведеніями. Вы говорили съ обществомъ живыми образами, которые, по словамъ Гоголя, какъ полные хозяева входятъ въ души людей, причемъ двери сердецъ раскрываются сами къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, что они взяты изъ Вашей природы.

Вашимъ неустаннымъ трудомъ, наблюдательностью, умѣньемъ подмѣтить и подчеркнуть нарождающіеся типы общественной жизни, Вашимъ сердечнымъ пониманіемъ бытовыхъ чертъ народной жизни, Вы явили поучительный примѣръ отношенія артиста къ просвѣтительнымъ и правильнымъ задачамъ театра.

Вкладывая въ свое исполненіе всю душу и тонкій умъ Вашъ, Вы никогда не дѣлали его

средствомъ доставленія развлеченія, но всегда обращали его въ способъ возбужденія въ зрителяхъ чувства глубокаго эстетическаго настроенія.

Пускай-же служите Вы еще много лѣтъ украшеніемъ и гордостью русской сцены и живымъ залогомъ его процвѣтанія".



Плато, сдѣланное изъ куска пола сцены Александринскаго театра, поднесенное плотниками.

Слѣдующій адресъ Литературно-Художественнаго Общества прочелъ предсѣдатель его, А. С. Суворинъ.

Марія Гавріиловна!

„Сегодняшній день не для Васъ однѣхъ прекрасный день. Онъ прекрасенъ и для всѣхъ русскихъ, видѣвшихъ Васъ на сценѣ всегда бодрою, живою, яркою представительницею не только русскаго искусства, но и русской жизни. Мы не станемъ вспоминать Вашей біографіи, подробностей Вашей артистической жизни. Не станемъ перечислять всѣ тѣ роли, которыя Вы играли и о которыхъ можно сказать, что имъ, пожалуй, и счета нѣтъ. Нечего говорить и о томъ, какой трудъ и какія артистическія силы необходимы для того, чтобы сохранить первенствующее значеніе на первой русской сценѣ: постоянно быть на виду у всѣхъ и быть интересной и блестящей, то зажигая

зрителей веселостью и комизмомъ, освѣщеннымъ вашимъ чудеснымъ юморомъ, то вызывая слезы состраданія и любви къ людямъ, то тихое раздумье и мысли о смерти. Ваше исключительное качество, которымъ Вы всѣмъ особенно дороги, которое проникаетъ всѣ Ваши созданія, это—необыкновенно воспріимчивая русская душа, способная глубоко чувствовать и изображать всѣ изгибы женскаго сердца, всѣ особенности русской женщины во всѣхъ ея состояніяхъ. Поэтому Вы являетесь не только очаровательной представительницей русской сцены, но и цѣлаго поколѣнія русскихъ женщинъ въ ихъ освободительномъ движеніи, въ ихъ стремленіи къ свѣту и правдѣ. Что давала Вамъ драматическая литература иногда въ поэтическихъ краскахъ и образахъ, а иногда только эскизно, то Вы воплощали въ живые, яркіе женскіе образы. Мы знаемъ цѣлую галлерею женскихъ портретовъ, художественно созданныхъ Вами. Своимъ вдохновеніемъ, своей чуткой наблюдательностью Вы давали имъ столько жизненной правды и современности, что они выдвигались въ общественномъ сознаніи, какъ незабываемые типы, и въ этомъ смыслѣ Ваша роль едва ли когда была оцѣнена по заслугамъ. Но Вы сыграли эту роль превосходно и въ этомъ Ваша не только артистическая, но даже историческая заслуга, какъ художника, проникающаго силою своего таланта въ тайны развитія и направленія женскихъ характеровъ.

„Вотъ именно объ этой особенно дорогой чертѣ Вашего дарованія мы хотѣли упомянуть въ этотъ прекрасный день Вашего юбилея, Вашего тріумфа, въ день такой обильной дани благодарныхъ и горячихъ рукоплесканій, которыя несутся къ Вамъ со всѣхъ сторонъ. Для насъ, для русскихъ, нѣтъ ничего лучше и выше русскаго таланта и Вы это знаете и видите, и мы счастливы и Вашимъ счастіемъ и нашимъ, счастіемъ привѣтствовать Васъ со всѣмъ множествомъ русскихъ людей въ этотъ день 25-лѣтія Вашей славной службы русскому искусству.

„Еще одно слово: Литературно-Художественное Общество единогласно избрало Васъ своимъ почетнымъ членомъ и подноситъ Вамъ брилліантовый знакъ Общества“.

Слѣдующую телеграмму прислала кіевская драматическая труппа Соловцова. Ее прочелъ А. И. Долиновъ, передавая М. Г. большой серебряный вѣнокъ, также присланный изъ Кіева:

„Высокоталантливая, многоуважаемая Марія Гавріиловна! Со всѣхъ уголковъ обширнаго отечества, сегодня, въ знаменательный день празднованія четвертьвѣкового славнаго служенія Вашего родной сценѣ, шлетъ Вамъ свои привѣтствія и лучшія пожеланія вся театральная Россія. Такая рѣдкая отзывчивость и любовь къ Вамъ, высокодаровитая и прекрасная Марія Гавріиловна, объясняется Вашими заслугами, какъ выдающейся артистки, такъ и превосходнаго товарища. Вездѣ, гдѣ Вамъ приходилось выступать, Вы своимъ яркимъ талантомъ вызывали неподдѣльный восторгъ какъ среди публики, такъ и среди товарищей артистовъ, особенно цѣнящихъ и любящихъ Васъ какъ лучшую представительницу родной сцены и отзывчиваго товарища. Никакія слова не въ состояніи выразить того благоговѣнія, какимъ мы всѣ преисполнены къ Вамъ, дорогой нашъ товарищъ. Вашъ праздникъ нынѣ — праздникъ русскаго театра, общій праздникъ искусства. Живите, дорогая Марія Гавріиловна. Любовь ко всему возвышенному и благородному да будетъ Вамъ свѣтомъ и радостью на долгіе годы.

Антрепренеръ кіевской драматической труппы Соловцовъ и кіевскіе драматич. артисты: Глѣбова, Морская, Пасхалова, Кондорова, Инсарова, Чурбинова, Звѣрева, Аграмова, Орлова, Недѣлинъ, Багровъ, Скуратовъ, Степановъ, Леонидовъ, Крамскій, Костюковъ, Борисовъ, Богдановъ, Смоляковъ, Романовъ, Кривцовъ, Гриневъ и Маликовъ.

Вотъ полный списокъ депутацій и привѣтствій:

1) Отъ артистовъ казен. драм. труппы—Е. П. Карповъ.
2) Н. Ф. Сазоновъ.
3) Г. Федоровъ-Юрковскій.
4) Отъ московскаго Малаго театра г. Горевъ—золотой вѣнокъ.
5) Отъ русской оперы—сервизъ—гг. Стравинскій, Фигнеръ, Направникъ и др.
6) Отъ французской труппы—серебряный вѣнокъ—г. Андріе, г-жа Балета и др.
7) Отъ балета — брошь эмальированная съ брелокомъ и золотымъ горельефомъ—г-да: Кшесинскій и Аистовъ.
8) Отъ Русскаго Театр. Общ. г-да: Медвѣдевъ, Лейкинъ, Рѣпинъ.
9) Отъ Русск. Литературнаго Общества — А. А. Потѣхинъ.
10) Отъ вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ—М. К. Самусь.

11) Отъ Лит. Худ. Общества—А. С. Суворинъ.

12) Отъ Общества Драм. писателей—г-да: Потѣхинъ, Невѣжинъ и Крыловъ.

13) Отъ Моск. Худ. Общ. театра.

14) Отъ Лит. театра — г. Далматовъ, г-жи: Яворская и Фадѣева — серебряный вѣнокъ.

15) Отъ Виленской труппы—вѣнокъ — г-жа Коммиссаржевская.

Блюдо, присланное изъ Москвы извѣстнымъ театральнымъ коллекціонеромъ г. Бахрушинымъ.

16) Отъ Кіевской труппы—серебряный вѣнокъ — г. Долиновъ.

17) Отъ Городск. поп. о народн. трезв.—серебряный вѣнокъ—г. Шмитовъ.

18) Отъ Театра Корша—лавровый вѣнокъ.

19) Отъ учениковъ Императ. драмат. классовъ.

20) Отъ Кропивницкаго, Садовскаго, Соколовскаго—В. Н. Давыдовъ.

21) Отъ Редакціи журнала „Театръ и Искусство“—портретъ, работы И. И. Кравченко.

22) Отъ Театра „Фарсъ“ — серебряный вѣнокъ, — г. Каменскій, г-жа Кони-Стрѣльская.

23) Отъ Ростовской труппы Синельникова—серебряный вѣнокъ,—г. Сабуровъ.

24) Отъ Василеостровскаго театра—г-жа Недвѣцкая.

25) Отъ плотниковъ—кусокъ пола сцены Александр. театра, въ видѣ плато. Г-жа Савина поцѣловала этотъ цѣнный для нея подарокъ.

М. Г. Савина получила слѣдующіе подарки, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ вѣнковъ и букетовъ:

1) Подарокъ Государя Императора—браслетъ.
2) Подарокъ Великихъ Князей—брилліантовую шпильку въ волосы.
3) Золотой браслетъ съ тремя сапфирами кабошонами.
4) Булавку съ тремя крупными брилліантами.
5) Золотой браслетъ въ видѣ цѣпи, каждое звено которой украшено драгоцѣннымъ камнемъ.
6) Жетонъ съ драгоцѣнными камнями отъ Лит. Худ. Общества.
7) Большой стягъ, шелковый изъ Берлина, отъ русской колоніи.
8) Картину маслянными красками, работы Г. П. Кондратенко, изображающую Александринскій театръ.
9) Ларецъ севрскій съ медальономъ.
10) Украшенный брилліантами карандашъ.
11) Голубой атласный бюваръ.
12) Ящикъ съ серебряными вещами.
13) Серьги яхонтовыя съ брилліантами.
14) Серебряный рогъ изобилія съ цѣпью.
15) Брилліантовый медальонъ.
16) Двѣ серебряныя эмалированныя вазочки.
17) Бюваръ серебряный отъ И. В. Шпажинскаго.
18) Роскошный альбомъ-бюваръ отъ декораторовъ дирекціи, съ акварелями всѣхъ 16 художниковъ.

Къ юбилейному торжеству было получено около 300 телеграммъ. Привести ихъ всѣ, конечно, нѣтъ возможности.

Вотъ нѣсколько выборокъ:

Глубоко сожалѣю, что болѣзнь моя препятствуетъ мнѣ присутствовать на Вашемъ праздникѣ, примите мой сердечный привѣтъ.

Абаринова.

Привѣтствую славную артистку и дорогого товарища въ день ея двадцатипятилѣтняго служенія искусству, будьте счастливы на долгіе годы.

Ермолова.

Глубокоуважаемая Марія Гавріиловна! Псковское товарищество русскихъ драматическихъ артистовъ шлетъ свое искреннее поздравленіе съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ Вашей сценической дѣятельности, питая надежду, что еще долго, долго вы будете украшать собою родную сцену.

Представители: Степанова, Новикова, Межева. Артисты: Страхова, Корчагина, Надеждина, Майковъ, Шеншинъ, Римини, Мартыновъ, Гуревичъ.

Телеграммы прислали еще слѣд. труппы: самарская, архангельская, воронежская, костромская, тифлисская оперная, николаевская, псковская, таганрогская, ростовская, нижегородская, петровское убѣжище, кременчугская, малорусская, кіевская и слѣдующія частныя лица: Глазунова, Глама-Мещерская, режиссеръ польской труппы въ Варшавѣ — Шимановскій, Погожевъ, Карабчевскій, Альма Нильская, Адельгеймы, Бахрушины, Недѣлинъ, Суконниковъ, Сабурова, Андреевъ, Опочининъ, русскіе берлинцы, Шпажинскій, Самойловъ, Песоцкій, Ильковъ, Измайлова, Романовская, Соколовъ, Волгина, Фаддѣева, Волховской, Инсарова, Томскій, Кривская, Чинаровъ, Башинская, Киселевскіе, Ал. Ал. Соколовъ, Аверкіевъ, Луговой, Шапиръ, Персіянинова, Николаевъ, Злачевская, Туруновъ, Бертенсонъ, Шубиненко, Вульфъ и др.

Оваціи продолжались около часу. Когда онѣ кончились, М. Г. Савина подошла къ рампѣ и, прерывающимся отъ волненія голосомъ, сказала нѣсколько словъ, вызвавшихъ такія рукоплесканія, отъ которыхъ дрогнули стѣны театра.

Свои слова Марія Гавріиловна Савина любезно написала мнѣ.

Я заканчиваю мой очеркъ этимъ автографомъ, потому что онъ свидѣтельствуетъ краснорѣчивѣе всякихъ поясненій о томъ, чего достигла наша великая артистка, какъ высоко поднятой восторгами публики чувствовала себя, говоря зрителямъ:

Въ цѣломъ мірѣ, вѣроятно
найдется человѣкъ счастливѣе
меня, но въ Рамѣ въ данную
минуту, конечно, — нѣтъ!

25 р.
№ 26
№ 3282
2/IV 1954 г.
МК-535548
1/3
Маг. № 20
К.
Ш 74/7

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0005109987 1